

Пётр Азарэль

Еврейская сага

Роман

18+

Пётр Азарэль
Еврейская сага

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Азарэль П.

Еврейская сага / П. Азарэль — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Жизни и судьба еврейских семей, проживающих в одном московском доме, на фоне событий российской и мировой истории от начала 20-го века до наших дней. Трое друзей осознают своё еврейство и переживают болезненную личную драму. Невозможность самореализации в России толкает их в эмиграцию: один из них, математик, уезжает в Америку и становится крупным учёным, другой, пианист и дирижёр, в Израиль, где встречает свою школьную любовь и обретает мировую известность, а третий, бизнесмен, остаётся в России и погибает при столкновении с ОПГ. Их дети, преодолев множество жизненных испытаний, влюбляются друг в друга и соединяют свои судьбы.

© Азарэль П., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Пётр Азарэль

Еврейская сага

Часть I

Глава 1

1

Бабье лето в Замоскворечье расцветило дворы и улицы красно-охряным убором, обеспечив дворников нескончаемой, привычной работой. Погожие дни конца сентября – благословенное время, когда небо чистое после летних и первых осенних дождей, воздух напоён ароматами подмосковных лесов, солнце светит ярко и безмятежно, даря нежное приятное тепло, от которого нет нужды скрываться дома или в прохладной тени деревьев, дворы и парки полны птиц, ещё не собирающихся в стаи, чтобы покинуть сытную, но холодную Москву. Для детей это самое трудное время, когда после жаркого лета, проведённого в лагерях или на дачах, или с родителями на юге в Крыму, Сочи или Сухуми, они должны вернуться в школу, а потом делать уроки, когда всё хочется бросить и бежать из дома туда, где их ожидают друзья и новые приключения.

Восьмизэтажный кирпичный дом, построенный в тридцатые годы, раздался трапецией между Большой Серпуховской и Люсиновской, повторяя своей формой сходение двух идущих под углом улиц. В центре двора находилась большая грунтовая детская площадка с неизменной песочницей, и покрытыми голубой, зелёной, коричневой и красной краской горками, лестницами, качелями и каруселями. В местах, где краска облетела, проступали ржавые пятна обнажённого металла. Двор расширялся к северу, соединяясь с дворами соседних домов с подобным бесхитростным набором металлических и деревянных конструкций. И всё это внутреннее пространство было обрамлено множеством раскидистых вязов и клёнов, выросших благодаря обильным дождям и снегам, характерным для центральных областей России.

А сейчас деревья теряли свой покров, и жёлтые листья падали, обнажая серые причудливые ветви, и ложились на землю и асфальтированную дорогу, петлявшую вдоль окон и подъездов домов. По утрам перед выходом в школу детей будил ритмичный шорох дворницких метелок, сопровождаемый щемящим шелестом листьев. Их собирали в кучу и поджигали, и лёгкий ветерок разносил по этажам терпкий запах былой красоты.

Стремление ребят к свободе неодолимо, и, сделав уроки, они спускались во двор, который был их страной, где торжествовали принятые ими законы вольности. Вожаком был Хруст, пятиклассник, высокий вихрастый паренёк из второго подъезда Паша Хрусталеv. В него были влюблены многие девчонки, что, несомненно, добавляло ему авторитета в глазах мальчишек. Он был немного старше других, что давало ему определённое преимущество и уверенность в себе, обладал чувством юмора и справедливости и умел остановить свою команду у «красной черты», которую нельзя было перейти. Он пресекал драки, умел договариваться с ребятами из соседних дворов и споры между ними зачастую решались в футбольных состязаниях. А во дворе мальчишки делились на две команды и гоняли мяч на площадке между деревьями, вытоптанной подошвами ботинок и китайских кед.

Трое друзей-четвероклассников, Саня, Илья и Ромка, просились в одну команду, Саня и Ромка играли в нападении, а нескладный Илья стоял в воротах, одной из стоек которых служил ствол дерева, а другой, булыжник, неизвестно когда и как оказавшийся во дворе. Он бесстрашно бросался под ноги нападавшим, прыгал, как его кумир Лев Яшин, стараясь перехватить мяч, посланный издалека, и, больно ударяясь о землю боком, лишь растирал его, чтобы вновь быть готовым к прыжку. А друзья ловко обыгрывали соперников и забивали голы, получая всю славу и любовь девчонок, стоявших на краю поля и подбадривавших игроков. Когда

игра заканчивалась, они, счастливые и возбуждённые, усаживались на скамейках возле детской площадки и обсуждали перипетии футбольной баталии.

Золотой покров шуршал под ногами в аккомпанемент звонким мальчишеским голосам. Сегодня их команда опять выиграла у ребят из соседнего двора.

– Хорошо мы им врезали, – авторитетно произнёс Хруст.

– У них есть несколько хороших игроков – Сергей, Вовка, Гарри. Но у нас команда дружнее что ли, – поддержал его Саня.

– Если бы не Илья, могли бы и продуть. Он два таких мяча взял, – искренне проговорил Андрей и потрепал его по плечу.

– До сих пор плечо болит, – усмехнулся Илья. – Боюсь, вывихнул.

– Рома, домой, – слышался звучный женский голос.

– Ещё пять минут, мама, – крикнул в ответ Ромка. – Отец пришёл с работы и, наверное, открыл дневник. У меня сегодня была стычка с училкой, и она мне написала.

– Ладно, тогда и я пойду, – буркнул Саня. – Надо что-нибудь пожрать.

Ребята поднялись и побрели к дому, за ними держась за бок, поплёлся и Илья.

Ромка не ошибся в своей догадке и, увидев в коридоре на вешалке отцовскую кожаную куртку, внутренне собрался, приготовившись к разговору с ним. Елена Моисеевна, Ромкина мама, и Лев Самойлович находились в гостиной, куда перебрались после ужина. Отец сидел в кресле, держа в руке закрытый дневник, а мать прилегла на широкой румынской тахте, отдыхая после многочасового стояния у кульмана. Она работала старшим инженером в проектно-институте в отделе автоматизации производства, где ей по окончании политехнического института помог устроиться дядя. Проблема была в том, что каждый выпускник ВУЗа, по тогдашнему закону, должен был отработать три года по направлению учебного заведения, получавшего из соответствующего министерства список предприятий, где нуждались в молодых специалистах. Разумеется, Елена в Сыктывкар ехать не пожелала и обратилась к брату матери, работавшему в этом институте главным инженером проекта.

– Здравствуй, папа, – сказал Ромка, входя в гостиную.

– Добрый вечер, – ответил Лев Самойлович и бросил на сына испытующий взгляд. – Я посмотрел в твой дневник и у меня есть к тебе вопросы.

– Лёва, дай ребёнку отдышаться и поесть, – вмешалась мама.

– Еду, между прочим, нужно ещё заслужить, Лена, – парировал он и переведя взгляд на Ромку, спросил:

– Зачем ты конфликтуешь с Натальей Ивановной, что ты с ней не поделил?

– Мне на её уроках не интересно. Ну, я повернулся к Маринке.

– Это было не один раз, так она и написала и попросила, чтобы мы поговорили с тобой и ей ответили, – задумчиво произнёс Лев Самойлович. – Я понимаю, что русский язык не самый занимательный предмет. Но его надо знать. Без хорошей оценки ты не поступишь в хороший институт и не сможешь продвигаться по службе. Прими также в расчет и нашу национальную принадлежность. Давай, Рома, договоримся, что ты помиришься с Натальей Ивановной и выучишь язык.

– Хорошо, папа, я постараюсь, – вздохнув, сказал Ромка.

Он понял, что деваться некуда и придётся учить падежи и спряжения глаголов. Но последняя фраза отца не оставила никакого следа в его памяти и сознании. Детство ещё преобладало и царило в душе, не желая отдавать свои прекрасные иллюзии.

– Мама, что мне поесть?

– Мой руки, Рома, я тебя покормлю.

Елена Моисеевна легко поднялась с тахты и, обняв сына за плечи, направилась в кухню.

Симон Мирский, прадед Ромки, происходил из местечка Мир, принадлежавшего прежде сильному европейскому государству Речи Посполитой. Владевший им со второй половины шестнадцатого века либеральный граф Радзивилл поощрял селиться здесь и евреев, по соседству с которыми проживали поляки, литовцы, белорусы и даже мусульмане. С конца восемнадцатого века городок вошёл в состав Гродненской губернии Российской империи и вскоре стал известен во всём еврейском мире своей знаменитой ешивой. Симон при содействии сойфера местной синагоги поступил туда учиться, и его ждала в тех краях карьера уважаемого раввина. Он женился на красавице Фруме, но закончить ешиву не успел и в начале Первой мировой войны бежал из прифронтовой полосы на восток. Суровые зимние дороги привели его в Московскую губернию, но Москва тогда была ещё закрыта для евреев, и он поселился с женой в Марьиной Роще, тогда ещё пригороде Москвы, и стал служить в здешней синагоге. А весной Фрума разрешилась от бремени, и на свет появился Самуил, дед Ромы, а через год родилась Ида. После Февральской революции запрет на поселение евреев в столице отменили, и им уже не приходилось скрываться от полиции. Но пришёл красный террор, и Симона арестовали, а через неделю расстреляли. Жена его, погоревав, согласилась на предложение начальника районного отделения милиции Лифшица и вышла за него замуж, понимая, что одна поднять детей не сумеет. Самуил пошёл в школу, а потом поступил на государственную службу. В тридцать шестом женился на Еве и через год появился на свет Лёвочка. В начале войны Фрума с семьёй Иды и Евы эвакуировалась в Куйбышев, а подполковник Лифшиц и Самуил остались в Москве. Через несколько месяцев она получила извещения о смерти, но жизнь заставила её взять себя в руки и помочь невестке и дочери, муж которой погиб под Сталинградом, растить детей. В конце войны они вернулись в Москву, где Фрума вскоре умерла и была похоронена на еврейском кладбище.

Лев Самойлович Мирский работал заместителем главного инженера строительно-монтажного управления. Директор управления Прокофьев благоволил талантливому инженеру, исподволь готовил его к дальнейшему продвижению на должность главного, и к тридцати восьми годам пробил ему назначение, которое с большим трудом отстоял в горкоме: его протеже в партии не состоял и на предложения парторга отшучивался, называя себя неготовым к столь высокой миссии. Лёву, так звали его сослуживцы, любили за дружелюбие, профессионализм и умение найти выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. Его рабочий день зачастую продолжался до позднего вечера, особенно когда шла подготовка к началу строительства или к сдаче объекта приёмной комиссией. Лев Самойлович был требователен и настойчив, но все понимали, что только такой подход гарантирует качество строительства и что здание будет передано заказчику без задержек и все получают долгожданную премию, нелишнюю в лихое время семидесятых.

Секретарём главного инженера два последних года была Вера Лебеденко, красивая великолепно сложенная блондинка. Она не была замужем и без колебаний и нравственных коллизий пользовалась своей свободой в поисках любовника или мужа. Обладая практичностью и крепким умом, она легко сходилась с людьми и так же легко расставалась, если сознавала, что связь не приведёт её к желаемой цели. Один роман сменялся другим, не оставляя в её душе сожаления и горечи.

Льва она заметила с первых дней работы в управлении и решила вначале присмотреться к нему: женское чутьё подсказывало ей, что у него, как и у многих еврейских мужей, крепкая семья и на сближение он не пойдёт. Она видела, как благоволят ему директор и её шеф, как успешно складывается его карьера, и порой заходила к нему поговорить о жизни и готовила ему кофе перед уходом, когда он задерживался в конторе, чтобы выполнить расчёты или изучить полученные из проектного института чертежи. Лев был далёк от сложившегося в её голове образа мужской красоты, но он ей определённо нравился. Её вдруг осенило, что интеллект, деловая хватка и чувство юмора, могут быть чрезвычайно привлекательными для женщины

качествами мужчины, придающими ему притягательность и сексуальность. К тому же Лев, как со временем поняла она, был хорош собой и обладал вкусом и элегантностью, отличавшими его от многих сотрудников управления. Женщина нуждается в любви, чтобы выполнить заложенное в её природе предназначение, и однажды она поняла, что влюбилась. Лев не мог не заметить произошедшую в его коллеге перемену, животное чувство, заложенное в нём, скоро обнаружило очевидный интерес Верочки к нему. Он не проявлял инициативы и старался ничем не обнаружить свою осведомлённость, не без волнения дожидаясь каких-то шагов с её стороны.

В тот вечер она не ушла вместе со всеми, а, приготовив ему кофе, осталась стоять возле его стола, создавая, что в управлении никого не осталось, кроме них и охранника на выходе. Лев поблагодарил за чашку кофе и с любопытством взглянул на неё.

– Верочка, мне ещё нужно поработать, завтра совещание у директора. Я должен представить новый проект, – заговорил Лев, предчувствуя какую-то развязку. – Тебя сегодня никто не провожает?

– Лёва, я давно хотела сказать, и не думала, что это будет так трудно, – сказала она, борясь с охватившим её волнением. – Я люблю тебя. Сама не ожидала...

– Что полюбишь еврея? – спонтанно выдохнул он.

– Да о чём ты? Я никогда не делила людей по национальному признаку. Ты не сознаёшь, какие вы, евреи, особые люди, сколько в вас достоинства и интеллигентности.

Вера говорила искренне, и у него не возникло никаких сомнений в её чувствах. Её лицо было прекрасно, глаза горели, великолепное тело под синим платьем, облегающим вздымающуюся от учащённого дыхания грудь, плоский живот и округлые бёдра, трепетало от страсти. Она подошла к нему вплотную, и он невольно поднялся навстречу ей. Её губы дрожали, открывшись и показав ровный белый ряд зубов. Она положила на его плечи руки, и поцеловала его сухие губы. Лев неожиданного для самого себя весь подался вперёд и, прижав её к себе, ответил не слишком умелым поцелуем. Своим женским существом Вера ощутила его нарастающую страсть и, не отпуская его из объятий, прилегла на стол. Он поднял полы платья, коснулся её бёдер, нащупав трусики, снял их и, расстегнув ширинку брюк, повалился на неё. Она почувствовала в себе его плоть и, задышавшись от счастья близости, притянула его к своей груди. Волна неудержимого оргазма охватила всё его существо, и она ответила мощным горячим потоком.

Потом Лев Самойлович и Вера стояли у двери кабинета, всё ещё полные внутреннего огня, но сознающие неотвратимость расставания.

– Женись на мне, Лёва. Мы с тобой прекрасная пара. Я без ума от тебя, – сказала она, смотря ему прямо в глаза. – Ты ведь тоже любишь меня?

– Вера, это невозможно. Я женат и у нас есть сын, – стараясь быть твёрдым и безапелляционным, ответил он.

Лев обнял её, с трудом сдерживая себя. Она потеряно провела рукой по его лицу, повернулась и вышла в коридор. Он сел на стул и попытался вникнуть в работу, но сосредоточиться не смог. Ощущение пережитого блаженства не оставляло его. Воображение всё время вызывало из небытия её пылающее страстью лицо, налитую негой грудь, покатые плечи и лебединую пахнущую духами шею.

«А она права, кажется, я влюбился. Совесть моя чиста, это верно: я её не соблазнял, за ней не ухаживал, вёл себя корректно, как и положено с сотрудниками. Но справиться с чувствами будет нелегко. Можно выдать себя, стоит только на минуту потерять контроль над собой. А Лена и Ромка? Что мне с этим делать?»

Лев Самойлович поднялся со стула, уложил чертежи в кожаный дипломат, выключил свет и вышел из кабинета. На выходе он кивнул на прощанье сидевшему за маленьким стеклянным окном охраннику и направился к станции метро.

Елена Моисеевна сразу почувствовала произошедшую в муже перемену.

– У тебя всё в порядке, Лёва? – спросила она.

– Да, Лена. Просто немного устал. Завтра презентация нового проекта у директора. Я не успел подготовиться. Сейчас поем что-нибудь и сяду за работу. Документацию я захватил с собой.

– Отдохни, милый. Я тебе приготовлю твой любимый омлет с ветчиной.

– Спасибо, дорогая, – согласился он и, погрузившись в кресло, закрыл глаза.

Жизнь во всей своей сложности ждала от него однозначного решения.

3

Недаром говорят, что бытие – самый лучший учитель и тот, кто умеет понимать и усваивать его уроки, приобретает то, чему не научит никакая школа, – житейскую мудрость. В пятом подъезде дома проживала семья Гинзбург. Глава семьи Вениамин Аронович, пройдя тяжелейший, состоящий из девяти ступеней, экзамен у Льва Ландау, стал его учеником и под его руководством защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертацию. Он работал с Дау, как называли Льва Давыдовича его ученики и близкие, в знаменитом Институте физических проблем, руководимом тогда ещё Петром Капицей. Когда академик попал в аварию, и жизнь его висела на волоске, он дежурил в больнице у его постели. После смерти шефа Вениамин Аронович получил предложение возглавить отдел в другом научно-исследовательском институте. Там он плодотворно трудился, его статьи печатались в научных журналах, несколько раз зарубежные коллеги приглашали его на симпозиумы в Соединённые штаты и Европу, но всякий раз ему отказывали, и вместо него с докладом о работе его и сотрудников отправляли кого-то другого, не имеющего к этой теме никакого отношения. Да и получение академического звания члена-корреспондента загадочным образом откладывалось и тормозилось. Вениамин Аронович прекрасно понимал, что антисемитская партийная диктатура и бюрократия не позволят ему работать и жить достойно, но сносить унижения и лицемерие он не желал.

Когда в начале семидесятых годов он, посоветовавшись с женой Сарой, подал заявление на выезд в Израиль, его сняли с должности и уволили «по собственному желанию». На общем собрании коллектива парторг заклеил его, как предателя и отщепенца. Досталось и от товарищей, с которыми ещё вчера работал, обсуждал научные проблемы, обедал за одним столом в институтской столовой и с которыми не раз выпивал дома по праздникам и на семейных торжествах. Он не обиделся, понимая, что их «попросили» выступить. А в первом отделе мужчина в сером костюме со свойственной чекистам выправкой объяснил, что при той форме допуска, который у него был, ему никогда не дадут разрешение на эмиграцию. У Сары Матвеевны вскоре тоже начались неприятности и её, преподавателя математики в педагогическом институте, перевели в техническую библиотеку с понижением в зарплате, объяснив, что она, подав документы на выезд, будет оказывать пагубное влияние на студентов, и по идеологическим причинам не может оставаться на своей должности.

У семьи Гинзбург начались трудные времена. Прожить на мизерную пенсию Гинды, мамы Вениамина Ароновича, и на зарплату библиотекаря, было невозможно. Дочь Лина училась в медицинском, а сын Семён заканчивал институт инженеров транспорта. Несмотря на это его завалили повестками из военкомата, что не могло не вызвать подозрения в намеренности происходящего. Понятно, что некая инстанция пыталась помешать ему завершить образование и передать на попечение военного ведомства, где бы его «научили» по полной программе. Искать справедливости было бессмысленно и неразумно, и Вениамин Аронович обратился к знакомому полковнику, который свёл его с районным военкомом. За немалую мзду дело Семёна отложили в долгий ящик и до поры до времени оставили в покое. Новые друзья-отказники Вениамина Ароновича похлопотали о работе, и нашли ему место кочегара в котельной, с оборудованием которой он довольно быстро разобрался – экспериментальные установки, которые ему приходилось создавать в институте, превосходили по сложности незамысловатую аппаратуру котельной. Большую часть времени, а его приняли для работы в ночную смену,

делать было нечего, и для Вениамина Ароновича открылись невиданные прежде возможности. Раньше, как заведующим отделом, он был занят администрированием, не оставлявшим ему много времени для науки. Теперь он вернулся к проблеме, которую вынашивал многие годы. Ясность и глубина мышления, не достижимые в суете дня, проявились здесь, в тесной каптёрке, с прежней силой и азартом молодости. Из обрывков идей и догадок возникла теория, и его поразила мысль, что нечто недостижимое будто диктовало ему, и он едва успевал записывать словесные доводы и уравнения. Выдающийся учёный, Вениамин Аронович превосходно знал математику и физику, но для прорыва, каким является создание новой теории, всегда требуется толчок, проявляющийся через вдохновение или озарение. Размышляя о происшедшей с ним метаморфозе, он склонялся к мысли, что она была бы невозможна без божественного присутствия. Высшая сила, контролирующая всё и вся в мироздании, выбрала его и наделила творческой энергией для постижения истины, как обладающего необходимыми знаниями и способностями. Убеждённый атеист, он всегда верил в творческую силу человеческого разума, считал верующих малообразованными, невежественными или ущербными, а священнослужителей шарлатанами от религии, зарабатывающими на людской слабости и нужде. Сейчас его уверенность в собственной правоте дала трещину, и он решил поговорить с раввином Эпштейном, о котором ему когда-то рассказывал приятель.

Прежде Вениамин Аронович передал бы написанные статьи для публикации в академическом журнале и выступил бы на конференции с докладом, отстаивая свой научный авторитет и доказывая приоритет в этой области физики и своё очевидное соответствие званию члена-корреспондента Академии наук. Но сегодня, убедившись в том, что его вклад в советскую науку, его знания и талант учёного власти не нужны, и, получив скорый и категорический отказ на просьбу об эмиграции, он понял, что нужно искать другой путь. Теперь его теория должна стать ключом в свободный мир, который находится за железным занавесом, воздвигнутым тоталитарным режимом его прежде любимой страны. Если ему не удастся передать этот материал для публикации в каком-либо научном журнале на Западе, то его следует хранить в тайном месте до отъезда. Он навёл справки среди учёных-отказников и ему посоветовали встретиться с аккредитованным в Советском Союзе американским журналистом. Встреча состоялась на квартире одного из коллег и ему объяснили, что передать можно будет только микрофильм. Он с большим трудом достал фотоаппарат, снимающий на микроплёнку, принёс его на работу и принялся за дело. Вначале ему потребовалось соорудить штатив, в котором устанавливался аппарат, потом он подобрал для полученного расстояния выдержку и диафрагму, и добился хорошего качества снимков, проектируя плёнку на экран с помощью фильмоскопа. Он сделал два экземпляра плёнки, оставив себе одну, и в назначенное время передал её журналисту. Через дипломатическую почту посольства США она оказалась в руках профессора физики Принстонского университета. Тот сразу понял, что речь идёт о прорыве в актуальной области науки и теория доктора Гинзбурга была опубликована в авторитетном журнале. Научная общественность Америки обратилась через посольство в Москве к Академии наук СССР с просьбой выпустить господина Гинзбурга на конференцию с докладом о его выдающейся работе.

Не прошло и недели, как в квартиру Вениамина Ароновича нагрянула группа людей, поведение и выправка которых не вызывала сомнений в их принадлежности к известной организации. Квартиру перевернули вверх дном, но ничего, кроме учебника языка иврит и потёртой, прошедшей множество рук книги ТАНАХ, не нашли. А искали они, как он сразу сообщил, оригинал теории, уже наделавшей шума на Западе, который успел передать приятелю, спрятавшему тетради в подвале загородной дачи. Поэтому обыск в котельной тоже не дал никакого результата. Его вызвали на беседу в известное всей стране здание на площади Дзержинского и лестью и обещаниями восстановить его на работе в институте и присвоить звание члена-корреспондента предложили отозвать заявление об эмиграции.

Вениамин Аронович понял, что причиной возникшего вокруг него переполоха стала публикация его научной теории, и ответил отказом, так как не мог поступить иначе, и его на время оставили в покое. Он и его семья к этому времени уже успела вкусить немало подлостей и унижений. Он стал другим человеком, вдохнул воздух свободы, познакомился с единомышленниками, начал вникать в проблемы иудаизма и соблюдать заповеди и его намерения репатрироваться в Израиль стали незыблемым стимулом, питающим его упорство и убежденность. Не раз его видели выходящим из хоральной синагоги на улице Архипова, ставшей в те годы местом встречи отказников и учеников подпольных иешив. Посетители синагоги знали, что она находится под пристальным наблюдением КГБ, но желание жить нормальной еврейской жизнью было сильнее их страхов и опасений. Вениамин Аронович стал носить кипу, которую сразу же заметили соседи. Это раздражало их, они принялись судить и рядить, обвиняя его, а заодно и всех евреев, в предательстве и измене Родине. Дети слышали разговоры родителей, перенимали их недовольство и ненависть, и невольно становились участниками травли. Когда он появлялся во дворе, его преследовала ватага мальчишек, кричавшая в след оскорбительные слова. Доставалось и его детям, Семёну и Лине, но они гордо проходили мимо беснующейся детворы, понимая, что это лишь отголоски антиеврейских настроений, царивших в доме.

Друзья были в растерянности, не понимая смысл и причины происходящего.

4

В субботу вечером Наум Маркович Абрамов, отец Саньки, сидел в кресле возле полуоткрытого окна, предаваясь отдыху после напряжённой недели. Свет торшера падал на лежащий на его коленях свежий номер журнала «Новый мир». Инна Сергеевна, мама Саньки, возилась на кухне, готовя традиционный салат из помидоров, огурцов и зелёного лука со сметаной. В духовке газовой плиты пеклась картошка в мундире, и густой запах овощей смешивался с терпкими запахами осени, проникающими сюда из открытой форточки.

– Наум, позови-ка Саньку, – услышал он голос жены, – скоро будем ужинать.

– Сейчас посмотрю, где он, – откликнулся Наум.

Он поднялся с кресла и выглянул в окно. С высоты третьего этажа двор хорошо просматривался и он сразу же заметил сына в окружении друзей.

– Санька, поднимайся, мама зовёт, – негромко сказал Наум, но сын его услышал и поднял голову.

– Хорошо, папа.

Он стремглав поднялся по лестнице, по обыкновению не воспользовавшись лифтом, и открыл входную дверь.

– Ну, что слышно, Саня, – спросил отец, заметив непривычное выражение растерянности на его лице.

– Папа, а кто такие «жиды»?

– Это евреи. Мы тоже евреи. «Жид» говорят, когда хотят оскорбить, – объяснил Наум Маркович. – А что случилось?

– Мальчишки обзывают мужчину в чёрной шапочке и его детей. Они живут в пятом подъезде, – ответил Саня.

– Этот человек, я слышал, учёный-физик. Несколько лет назад вся семья подала заявление на выезд из страны, но им отказали.

– А почему они хотят уехать? – не унимался Санька.

– Это сложный вопрос. Каждый человек решает сам, где ему лучше.

Но чтобы покинуть страну, в которой он родился и прожил большую часть жизни, нужны серьёзные причины. Я не знаю, почему они хотят эмигрировать, – сказал Наум Маркович, тщательно подбирая слова.

– А почему мы никуда не собираемся? – спросил Саня.

– А нам что, здесь плохо живётся? Мы голодаем? У нас нет крыши над головой? – задумчиво проговорил отец. – Саня, я тебя прошу их не обижать. И друзьям своим скажи. Это неприлично. Евреи должны поддерживать и защищать друг друга. – Он замолчал, а потом добавил, – я, пожалуй, поговорю с родителями Ромки и Илюши.

Инна Сергеевна с некоторым волнением прислушивалась к разговору мужа с сыном. Она понимала, что еврейский вопрос рано или поздно возникнет, но происшедшее всё же стало для неё неожиданностью. Муж, подумала она, ясно и просто всё объяснил, и пора завершить беседу. Ребёнку-то всего десять лет.

– Мальчишки, картошка остывает. Пошли ужинать, – сказала она и, поправив ситцевый халат, направилась в кухню.

Ели молча, наслаждаясь вкусом свежих овощей и печёных клубней со сливочным маслом и селёдкой, приправленной кружками репчатого лука. Потом пили чай с вафлями, и каждый думал про себя, что в их жизни произошло что-то очень важное, и они стали другими людьми. И об этом не нужно больше говорить.

Дед Наума Эммануил родился в Витебске в конце девятнадцатого века, в те годы, когда половина его населения составляли евреи, впитавшие с молоком матери язык и культуру идиш. Отец принадлежал к портняжному цеху и с раннего детства, в стремлении дать сыну еврейскую профессию, обучал его своему ремеслу. Революция ликвидировала черту оседлости, и амбициозный юноша попрощался с родителями и двинулся на восток. Его, как и многих его сверстников, влекла Москва, город, в котором можно было, так ему представлялось, разбогатеть и приобрести известность. Он с трудом нашёл комнату на Мясницкой и начал работать. Однажды он встретил Розу, дочь бакалейщика, купца третьей гильдии, поселившегося в Москве ещё при Александре Втором. Они полюбили друг друга, и он сделал ей предложение. Сыграли скромную свадьбу, и Эммануил переселился в квартиру тестя. Когда родился Марк, он сам уже мог обеспечить семью: множество заказов давало хороший заработок. Во времена НЭП дела особенно пошли в гору, и он открыл ателье на Тверской. Потом НЭП отменили, ателье пришлось закрыть и устроиться на работу в Трёхгорную мануфактуру. Марк поступил в механико-машиностроительный институт и, закончив его, получил направление на Сталинградский тракторный, где познакомился с Диной Уманской, работавшей бухгалтером в заводууправлении. Молодые расписались и им выделили комнату в общежитии. Там через девять месяцев и появился на свет Наум. В первые дни войны было принято решение перестроить производство на выпуск танков. Марк получил броню, освобождавшую его от мобилизации. Танки выходили из корпусов завода до середины сентября сорок второго года, когда бои уже шли на территории предприятия. В начале октября, когда персонал готовился к переправе на другой берег Волги, Дину застрелил немецкий снайпер. Марк похоронил жену во дворе завода и погрузился на катер с мальчонком на руках. Родители уже ждали его в Средней Азии. Директор разрешил ему командировку и Марк из Челябинска вырвался на несколько дней в Ташкент, чтобы передать Наума бабушке Розе.

Родители Эммануила эвакуироваться не успели и умерли от голода в Витебском гетто.

После войны Марк Эммануилович вернулся в Москву и устроился на автозавод. Его познакомил с Софьей Малкиной, и она заменила Науму его погибшую мать.

– Хороший у нас сын, Наум. Жаль только, что мы не родили ему брата или сестру.

Они лежали в их спальне на широкой постели, обнявшись и прижавшись друг к другу. Из открытого окна доносился отдалённый шум Москвы, погружающейся в ночь.

– Дорогая, у него есть друзья. А они порой лучше родственников. Да и мы уже не так молоды, чтобы думать о ребёнке. Нам ещё нужно воспитать Саньку, дать ему образование и помочь устроиться на работу. А это при нашем происхождении задача не из лёгких.

– Ты каждый раз находил основание отложить этот вопрос до лучших времён.

– Но ты же всегда со мной соглашалась. Вначале мы жили в тесной квартирке с моими родителями. Отец, ветеран войны, несколько лет ходил по инстанциям, пока нам не выделили эту квартиру. Тогда Санька только родился, а я работал простым инженером с зарплатой девятью рублями. И если бы ты ушла в декретный отпуск, мы бы едва сводили концы с концами. А где бы мы поставили детскую кроватку? Я много и тяжело работал, чтобы продвинуться по службе. Да, твой отец, пусть земля ему будет пухом, мне помог устроиться в институте и просил за меня. Но, окажись я дураком, ничего бы не помогло. К счастью, у главного инженера Гордона светлая еврейская голова – когда Иван Фёдорович ушёл на пенсию, он объяснил начальству, что на этой должности должен быть специалист, а не партийный функционер. И случилось чудо – назначили меня. Помнишь, год назад, когда мне стукнуло сорок, подписали приказ. Это был роскошный подарок ко дню рождения. Сколько лет каторжного труда... Чтобы еврейку пробиться, нужно быть на голову выше... Да ты и сама всё знаешь.

– Конечно, знаю. Ты у меня умница. Саня по характеру в тебя пошёл, да и по способностям. – Она замолчала, собираясь с мыслями. – Мне всего тридцать пять, дорогой, я молодая женщина. Я ещё могу родить.

Она провела рукой по его груди и животу и бережно коснулась гениталий. Его охватило возбуждение, он повернулся к ней и, приняв излюбленную ими позу миссионера, овладел ею. Она обняла его за плечи, пригнула голову к себе и поцеловала его полуоткрытые губы.

5

На следующий день после завтрака Наум Маркович позвонил Леониду Семёновичу Вайсману, отцу Ильи, и предложил встретиться. Тот попросил Наума зайти к нему через час. Родители друзей были знакомы. Принадлежа к одному племени и проживая в одном доме, они не могли не наладить между собой необходимые контакты, а дружба сыновей немало способствовала этому. Последние события, происходящие во дворе и коснувшиеся их детей, вынуждали их к совместным действиям.

Наум Маркович поднялся на лифте на седьмой этаж и нажал на кнопку звонка. Дверь открыл хозяин квартиры. Моложавый мужчина высокого роста с копной чёрных, чуть тронутых сединой волос, крепко пожал ему руку и пригласил войти.

– Я позвал Лёву, как мы и договорились. Заходи, рад тебя видеть.

Лев поднялся навстречу Науму и приветливо обнял его за плечо.

– Есть предложение выпить. Мне подарили бутылочку хорошего армянского коньяка.

Леонид подошёл к бару, взял оттуда бутылку и три рюмки чешского хрусталя, поставил их на стол, стоящий посредине гостиной, и разлил коньяк по рюмкам. Комната сразу наполнилась знакомым сладковатым запахом.

– Лиза, будь добра, приготовь нам какую-нибудь закуску. У нас там есть баночка шпрот.

Елизавета Осиповна, жгучая красивая брюнетка, вышла из спальни и, улыбнувшись мужчинам, ушла на кухню. Через пять минут она появилась с двумя тарелками, на одной из которых красовались бутерброды с сыром, а на другой – сочившиеся маслом коричневые копчёные рыбёшки.

– Спасибо, милая, – сказал Леонид, и поцеловал жену в щеку. – Давайте выпьем. Не знаю, правда, за что. Ну, будем здоровы. Лехаим.

– Действительно, хороший коньяк, – поддержал его Наум. – Но мы собрались не для этого. Есть проблема у детей. Антисемиты в нашем доме настраивают своих отпрысков против Гинзбурга из пятого подъезда. Мой Санька пришёл домой с вопросом: кто такие «жиды». Оказывается, дворовые пацаны устроили охоту на эту семью. Я объяснил сыну, что и мы «жиды», и попросил его в травле не участвовать. А ваши мальчишки вам ничего не говорили?

– Теперь я понимаю, о чём Ромка молчит. Мы с женой почувствовали перемену в его настроении, но не знали, в чём дело, – заговорил Лев.

– Лиза, Илюша тебе ничего не рассказывал? – спросил Леонид.

– Нет, Лёня, молчит, как партизан на допросе, – слышался из кухни звучный женский голос.

– Я думаю, надо поговорить с детьми в том же духе, – после короткого размышления сказал Леонид. – Наум, пожалуй, всё сделал правильно.

– Здесь не так всё просто, – заметил Лев. – Пацаны могут обратить внимание, что наши ребята не поддерживают их набеги, и поймут, что мы тоже евреи и солидарны с Гинзбургом.

– Ну и что? Ребята ведь должны когда-то повзрослеть, – уверенно сказал Леонид. – Нас разве не обзывали соседские парни? Друзья, мы живём в такой стране. На наших физиономиях хорошо видно, что мы чужие. Чем раньше ребята узнают и прочувствуют, каково быть евреем, тем умней станут, тем раньше поймут, кто виноват и что делать. Эмиграция из страны набирает обороты, и когда они вырастут, сами примут решение.

– Я иногда слушаю «Голос Америки» и «Свободу», – включился в разговор Наум. – Наши службы их глушат, как могут. Но иногда можно кое-что разобрать. Так вот, Конгресс принял поправку Джексона-Вэника к закону о торговле с Советским Союзом. Она связывает отношения между странами с эмиграцией. А наша страна очень нуждается в новой технике и оборудовании. Мы отстаём от Запада на десятилетия. Поэтому, нам нечего бояться. Если завтра захотим уехать, нас никто здесь держать не будет.

– А наш сосед? Он уже четыре года в отказе. За ним ведётся слежка, у него устраивали обыск, его выгнали с работы, жену понизили в должности, – заметил Лев Самойлович.

– Но мы ведь не работаем в почтовых ящиках, – резонно заявил Леонид. – Я – заместитель главного энергетика завода. У нас станки немецкие, которые получили из Германии по репарации. Так они ещё хорошо работают, а электрооборудование нашего производства никуда не годится. Какую тайну я могу выдать? Только ту, что мы безбожно отстали.

– Я слышал по «Голосу», что президент Форд направил Брежневу список учёных-отказников и потребовал разрешить им выезд в ответ на какие-то послабления в позиции США, – вспомнил Наум. – Возможно, нашего соседа скоро выпустят.

– Дай бог, – сказал Лев. – Сколько можно издеваться над людьми?

Леонид опять наполнил рюмки и, посмотрев на коллег, произнёс:

– Нам нечего терять, кроме своих цепей. В нас, кроме крови, ничего еврейского не осталось: ни веры, ни языка, ни культуры. Сталин и его опричники поработали на славу. Ещё одно – два поколения, и нашего народа здесь не осталось бы. Но Израиль победил в Шестидневной войне и в войне Судного дня. И мы вспомнили, кто мы, воспрянули духом, стали опять любить себя и добились права на эмиграцию.

– И мы можем воспользоваться им, – заметил Наум.

– За это не грех выпить, – усмехнулся Лев.

Мужчины выпили и закусили.

– Думаю, не созрели мы ещё, слишком укоренились здесь. Нам удалось достигнуть хорошего материального положения, и есть, что терять, – сказал Наум.

– Когда станет плохо, все рванут, – резюмировал Лев.

– Вопрос в том, когда это время наступит. Экономические реформы Косыгина пока идут неплохо. Жить стало лучше, жить стало веселее, – съязвил Леонид. – А живём-то в унижении перед антисемитами. наших детей ничего хорошего не ждёт.

– Мы с женой сказали Саньке, что когда он захочет, мы поедem с ним, – заметил Наум.

– То есть переложили ответственность на детские плечи, – усмехнулся Леонид. – Плохие мы родители.

Наум поднялся с дивана.

– Ты прав, Лёня, – сказал он. – К сожалению, мне нужно идти. Жена просила не задерживаться. Мама её должна прийти к обеду.

– Я тоже пойду, Лёня, хотя наш разговор мы ещё не закончили.

Лев пожал руку Леониду и двинулся вслед за Наумом.

6

Всему приходит конец. Мальчишки во дворе, ещё месяц назад преследовавшие Гинзбурга, уgomонились и вернулись к своим играшкам и забавам. Наверное, потому, что этот странный человек сохранял достоинство, не боялся их и никак не реагировал на их приставания и обиды. Для них стало открытием и то, что их кореша, Санька, Ромка и Илья, оказываются, тоже евреи. В их юных головах появились сомнения, что в жизни что-то не так, что люди всех национальностей достойны справедливости и уважения.

Друзья учились в разных классах одной школы. После уроков встречались на выходе и шли домой вместе. Иногда за ними увязывались девчонки, но интерес к другому полу ещё не проснулся в них, и разочарованные спутницы, почувствовав равнодушие мальчишек, обиженно фыркали и расходились по своим делам.

Ребята не испытывали от своих одноклассников никакой вражды и предубеждения, их отношения строились на основе естественной свойственной человеку оценке, определяющейся его характером и личными качествами. Социальная зрелость, воплощающая в себе знания и жизненный опыт, мнения взрослых людей и родителей, а значит, и национальные чувства и предрассудки, ещё не наступила. Это был период наивной искренней дружбы, когда деление на хороших и плохих происходило по свойственной детям от природы справедливости.

Прежде мальчишки не сознавали, что многие учителя в школе носили необычные имена. Учителем английского языка была Фаина Яковлевна, учителем физики Ефим Исаакович, русский язык и литературу преподавала Вера Абрамовна, а математику – Даниил Матвеевич Штейн. Но последние события во дворе и разговоры с родителями вызвали в них какой-то внутренний толчок. Они почувствовали в себе затаённую глубоко в подсознании и плоти принадлежность к другому племени. Теперь, возвращаясь из школы, ребята говорили об еврейских учителях и родственниках, начиная понимать связывающие их таинственные узы.

Два раза в неделю Санька и Рома посещали районный шахматный клуб. Они участвовали в соревнованиях и часто выигрывали, и их самолюбие было удовлетворено. Им было интересно часами склоняться над доской, а тренер Михаил Иосифович не давал им передышки, заставляя изучать теорию, разыгрывать и анализировать партии великих шахматистов. Он не скрывал своего желания сделать из них чемпионов, ибо голова у обоих работала удивительно хорошо.

– Михаил Иосифович, Вы еврей? – спросил его однажды Ромка.

Тот внимательно посмотрел на парней, усмехнулся и, подвинув к шахматному столику стул, подсел к ним. Ребята с интересом смотрели на него, ожидая ответа.

– Я, честно говоря, думал, что это ясно, и вы этот этап еврейской самоидентификации уже прошли. Ну что же, поздравляю вас, мои юные друзья, вы взрослеете прямо на глазах. Да, я, конечно, еврей, как и вы. Вы встречали когда-нибудь русского человека, которого, как моего отца, зовут Иосиф.

– Ну, Сталина так звали, – нашёлся Санька.

– Верно, – одобрительно кивнул Михаил Иосифович, – но он грузин. На Кавказе такое случается.

Тренер замолчал, понимая, что мальчишки впервые переживают такой особенный психологический момент, и нуждаются в поддержке бывалого человека, которому доверяют.

– Ребятки, вы должны гордиться тем, что евреи. Это значит, что, по крайней мере, у вас хорошие мозги, и вы получите хорошее образование и будете культурными людьми. А если хотите серьёзно заниматься шахматами, можете стать шахматистами-профессионалами и неплохо зарабатывать и увидеть мир.

– А Вы были за границей? – спросил Саня.

– Да, но не играл, а готовил к играм Мишу Таля.

– А он тоже еврей? – оторопел Ромка.

– И не только он, – задумчиво произнёс Михаил Иосифович. – Я думаю, друзья, вам следует немного окунуться в историю. Шахматы впервые появились в Индии, потом игру переняли персы, среди которых было немало игроков-евреев. Огромная наша заслуга в том, что мы подарили её миру. Еврейские торговцы плавали по всем морям и океанам и привезли шахматы в Европу. Когда мусульмане вторглись из Северной Африки в Испанию, с ними пришли и евреи, которые слыли лучшими игроками. Были там Ибн-Эзра, министр и поэт, а потом Ибн-Ехия, написавший даже поэму о шахматах. Средневековые легенды рассказывают о том, что однажды Папа Римский, не помню, как его звали, играл с раввином Симоном. И когда Папа сделал ход, тот узнал в нём пропавшего много лет назад сына, которого он научил этой многоходовой комбинации. Представляете, отец нашёл сына, который принял католическую веру и стал Папой. Это было в одиннадцатом веке. Вам интересно, ребята?

– Да, – поддержал тренера Ромка. – Нам такого ещё никто не рассказывал.

– А есть рассказ, что в восемнадцатом веке в Польше, тогда королём был Станислав-Август, сильнейшим шахматистом был один варшавский еврей, который обыграл непобедимого англичанина. Ставкой были пуговицы камзола. Гастролёр потерял все пуговицы и с позором покинул дворец короля. Конечно, король щедро наградил спасителя чести "отчизны". Недавно я показывал вам защиту Нимцовича. Кто он такой, я думаю, вы уже догадались. Так было на протяжении всей истории. Евреи учили мир играть и, фактически, создали современные шахматы.

– А почему они? – спросил Санька.

– А потому, что эта игра хорошо тренирует мозги. Ну а для начала ведь тоже нужны мозги. Шахматы очень подходят к стилю нашего мышления. Поэтому они стали любимой еврейской игрой. И вот с середины прошлого века стали проводиться чемпионаты мира. Среди участников всегда было около половины евреев. И кто стал первым чемпионом?

Ребята вопросительно посмотрели друг на друга и пожали плечами.

– Вильгельм Стейниц. А вторым – Эммануил Ласкер, потом после Капабланки и Алёхина, Михаил Ботвинник, затем Василий Смыслов, у него мать еврейка, Михаил Таль и, наконец, Роберт Фишер, мать его – еврейка из России. А наши знаменитые шахматисты – международные гроссмейстеры Марк Тайманов, Лев Полугаевский, Давид Бронштейн, Виктор Корчной и другие. Ну, вы слышали, конечно, о них. Евреев среди них так много, что нет смысла продолжать. Вот так, ребята. Трудитесь и станете знаменитыми.

Он оглянулся и осмотрел зал, в котором за столиками сидели его ученики.

– Пойду, проверю, как там мои справляются, – вздохнул Михаил Иосифович. – Доигрывайте партию, мальчики.

Санька и Ромка попытались настроиться на игру, но их мысли были далеко. Разговор с тренером произвёл на них сильное впечатление. Впервые в жизни с ними говорили так откровенно, и мир, в котором они существовали, очистился от тумана и озарился светом неведомой им прежде правды.

7

Елизавета Осиповна, мать Ильи, училась в начале шестидесятых годов в институте имени Гнесиных. Однажды подруга Юлия пригласила Лизу к себе на вечеринку. Её тогда попросили поиграть на пианино. Среди гостей был и студент Энергетического института Лёня Вайсман. Услышав начало «Лунной сонаты», он подошёл и, опершись на верхнюю крышку фортепиано, стал с интересом смотреть на неё. Она заметила высокого красивого парня и улыбнулась ему. В этот момент всё её существо пронзила неведомая прежде чувственная волна. Это была любовь с первого взгляда. Из дома Юлии они ушли уже вместе, и допоздна гуляли по ночной Москве. Потом Лёня проводил её домой, и она на прощанье поцеловала его. Они встречались на квартире у Юлии, которая давала Лизе ключи, где предавались всепоглощающей страсти. Прошёл месяц, и он предложил ей переселиться к нему. Его семья приняла её радушно – отец и мать

всегда мечтали, чтобы их сын не нарушил вековую традицию жениться на еврейках и познакомился не с гоей, а с девушкой из хорошей еврейской семьи. Весной сыграли свадьбу, а в декабре родился сын, которого назвали Виктором в знак победы любви над энтропией быта – так сказал Лёня, изучавший термодинамику, к их жизни в маленькой квартире в Черёмушках. Не без помощи родителей, с готовностью и восторгом взявшихся за воспитание внука, молодые закончили учёбу. Лиза поступила на работу в детскую музыкальную школу, где стала преподавать фортепьяно, а Лёню благодаря усилиям дяди Изи, брата отца, удалось устроить на завод.

Когда Лиза ещё вынашивала Илью, стало ясно, что в квартире родителей нет места для детской кровати. Леонид обратился в профком предприятия, профком – к директору. Лёню уже знали, как хорошего специалиста, и директор помог – молодая семья получила квартиру. Они переехали туда вскоре после появления Ильи на свет.

Старший брат музыкой не заинтересовался и отказался учиться в музыкальной школе, его больше занимала физика и математика. В четыре года Илюша слушал, как играет мама по просьбе папы или гостей, или, готовясь к урокам, и, подходя к пианино, с волнением нажимал на клавиши и слушал вырывающиеся из чрева инструмента звуки. Елизавета Осиповна была хорошим педагогом, она увидела тягу сына к музыке и стала брать его с собой на концерты в филармонию. А в семь лет Илью определили в музыкальную школу в класс фортепиано. Он подавал большие надежды, обладал усердием и прилежанием – важными для музыкантов качествами, без которых достижение вершин мастерства невозможно. Его стали выделять среди других учеников, и он не однажды выступал на выпускных концертах музыкальных школ. Его педагогом была Ева Абрамовна, известная в Москве преподаватель фортепьяно. Илья попал к ней по личной просьбе мамы, которая хорошо её знала ещё с того времени, как училась в Гнесинке.

События во дворе не могли пройти мимо Илюши, а встреча родителей у них дома развеяла пелену детских иллюзий. Он невольно стал свидетелем того разговора, и, обладая прекрасным слухом, понял всё, о чём говорил отец с Наумом Марковичем и Львом Самойловичем. В тот день после обеда, когда Илья собирался выйти на улицу, Леонид Семёнович попросил его остаться.

– Сегодня к нам заходили отцы Саньки и Ромы.

– Я всё слышал, но не потому, что подслушивал. Просто в нашей квартире хорошая акустика, – ответил Илья.

– И что ты понял, сынок? – спросила Елизавета Осиповна.

– Кое-что понял. Теперь я знаю, кто мы.

– Мы с мамой никогда не скрывали, что мы евреи, – в раздумье произнёс Леонид Семёнович. – Но для того, чтобы посвятить тебя в еврейство, нужна какая-то социальная зрелость, твоя готовность это воспринять. Наверное, такое время настало. Теперь ты знаешь, что Саня, Рома и их родители тоже евреи.

– И семья Гинзбург, – выпалил Илюша.

– Да, и они. А Вениамин Аронович вообще замечательный учёный. Таким человеком наш народ должен гордиться, – сказал Леонид Семёнович.

– А нас много?

– В нашей стране всего около двух процентов, где-то три миллиона. Но количество не имеет значения. Нас много среди тех, кто двигает страну вперёд в науке, технологии, культуре, литературе, искусстве – во всех сферах деятельности.

– А в музыке? – спросил Илюша.

– В музыке, дорогой мой, евреев тоже хватает, – включилась в разговор Елизавета Осиповна. – Вот я училась в институте Гнесиных. Эта семья в России была очень известная. Отец Гнесин – главный раввин города Ростова-на-Дону, мать из семьи музыкантов, семеро детей, пять сестёр и два брата. В еврейских семьях, особенно религиозных, тогда было много детей.

Все получили блестящее образование, в том числе и музыкальное. Михаил стал знаменитым композитором, сёстры Евгения, Елена и Мария основали ещё до первой мировой войны частное музыкальное училище, которое после революции преобразовали в государственный институт. Я застала Елену Фабиановну в живых в начале шестидесятых, когда училась, она была многие годы директором института. Тебе интересно, сынок?

– Да, мама.

– А композиторы? Мы недавно смотрели по телевизору фильм «Дети капитана Гранта». Помнишь музыку и песни оттуда?

– Помню «Весёлый ветер», её поёт Роберт, и песню Жака Паганеля о капитане.

– А кто сочинил, не помнишь?

– Нет.

– Исаак Дунаевский. А вот, Илюша, имена великих композиторов, которых ты, наверняка, знаешь или о которых может быть слышал: Феликс Мендельсон, Джакомо Мейербер, Густав Малер, Арнольд Шёнберг, Леонард Бернстайн, Альфред Шнитке, Имре Кальман, Исаак Шварц, Джордж Гершвин, Глиэр. Это только небольшая часть. А какие исполнители и дирижёры! Натан Рахлин, Артур Рубинштейн, Исаак Стерн, Иегуди Менухин, Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Владимир Горовиц, Леонид Коган. Сейчас появились ещё талантливые ребята Гидон Кремер, Владимир Спиваков, Юра Башмет. Мне вообще кажется, что если какое-то новое имя появляется в музыкальном мире, ищи еврейскую кровь.

– Довольно, Лиза. Ты всех убедила. Посмотри на Илюшу. Он уже в ступоре.

– Да всё со мной в порядке, папа, – озабоченно произнёс он. – Я только не понимаю, если всё так, почему евреи хотят уехать отсюда?

– Это вопрос на миллион долларов, Илья, – усмехнулся Леонид Семёнович и взглянул на жену. – Мир так велик и разнообразен, что люди хотят посмотреть другие страны и пожить там. В нашей стране есть недостатки и не всем она нравится. Он замолчал на несколько секунд, раздумывая над тем, как закончить эту щекотливую тему, но не найдя подходящего выхода, сказал:

– Мы ещё не один раз поговорим об этом. Да ты со временем и сам всё поймёшь.

Илюша побрёл в свою комнату, но потом вернулся и подошёл к отцу.

– А наши бабушки и дедушки тоже евреи?

– Конечно. Ведь мы евреи. Евреи рождаются только от евреев.

– Мы всегда жили в Москве?

– Нет, Илья. Первым сюда приехал твой прадед Иосиф лет семьдесят назад, после первой революции. Он закончил в Киеве медицинское училище, а тогда в Москве очень нужны были врачи. Поселился на Малой Бронной и пошёл работать в больницу Пирогова. Познакомился с моей бабушкой Рахилью, дочерью аптекаря Бродского. Они поженились, и у них родился мой отец Семён, твой дед. Он тоже захотел стать врачом и пошёл учиться в мединститут. А во время войны работал в прифронтовом госпитале, где встретил твою бабушку Гольду. И тогда родился я, зимой сорок второго года.

– Папа, а почему ты не врач? – спросил Илюша.

– Знаешь, в начале пятидесятых годов Сталин обвинил врачей в отравлении руководителей страны, многих тогда арестовали. Среди них большинство были евреи. Потом, когда Сталин умер, их освободили. Но твоего деда вызывали на допросы, он очень боялся. Я помню, как мама плакала, а он уходил с чемоданчиком, думал, что не вернётся. Поэтому дедушка очень не хотел, чтобы я стал врачом. А тогда нужно было много специалистов и инженеров, и я пошёл учиться в Энергетический институт.

– Ну, и ты не пожалел?

– Нет, мне это интересно. И я сумел вырастить тебя и твоего брата.

Однажды утром во время осенних каникул друзья увидели Вениамина Ароновича, шедшего по двору. Гинзбург, заметив, что мальчишки смотрят на него без враждебности, с каким-то любопытством и дружелюбием, остановился и подошёл к ним.

– Кто вы, ребята? Как вас зовут?

Мальчишки смутились, но Саня нашёлся и ответил:

– Я Санька, а это Ромка и Илюша. – И после короткого молчания, добавил, – мы тоже евреи.

– А я Биньямин, – улыбнулся Вениамин Аронович. – Предлагаю продолжить наше знакомство. Хотите подняться ко мне?

– Да, – ответил за всех Илюша.

Ребята давно уже горели желанием увидеть своими глазами дом этого необычного человека, понять и как-то примерить на себя его жизнь.

– Тогда пошли, – сказал он, пропуская детей перед собой в дверь подъезда.

Квартира вначале показалась им обычной, ничем не отличающейся от квартир, в которых жили они. Навстречу из своей комнаты вышла пожилая интеллигентная женщина.

– Моя мама Гинда, – представил её Вениамин Аронович. – А это еврейские парни из нашего двора.

Он назвал всех поимённо.

– Здесь проживают ещё трое. Вы их наверняка знаете. Сара Матвеевна, моя жена, Семён и Лина с утра на работе.

– А вы не работаете? – спросил Ромка.

– Я работаю по ночам. Тепло ведь нужно и днём, и ночью, – ответил он. – Мама, напои наших гостей чаем, а я переоденусь.

Вскоре все сидели вокруг круглого стола в гостиной, и пили чай с вишнёвым вареньем и печеньем, разговаривая о делах в школе и во дворе.

– Ребята, наверное, вы знаете, что наша семья собирается эмигрировать из Советского Союза. Мы уже четыре года ждём разрешения, – сказал Вениамин Аронович.

– Да, нам рассказали родители, – произнёс Санька. – А почему вы хотите уехать?

– Понимаете, две тысячи лет назад римляне изгнали нас из нашей страны. Теперь у нашего народа появилась страна на том же месте, где она тогда была, и мы хотим туда вернуться.

Он посмотрел на внимательно слушающих его детей и, преодолев сомнение, решительно поднялся из-за стола.

– Пойдёмте, я покажу вам её.

Мальчишки, не раздумывая, поднялись и пошли вслед за ним в небольшую комнату. У окна, из которого открывался вид на улицу, стоял небольшой письменный стол с полированной деревянной столешницей, рядом с ним стул с потёртым мягким сиденьем, а вокруг на двух противоположных стенах от пола до потолка нависали огромные шкафы, заставленные книгами и подшивками журналов.

– Это мой кабинет, друзья. Но я обещал показать вам ту страну. Вы должно быть, никогда и не слышали о ней. Называется она Израиль, вот, посмотрите.

Он подошёл к подвешенной на простенке карте и обвёл рукой растянувшуюся с севера на юг территорию. Мальчишки, потрясённые увиденным, принялись рассматривать карту, водя по ней указательными пальцами и читая названия неизвестных им городов, гор, озёр и морей.

– Иерусалим нашли? Это столица, ей три тысячи лет. А вот Тель-Авив. Ему всего шестьдесят шесть лет.

Ребята с изумлением смотрели на расцветенный яркими красками лист бумаги, их впервые захватила география, которую они всегда считали скучным предметом.

– А теперь, ребята, самое главное. Я советую вам никому не рассказывать о том, что вы были у меня и что видели. У вас и ваших родителей могут быть неприятности. Пусть это будет нашей тайной, – уверенно произнёс Вениамин Аронович. – А когда подрастёте, станете взрослыми людьми, и сами будете решать, в какой стране хотите жить и работать, тогда вы вспомните сегодняшние разговоры и нашу еврейскую страну. Договорились?

– Хорошо, Биньямин. Мы никому не скажем. Ну, мы пошли. Спасибо за угощение, – сказал Ромка.

Друзья спустились во двор, погружённые в неожиданно нахлынувшие на них мысли о далёкой загадочной стране.

– А он нормальный мужик. Я хотел у него спросить, почему он носит на голове чёрную кепку, но побоялся. Узнаю у отца, – негромко произнёс Санька.

– Пацаны разъехалась кто на дачу, кто на рыбалку с родителями, кто к бабушкам и дедушкам. Здесь делать нечего, пойдём на улицу, – предложил Илья.

Друзья вышли на Большую Серпуховскую и гордо зашагали по широкому, вымытому дождями тротуару, обмениваясь впечатлениями о встрече с загадочным человеком, который посвятил их в тайну. Тайну, открытую только для избранных.

9

Роман двух любящих людей обладает незыблемым свойством саморазвития, когда чувства и эмоции, овладевающие ими, становятся всё ярче и глубже, близость острее и совершенней, а духовная связь достигает пределов, о существовании которых они даже не догадывались.

В управлении об их отношениях вскоре стали поговаривать, женщины шептались между собой всякий раз, как Лев Самойлович проходил по лестнице или коридору или заглядывал в какой-то отдел по работе, а мужчины бросали завистливые взгляды – завоевать сердце красавицы Веры Лебеденко пытались многие из них. Некоторые не преминули напомнить и о принадлежности его к враждебному арабским друзьям народу Ближнего Востока. Лев Самойлович не мог не заметить и не почувствовать эту сгустившуюся атмосферу и старался не давать повода к разговорам. В один из дней его вызвал к себе парторг Киселёв.

– Здравствуйте, Андрей Иванович. Вы хотите со мной о чём-то поговорить?– спросил он, входя в комнату и садясь на стул.

– Да, Лев Самойлович, – изображая миролюбие на круглом упитанном лице, сказал тот. – До меня дошли слухи о вашей связи с Верой Петровной Лебеденко. – Киселёв посмотрел на него испытующим взглядом. – Я очень прошу Вас вести себя сдержанно. Ведь Вы женаты. Конечно, я не могу приказать, времена -то другие, но прислушайтесь к моему дружескому совету, оставьте её, не компрометируйте себя, инженера с большими надеждами на профессиональный и карьерный рост.

– В этом внимании к нам много преувеличения. Да, я испытываю к Вере большую симпатию. Но это естественно: мы сотрудники и коллеги по работе, – стараясь быть убедительным, ответил Лев.

– Ну, дело, конечно, молодое. Она красавица и прекрасный работник, – недоверчиво проговорил парторг. – И всё же поверьте старику, бросьте эти ваши шуры-муры.

– Спасибо, Андрей Иванович, за заботу. Я подумаю, – сказал Лев Самойлович и вышел из кабинета.

Чувства Льва Самойловича к жене, казавшиеся незыблемыми более десяти лет, поблекли, сменившись на партнерскую привычку совместно вести домашнее хозяйство, делать покупки, убирать квартиру по пятницам и выполнять супружеский долг. В постели женщина всегда безошибочно определяет, испытывает ли мужчина к ней какие-то чувства. Елена Моисеевна мужа любила и болезненно переживала его охлаждение. На её вопросы он отшучивался, говорил, что просто устал на работе, и стремился сразу же сменить тему разговора, не позволяя жене поймать его на случайной оговорке. Он умело скрывал отношения с Верой, не позволяя

ей звонить ему домой, и связывался с ней в выходные дни только по телефону-автомату на улице за углом соседнего дома.

Вера пошла на работу сразу после школы, которую закончила с серебряной медалью. Год назад она похоронила отца, инфаркт миокарда свалил его во время планёрки на заводе, где он работал начальником цеха. Мечты о получении высшего образования пришлось отложить до лучших времён – надо было помочь маме, Татьяне Сергеевне, прокормить и воспитать младшего брата и сестру. Дед Николай погиб в сорок первом под Москвой, и после свадьбы Тани и переезда её к мужу, бабушка Оля жила одна в двухкомнатной квартирке на Таганке. Вера навещала её, чтобы прибраться и что-нибудь купить в магазине. Этой весной мама предложила бабушке прописать Веру у себя, а потом перебраться к ним. Всем бы стало легче ухаживать за ней, а Вера получила бы квартиру и возможность выйти замуж и устроить свою жизнь. Вера сама сделала ремонт и стала завидной невестой – жившие поблизости мужчины по вечерам, когда она возвращалась с работы, и днём в выходные дни не давали ей проходу.

Вера, как и прежде, задерживалась в конце рабочего дня и заходила в кабинет Льва Самойловича, и они бросались в объятия друг другу, не в состоянии превозмочь охватывающее их желание. В тот день, когда состоялась его беседа с Киселёвым, он остановил её на пороге.

– Вера, меня сегодня вызвал к себе Андрей Иванович. Он сказал, что о нас все говорят и посоветовал расстаться, чтобы не испортить себе карьеру.

– И что ты ему ответил? – Её лицо побледнело, и она крепко сжала его руку.

– Что мы просто сотрудники, и я испытываю к тебе вполне естественную симпатию.

– Ну, ты и конспиратор, Лёвушка, – вздохнула она и, обняв его, поцеловала в губы. – А я тебя люблю, дорогой мой, и никому не отдам.

Вера прошла по кабинету и, подойдя к письменному столу, оперлась на него и взглянула на Льва.

– У меня завтра день рождения. Ты не хочешь пригласить меня в ресторан?

– Но я должен вечером вернуться домой, – с отчаянием произнёс Лев Самойлович.

– А в командировку отправиться не хочешь? Ты давно не был в Ленинграде и Ярославле. Там ведь наши филиалы.

– Но тебя же со мной не пошлют?! – произнёс он.

Вера пронзительно посмотрела на него.

– Ты не понял, дорогой. Никуда ехать не надо, но дома ведь можно сказать. Или ты думаешь, что всю жизнь будем встречаться у тебя в кабинете?

Она подошла к нему и, посмотрев ему прямо в глаза, спросила:

– Ты меня ещё любишь?

– Конечно, люблю. Но я не готов пока уйти из семьи, – ответил он.

Простившись с Верой, Лев Самойлович спустился в метро. В поезде людей было много, но он не замечал их – его внутренний взор блуждал в темноте душевных лабиринтов, ища выхода из тупика. На «Серпуховской» он поднялся по эскалатору и вышел на Большую Серпуховскую. Автобуса ждать не стал, а пошёл пешком, пытаясь понять ситуацию, в которой оказался.

«Итак, Вера меня любит. Я тоже её люблю. Разница в возрасте пятнадцать лет её не останавливает. Я не богат и не наследник состояния. Значит, в её желании выйти за меня замуж нет никакого материального расчёта. Это подтверждает искренность её чувств. Что я получу от этого брака? Никаких выгод: ни денег, ни имущества. Квартиру придётся оставить Лене, чтобы она вырастила Рому и смогла выйти замуж. Новую квартиру мы купим или управление нам выделит, если всё пойдёт так, как было до сих пор. Но я получаю Веру, прекрасную женщину, с которой у меня будут дети. Наконец, важный вопрос – она русская. Среди гоев много достойных людей, не антисемитов. Она не из таких, это правда. В ней нет ни капли душка, который сразу ощущается у других людей. Её чистота и порядочность очевидна. – Он шёл

по улице, рассуждая полушёпотом, и редкие прохожие с недоумением смотрели ему вслед. – Смешанных браков за всю еврейскую историю было очень много. В Советском Союзе такие браки считались и до сих пор считаются даже делом чести, и у многих знаменитых евреев русские жёны, а среди знаменитых гоев немало еврейских жён. Что же тогда меня беспокоит? Да просто мне не хватает смелости и решительности порвать с женой. Мне жаль её, я не готов выдержать её слёзы и мольбы. Но ведь люди сходятся и расходятся, и всё как-то утрясается? Следовательно, нужно преодолеть себя. Главное здесь наша любовь. Она оправдывает любые горечи и потери. Что останется мне в жизни, если я струшу и не возьму её тогда, когда она сама идёт мне в руки?»

Шествуя в таких размышлениях по полутёмной, освещённой тусклыми фонарями улице, Лев Самойлович оказался возле дома. Он вошёл во двор, направился к своему подъезду, поднялся лифтом на пятый этаж и нажал кнопку дверного звонка.

– Что случилось, Лёва? – спросила Елена Моисеевна, открыв ему дверь. – Ты не позволил, что задержишься?

– Готовился к командировке. Завтра отправляюсь поездом в Ярославль. Там есть проблемы с одним объектом, – ответил Лев, отводя от жены взгляд.

– Ты хочешь есть? Думаю, не откажешься. Я тебе подогрею плов с копчёной колбасой. Ты это любишь.

– Спасибо, Лена. Действительно, не откажусь, – сказал он, и устало погрузился в кресло. – Рома, как дела?

– Нормально, папа. Я сейчас задачи по алгебре решаю. Завтра у нас контрольная, – донеслось из комнаты сына.

– А как дела с русским языком?

– Грамматика – это скучотища, а литература мне нравится. С Натальей Ивановной подружился.

– Молодец, Ромка. Мы, евреи, чтобы преуспеть, должны быть лучше всех, – назидательно заметил Лев Самойлович и, откинув голову на край кресла, закрыл глаза.

Потом жена позвала его на кухню. Он с аппетитом поел, выпил чаю с эклерами, которые покупали в ближней кондитерской, и, поблагодарив её за ужин, пошёл в спальню.

– Уезжаю на три дня. Пойду сложить вещи в чемоданчик, – сказал он, выходя из кухни, – а потом грохнусь спать, очень устал.

Елена Моисеевна сидела за столом в кухне, где только несколько минут назад молча ел муж, и неясные предчувствия терзали её душу.

Вера жила в двух кварталах от управления, и, чтобы не вызвать подозрения на работе, Лев Самойлович договорился с ней, что вещи он занесёт к ней утром. Она уже оделась, была готова сразу выйти из дома, и ждала его, испытывая сильное волнение. Она знала, что Лев любит её, но не была уверена в его готовности к поступку, который, несомненно, требовал от мужчины решимости и отваги. В дверь постучали, и Вера неожиданно для себя разрыдалась, увидев его на пороге.

– Что случилось, дорогая? – спросил он, и, закрыв за собой дверь, обнял её.

– Я боялась, что ты не придёшь, – ответила она, смотря на него заплаканными глазами. – Теперь я успокоилась.

Она взяла из его рук чемоданчик и поставила его у стены в коридоре.

– Мы не можем идти на работу вместе, – рассудил Лев Самойлович. – Поэтому ты поезжай на троллейбусе, а я пройдуся, тут недалеко. Если я задержусь, никто меня не упрекнёт.

Когда он вошёл в здание управления и проходил по коридору, направляясь в свой кабинет, он увидел её в приёмной. Она улыбнулась ему и поднялась из-за стола с папкой документов, предназначенных для просмотра и подписи главного инженера.

После обеда прошёл дождь, не редкий в Москве в середине октября. Вечером они встретились у входа в ресторан. Он пришёл прямо с работы, а Вера успела забежать домой, принять душ и переодеться. На ней была замшевая бежевая курточка, облегающая её ладную худощавую фигуру, красный мохеровый шарф красиво обвивал шею, а длинное вельветовое платье касалось коричневых кожаных сапог.

– Очень уютно, – заметила Вера, когда, сняв верхнюю одежду и передав её швейцару, они сели за предложенный им столик у боковой стенки. – Как ты нашёл этот ресторан?

– Много лет назад я был здесь с друзьями из строительного института. Отмечали годовщину окончания. Такой получился традиционный сбор. Все мы были ещё неженаты. А потом один за другим переженились.

– А ты женился по любви? – спросила она, посмотрев на него пронзительным взглядом.

– Конечно, тогда я любил Лену, – вздохнул он. – Вообще-то, этот вопрос невероятно сложный. Библия и вся мировая литература искала ответ на вопрос «что такое любовь» и, по моему, не нашла.

– А меня всегда озадачивало, куда исчезает любовь. Я не хочу тебя ставить в неудобное положение, но скажи: что случилось с тобой?

– Ну, вначале горение и страсть, рождение сына. Потом охлаждение и привычка, воспитание ребёнка, быт и выполнение домашних обязанностей, – попытался ответить он, смущённо смотря на Веру.

– Значит, и наша любовь обречена и у неё нет будущего? – грустно спросила она.

– Мне кажется, это постоянная работа ума и души. У тебя есть и то, и другое. А у меня жизненный опыт. Поэтому я уверен, что у нас всё получится.

Лев Самойлович улыбнулся и пожал ей руку. Вера грустно вздохнула ему в ответ.

Подошёл официант и положил на стол два меню.

– Сегодня твой день, любимая. Поэтому ни в чём себе не отказывай, – сказал он, и открыл большую картонную брошюру.

Вера выбрала блюда, и Лев Самойлович подозвал официанта. Тот принял заказ и через несколько минут стол начал заполняться закусками. Он налил из графина «Столичную» и поднёс гранёную хрустальную рюмку.

– За тебя, дорогая! Будь здорова и счастлива! Мне очень повезло, что я встретил такую прекрасную, умную женщину.

– Это я тебя нашла, мой милый, – усмехнулась она, и её лицо покрылось румянцем.

Он заметил, что мужчины в ресторане с воодушевлением смотрят на неё, и сомнение поселилось в его сердце. Оценив обстановку, она сказала:

– Милый, я красивая женщина, и все это видят. Не обращай на них внимания. Ведь люблю я тебя.

Оркестр заиграл танго, и он пригласил её танцевать. Она послушно перемещалась в такт его движениям, всё её существо отдавалось знакомому ритму, и он впервые за многие годы получал удовольствие от танца, наслаждаясь мелодией и молодым гибким телом.

Вера открыла дверь и зажгла свет в коридоре. Он зашёл вслед за ней и осмотрелся. В первой комнате, гостиной, находился потёртый кожаный диван, большой книжный шкаф, кресло под торшером и телевизор «Рубин» на тумбочке, составляющей с громоздящимся рядом сервантом старый румынский гарнитур. Тогда другая комната, заключил Лев Самойлович, спальня. Он снял куртку и повесил её на вешалке.

– Я такая пьяная сегодня, Лёва, не только от водки, наверное, но и от счастья, – сказала она, прижавшись к нему. – Наконец ты у меня дома и я тебя никуда не отпущу. Хочешь принять душ? Только вначале я.

– Приму с удовольствием, но ты пойдёшь первая.

Вера зашла в спальню, разделась, накинула на плечи халат и, махнув ему рукой, скрылась в ванной. Он вошёл в гостиную и сел в кресло у окна. Нервное напряжение нарастало и становилось ощутимым. Впервые за двенадцать лет супружеской жизни он изменил Лене, и это не могло не волновать его. Настало время осознать положение и действовать. Сегодня он звонить жене не будет, а позвонит завтра утром. Утро вечера мудреней – верно говорят в народе. Он ещё не знает, что скажет ей. А сейчас ляжет в постель и предастся любви. Ведь он действительно любит Веру.

Он снял костюм, галстук и рубашку, открыл свой чемодан, вынул оттуда халат и набросил его на себя. Он сидел в полутьме, прислушиваясь к шуму за окном и раздававшемуся из ванной пению.

Когда он после душа обнажённый, запахнувшийся в халат, вошёл в спальню, Вера уже лежала в постели. Её роскошные волосы, живописно разметанные на подушке, красиво оттеняли нежную кожу на лице, пуховое одеяло вздымалось над её грудью, а золотисто-карие глаза сияли в ожидании любви.

– Ложись, дорогой. Где ж твоя «утраченная смелость, буйство глаз и половодье чувств?» – процитировала она с иронией стихи Есенина.

– Я лягу, Верочка. Просто мне нужно привыкнуть к новой обстановке, – оправдался он, сел на край постели, скинул халат и сразу же юркнул под одеяло.

Она прильнула к нему, закинув руку ему на грудь, и поцеловала. Его охватило лёгкое возбуждение, он обнял её, потом его рука скользнула по её животу, коснулась пушка на лобке и остановилась на влажных складках губ. Она застонала от нахлынувшего желания и, когда он вошёл в неё, ощутила в себе его напряжённую плоть.

На следующий день после утреннего совещания он позвонил домой.

– Слушаю, – ответил до боли знакомый женский голос.

– Это Лев, – сказал он. – У меня всё в порядке. Добрался, поселился в гостинице, а утром в контору.

– Когда вернёшься?

– В четверг вечером. Билеты уже куплены.

– Ты на еде не эконошь, питайся хорошо.

– Да меня тут кормят, как на убой. А на вечер ещё и ресторан заказан. – Он выдержал паузу и закончил. – Ну, всё, Лена, больше не могу говорить. У меня тут заседание. Пока.

Лев Самойлович положил трубку. Разговор дался ему с заметным трудом, он побледнел и покрылся потом. Ему впервые за многие годы пришлось врать жене, и ложь эта стала закономерным звеном в цепи поступков, вызванных изменой. Он собирался признаться ей, что оставляет её, что полюбил другую женщину. Но в последний момент передумал и солгал.

В конце рабочего дня они условились выйти поодиночке и встретиться возле дома. Вера приготовила ужин, Лев Самойлович открыл бутылку «Киндзмараули», купленного по дороге в гастрономе, и разлил вино по бокалам.

– Ты говорил с женой? – спросила Вера, когда после ужина они сели на диван в гостиной.

– Да, дорогая.

– И что ты ей сказал? – поинтересовалась она.

– Наврал, что звоню издалека, и что меня там прекрасно кормят. А что я ей мог сказать? – оправдывался он.

– Мог сказать, что любишь меня, – грустно промолвила Вера.

– А тебе нужны ещё доказательства?

Он встал с дивана, поднял её и понёс в спальню. Она обвила руками его шею и поцеловала.

– Я думала, мы ходим с тобой в кино, – с усмешкой сказала она.

– Завтра. А сегодня я пьян тобою.

Он положил её на постель и лёг рядом с ней. Им предстояла волшебная ночь любви.

В кинотеатре их увидела сотрудница отдела кадров. Он узнал об этом на работе только на следующий день. К нему подошёл начальник отдела кадров Зыков.

– Лев Самойлович, Вас видели вчера вместе с Верой Лебеденко. Я хочу Вас предупредить, что мы не готовы с этим мириться. Вы женатый человек. Мы возможно даже будем вынуждены её уволить. Зачем Вам такие проблемы?

– Хорошо, Дмитрий Павлович, я подумаю, – ответил он, понимая, что в управлении всё уже знают и оправдываться бессмысленно.

В конце дня Вера зашла к нему в кабинет.

– Мне показалось, что нас уже вычислили, Лёвушка, – озабоченно проговорила она.

– Ко мне подходил Зыков. Он откровенно заявил, что не потерпит адюльтера и не останется и перед тем, чтобы тебя уволить. Я не могу этого допустить. Давай расстанемся на какое-то время, пока все не угомонятся, – проговорил он, глядя ей в глаза.

– Я думала, у тебя есть мужество, – грустно сказала Вера. – А ты такой, как все. – Она с укоризной взглянула на него. – Пожалуй, делать нечего. Я вынуждена согласиться, мы разбегаемся. Я вынесу тебе твои вещи.

10

Возвратившись домой, Лев Самойлович постарался восстановить отношения с женой. Елена Моисеевна обратила внимания на попытки мужа и с некоторым удивлением принимала его неловкие ухаживания, не понимая причину происшедших в нём перемен. Конечно, она связывала их с командировкой и полагала, что так он, возможно, замаливает какие-то свои грешки. Но она не могла не почувствовать его глубоко потаённые страдания.

Лев Самойлович болезненно переживал разлуку с Верой. Он скучал по её ласкам и нежным рукам, по её волнующему шёпоту и тонкой иронии. Она не заходила к нему в кабинет и, когда он проходил мимо, опускала взгляд dolu. Она пыталась казаться равнодушной и не смотрела на него, когда он обращался к ней за какими-то бумагами или письмами.

Прошёл месяц, и Вера почувствовала в себе большие перемены. У неё стала набухать грудь, и возникали неприятные ощущения, когда она касалась её руками, чуть температурило, появились боли в нижней части живота. Однажды утром перед выходом на работу её затошнило, и она обеспокоенная вышла на лестничную клетку и нажала на дверной звонок соседней квартиры. Женщина лет шестидесяти в байковом халате открыла дверь.

– Что случилось, милая? – спросила она. – Ты белая, как мел.

– Валя, мне плохо, тошнит, живот болит. Я не знаю, что делать, – тяжело дыша, ответила Вера.

– Идём к тебе, Верочка.

– Мне на работу пора уходить.

– Сегодня ты ни на какую работу не пойдёшь, – решительно сказала соседка. – Возможно, ты беременна. Скажи, последние месячные когда были?

– Месяца полтора, как прошли.

– Думаю, так и есть. Ты сегодня ела что-нибудь?

– Только собиралась перекусить перед выходом.

– Так, иди, ложись на кровать, а я тебе приготовлю поесть. Тебе нужно хорошо питаться, теперь вас уже двое. Ни жаренное, ни острое, ни солёное сейчас нельзя. И кушать надо чаще и поменьше, – деловито произнесла Валентина.

Она зашла в маленькую кухню, открыла холодильник и достала яйцо, сливочное масло, голландский сыр и лимон. Потом зажгла конфорку и поставила на неё маленькую кастрюльку с яйцом.

– Верочка, как ты себя чувствуешь? – спросила она, вернувшись в спальню.

– Немножечко лучше. Спасибо, Валя, – поблагодарила Вера. – А откуда ты всё это знаешь?

– Я всю жизнь проработала в больнице, милая. Кстати, в родильном отделении. Так что тебе повезло. Вот яйцо всмятку, бутерброд и солёные огурчики нежинские нашла у тебя. – Она положила перед ней поднос на одеяло. – Поешь, потом дам тебе чай с лимоном.

– Я всё же не понимаю, ведь рождение ребёнка – подарок для женщины. Почему тогда возникает токсикоз, почему организм как бы отторгает его?

– Понимаешь, милая, ты получила мужские хромосомы, и твоя иммунная система реагирует на них. Ведь это чужие клетки. А потом всё балансируется и организм принимает их, – объяснила Валентина. – Ну, ты ешь, а я тебе чаю принесу.

Вера ела, а Валентина посматривала на неё с любопытством. Болезненное состояние девушки каким-то непостижимым образом подчёркивало её особенную красоту. Каштановые волосы спадали на пергамент бледного лица, на котором пронзительным светом горели серые глаза, лебединая шея гармонично возвышалась над роскошными плечами, маленькая упругая грудь волнующе вздымалась под голубой блузой. «И такая красавица должна страдать? Нет правды под Луной. Куда подевались настоящие мужчины?»

– Скажи, Верочка, а где тот молодой мужчина, с которым я видела тебя месяц назад? Такой симпатичный, черноволосый, интеллигентный, – спросила она. – Он отец ребёнка?

– Мы с ним расстались, Валя, – печально вымолвила Вера. – На нас настучали в конторе, и нам предложили разойтись.

– Да что же это такое! Как сегодня можно бить людей за любовь?! – возмутилась Валентина.

– Ещё как можно! Сталин умер, но его слуги живут и здравствуют.

– Знаешь что? Ты всё-таки сделай тест на беременность.

Когда Валентина ушла, Вера набрала номер телефона секретаря директора.

– Светлана, привет. Я сегодня неважно себя чувствую и на работу не приду. Возьму больничный.

– Хорошо, Вера, я передам в отдел кадров.

Тошнота прошла. Она подошла к зеркалу, поправила причёску, подвела губы ярко красной помадой и придирчиво осмотрела коричневый шерстяной костюм. Потом надела курточку и вышла из дома. Участковый, знающий её много лет, осмотрев Веру, выписала ей освобождение на два дня. Тест подтвердил предположения Валентины.

На следующий день она позвонила Льву Самойловичу.

– Лев Мирский слушает, – прозвучало в телефонной трубке.

– Здравствуй, это Вера. Мне нужно с тобой переговорить.

– Скажи когда и я приду.

– Знаешь скверик возле управления? Там ещё пивной ларёк стоит.

– Да, знаю.

– Сможешь прийти туда в часа два?

– Сейчас загляну в блокнот. Минутку. Да, я смогу. На это время ничего не запланировано.

Она сидела на скамейке, и вскоре увидела его, переходящего дорогу и посматривающего по сторонам. Он ступил на дорожку сквера и нерешительно направился к ней.

– Что случилось, Верочка?

– Я беременна, Лёва. Вчера в поликлинике диагноз подтвердился. Сегодня я ещё на больничном. Но не в этом дело. Хочу узнать, что ты собираешься предпринять? Это твой ребёнок. Я всё равно его рожу. Но как ты будешь жить, зная, что где-то в городе растёт твой ребёнок?

– Я от него не откажусь, Вера.

– И что это означает? Будешь помогать деньгами, покупать игрушки и одежду?

– Пока не знаю. Знаю только, что не могу без тебя жить.

– А я решила уволиться и устроиться на другом месте, пока ещё ничего не заметно и никто не тычет в меня пальцем. Вчера я говорила с другом отца, Сергеем Павловичем. Он поможет мне устроиться на завод. Я сделаю это сейчас, потому что беременных не любят принимать на работу.

– Пожалуй, ты права, – задумавшись на мгновение, сказал он. – Знаешь, Вера, я счастлив, что у нас будет ребёнок.

До конца дня Лев Самойлович не мог сосредоточиться на работе. Перед его внутренним взором всё время была она, бледная и безумно прекрасная. Он сразу же отверг мысль об обмане, к которому иной раз прибегают женщины, чтобы вернуть покинувших их мужчин. Вера не способна на это, она честный человек. Он убеждён, что и ребёнок его, и она его искренно любит. Известие о ребёнке захватило его врасплох, заставляя принять решение, которого он боялся и которое стремился отложить на потом. Призрак ультиматума витал над его головой, и он сознавал, что Вера ждёт от него ответа.

Холодный вечер конца ноября воцарился за окном кабинета, а он всё ещё сидел за письменным столом, скованный невидимой цепью размышлений. Наконец его рука потянулась к телефону.

– Слушаю. Лёва, это ты? Ты всё ещё на работе? – спросила жена.

– Мне нужно сказать тебе очень важное, – заговорил он. – Лена, я встретил другую женщину. Я прошу у тебя развода.

– Подожди, Лёва, давай поговорим, – всхлипнула она, едва сдерживая слёзы. – Приди домой, мы всё обсудим.

– Лена, милая. Я зайду лишь забрать свои вещи. Квартира останется тебе, Рома тоже. Я буду его навещать и давать деньги, – продолжил он. – Поверь мне – ты ещё будешь счастлива. Пройдёт время, и ты всё узнаешь и поймёшь меня.

Он положил трубку телефонного аппарата и охватил лицо руками. Он не ожидал, как трудно ему дастся этот разговор. Теперь Рубикон перейдён и его ждёт новая жизнь с молодой русской женой.

Елена Моисеевна несколько минут, словно заколдованная, стояла у комода, держа в руке телефонную трубку и не замечая резких сигналов, доносящихся из неё. Слёзы в неожиданном изобилии беззвучно катились по лицу, она с трудом сдерживала рыдания. Но Елена Моисеевна взяла себя в руки, положила трубку на аппарат, села на пуфик перед зеркалом, открыла пудреницу и стёрла с лица ещё не успевшие высохнуть следы. Она поняла, что сегодня не в состоянии спокойно поговорить с мужем, и предпочла избежать встречи с ним. Она вышла из спальни и заглянула в комнату сына. Ромка, склонившись над столом и от старанья высунув язык, делал уроки.

– Мама, это папа звонил? – спросил он, повернувшись к ней.

– Да, Рома, – ответила Елена Моисеевна. – Папа скоро придёт. А я выйду на часок, подышу свежим воздухом. Я неважно себя чувствую.

Она одела овчинный полушубок и вышла, закрыв за собой дверь. Лев Самойлович появился через полчаса. Он сразу же вошёл в комнату сына и сел на стул по другую сторону письменного стола. Сын поднял голову и их взгляды встретились.

– Здравствуй сынок.

– Здравствуй, папа. Мне кажется, что-то случилось. Мама оделась и ушла. Ты так странно пришёл, – сказал он, явно ожидая ответа отца.

– Рома, ты уже взрослый человек. Я расстаюсь с мамой. Ничего не поделаешь. Так бывает у людей.

– А я? Что мне делать?

– С тобой всё будет в порядке. Ты будешь здесь с мамой, а я возьму свои вещи и уйду, – успокоил сына Лев Самойлович. – Но мы будем с тобой встречаться, и я во всём буду тебе помогать. Хорошо, Рома?

Он поднялся со стула, обнял сына и направился в спальню. Рома слышал, как открывались и закрывались дверцы шкафа, выдвигались ящики и падали вещи на постель. Потом он увидел, как отец прошёл по коридору с двумя чемоданами, кивнув ему на прощанье. Входная дверь зашуршала обшивкой по полу и закрылась за ним.

Ромка попытался сосредоточиться на домашних заданиях, но вскоре оставил попытки и, набросив на себя куртку, спустился во двор. Илья и Саня сидели на скамейке, где они обычно собирались по вечерам после уроков, и, увидев Рому, удовлетворённо загудели.

– Привет, что-то ты сегодня задержался. Мы уже хотели разойтись, – пробасил Илюша.

– Отец от нас уходит. Он только что вышел, приходил вещи свои забрать.

– Да ты что?! Ну и ну, – завопил Илья. – Как ты теперь будешь с одной мамкой?

– А что можно сделать? – вздохнул Ромка. – Я слышал из моей комнаты, как она плакала, но ничего не сказал. Зачем? Ей и так плохо.

Он замолчал и уставился в темноту двора, за которой виднелись далёкие уличные фонари. Замолкли и ребята, не зная, как поддержать друга в незнакомой ещё им беде и пытаясь по-своему осознать новую реальность. Мир взрослых бесцеремонно и беспощадно вторгся в их мальчишеский мир, разрушая иллюзии уходящего в прошлое детства.

В конце октября зарядили холодные дожди, а в начале ноября выпал первый снег, который в тот же день и растаял, оставив под деревьями в парках и палисадниках серые пожухлые островки. Мокрый двор опустел и затих, группы детей выплеснулись на тротуары широких улиц, ища там новых приключений.

Предсказание Наума Марковича оказалось верным: по Москве прошёл слух о разрешениях на выезд, сборах и проводах отказников. В конце ноября визы получила и семья Гинзбург. Её неспешная жизнь сменилась беспокойной суетой – советская бюрократия в вопросах эмиграции достигла своего апогея, требуя бесчисленное количество справок и документов, зачастую противоречащих друг другу. Наконец бега по инстанциям завершились, и настало время сборов, упаковки и отбора самых нужных вещей, и сердечных травм и переживаний – вещи прирастают к людям множеством невидимых нитей, разрыв которых причиняет им порой острую душевную боль. Таможня привычно поиздевалась над Вениамином Ароновичем, не желая пропускать его упакованную в картонные ящики огромную научную библиотеку, и тщательно перетряхнула одежду и обувь в поисках валюты и драгоценностей. Но ничего не нашла и найти не могла – семья Гинзбург не везла с собой ничего, кроме своих мозгов. На проводы явилось множество людей, и друзья весь вечер с интересом наблюдали за приходящими и уходящими гостями.

– Никогда не думал, что в Москве так много евреев, – сказал Ромка. – Всё идут и идут.

– А это только их родственники, друзья и знакомые, – заметил Санька.

– Может, тоже зайдём попрощаться? – предложил Илья.

– Думаешь, Биньямину сегодня до нас? И кто мы ему такие? Нет, не стоит нам к нему являться, – поразмыслив, заявил Ромка.

Ребята поднялись со скамейки и молча разошлись по домам. Какая-то неясная грусть накрыла мальчишек своим невидимым покрывалом. Но они уже начали сознавать, что с отъездом Биньямина заканчивалось их беззаботное детство и наступало отрочество – время взросления и самопознания.

Глава 2

1

Минуло семь лет. В доме на пересечении Люсиновской и Большой Серпуховской текла обычная ничем не примечательная жизнь. Уезжали бывшие и селились новые соседи, семейные

пары сходились и расходились, игрались свадьбы, рождались дети и умирали и уходили на вечный покой старики и старухи.

Инна Сергеевна, мама Саньки, проявила настойчивость, и в семье Абрамовых родилась дочь. Санька обожал Эллочку и принял в воспитании сестрички деятельное участие. Наум Маркович продвинулся по службе и был назначен главным инженером проектов, подтвердив известную закономерность – еврейские специалисты востребованы и в стране махрового антисемитизма.

Лев Самойлович Мирский женился на Вере и через полгода у них родился сын. Когда главный инженер строительно-монтажного управления Федоренко вышел на пенсию, директор Прокофьев, несмотря на сложности, связанные с любовной историей его протеже, сумел утвердить в райкоме партии его назначение. Раз в месяц Лев Самойлович встречался с Ромой и помогал бывшей жене деньгами. Рома жил с мамой, Еленой Моисеевной, которая, как и надеялся Лев, нашла ему замену. Подруги познакомили её с Михаилом Семёновичем Духиным, ведущим инженером института Электро-проект. Несколько лет назад он развёлся, и у него была дочь от первого брака. Сыграли скромную свадьбу, Михаил перебрался к Елене и скоро нашёл с Ромкой общий язык.

Старший брат Илюши учился в МИИТ, институте инженеров транспорта. В Москве этот институт был известен своей сильной профессурой, либерализмом и готовностью принимать евреев. По стране тогда ходила присказка: «Если ты аид, поступай в МИИТ». Отец, Леонид Семёнович, когда Виктор окончил школу, так ему и посоветовал.

Санька и Рома продолжали посещать шахматный клуб и несколько раз в году играли за юношескую команду Замоскворецкого района. Занятия музыкой весьма затрудняли Илюше учёбу в школе. Но в прошлом году он закончил музыкальную школу и сумел подтянуть предметы, по которым предстояло сдать экзамены. Евгения Яковлевна, его педагог по классу фортепьяно, любила Илюшу за талант и чудный характер и советовала Елизавете Осиповне готовить сына к поступлению в консерваторию. Но в семье рассудили так: пусть Илья получит хорошее среднее образование, а потом будет видно. Леонид Семёнович, его отец, в отличие от матери, был весьма далёк от мира искусства, и, сознавая несомненные способности сына, всё же считал, что инженер – более востребованная специальность в жизни, и склонялся к тому, что Илюше после школы следует поступить в институт.

2

Мальчики учились в одной школе на улице Шухова и на уроки по утрам ходили вместе. Ребята выросли, возмужали и начали интересоваться девушками, которые расцвели и, превратились в молодых, налитых соками юности женщин. Естественная потребность в любви в последние годы учёбы пробилась через пласты детства, как молодой побег сквозь асфальт, ломающий его, казалось бы, несокрушимую мощь. Девушки стали обращать на них внимание и плести дающуюся только им сеть интриг, пытаясь завлечь в них неискренних в любовных играх мальчишек. Саня был самый красивый из них. Высокий черноволосый парень привлекал внимание школьных красавиц, и слухи о его победах носились из класса в класс. Он не опровергал и не распространял их, а держался с достоинством благородного Дон Жуана, который никогда не раскрывал имён своих возлюбленных. А тайна его, в которую были посвящены только друзья, заключалась в том, что любил он Наташу Тимофееву – красавицу из его класса, и, отводя подозрения от возлюбленной, умышленно флиртовал с другими девушками. Роман же вначале делал вид, что девушки его не интересуют, но и его тоже поразили стрелы Купидона и он воспылал страстью к Кате Масленниковой из одиннадцатого «Б». Похоже, она, в последнее время, ответила ему взаимностью. Из них троих Илья слыл самым сентиментальным, что очевидно было связано с его музыкальным образованием, воспитывающим в душе чувствительность к прекрасному. Он обладал также и особым нравственным компасом, не позволявшим ему обращать внимание на девушек другого племени, и увлёкся Яной Каганской. От парней из её

класса Илья узнал, что семья Яны уже три года, с тех пор, как советские войска перешли границу Афганистана и железный занавес опустился вновь, находится в отказе. И, удивительно, это даже подогрело его интерес к еврейской девушке, сочувствие к судьбе которой стало для него подсознательным стимулом к сближению с ней.

В июне они сдали экзамены на аттестат зрелости и сразу же почувствовали облегчение после пережитых волнений и трудов. В воскресенье ребята решили хорошенько расслабиться, и побрели в находившийся в минутах сорока ходьбы от дома парк Горького, где распили в кафе бутылку портвейна. Потом, слегка охмелевшие, они целый день шатались по его благоухающим свежей зеленью аллеям.

Выпускной бал в школах по обыкновению проходил в конце июня. Друзья договорились в этот день встретиться в шесть часов во дворе дома и пойти в школу вместе. Впервые родители купили им костюмы, рубашки и галстуки и они от непривычки, одев их, вначале чувствовали некоторую неловкость. Но потом освоились и, подтрунивая один над другим и обмениваясь шутками, направились в школу. Она находилась недалеко от телебашни Шухова, которая одиннадцать лет была для них привычным объектом городского пейзажа. Из окон классных комнат и из школьного двора они видели утром, днём и вечером её ажурный металлический конус с несуразными антеннами наверху, и теперь осознали, что проститься придётся не только с одноклассниками и учителями, но и с ней, немой свидетельницей их школьных лет.

Во дворе школы их ждали многочисленные сюрпризы: девушки в длинных платьях, в туфлях на высоких каблуках и новых причёсках были красивы и загадочны и они с трудом узнавали в них своих одноклассниц. То же было и с парнями, одетыми в новые костюмы, и они с юношеским пылом обнимались с ними и дружески похлопывали их по плечам.

Прозвенел звонок, и выпускники со школьного двора неохотно потянулись в классы. Сидя за партами, они оживлённо переговаривались между собой, тая глубоко в душе грусть и сознание того, что многих своих одноклассников они, возможно, видят в последний раз. Потом, когда вошли классные руководители, они шумно, скрепя партами, поднялись навстречу им. Так происходило много лет, но сегодня многих охватило щемящее чувство разлуки и одиночества.

Ромка и Илюша учились в классе «А», а Санька – в классе «В», и после прощального урока друзья встретились в коридоре. Они собрались уже идти в актовый зал, когда из учительской вышел преподаватель математики Штейн. Увидев ребят, он подошёл к ним.

– Здравствуйте, Даниил Матвеевич, – почти хором сказали они, почувствовав некоторую неловкость от своей неудачной выходки.

– Здравствуйте, друзья, – ответил пожилой учитель. – А чего вы смутились? Очень даже смешно получилось. Вы знаете, теперь я могу говорить об этом открыто, мне очень жаль с вами, еврейскими ребятами, расставаться. У вас прекрасные головы и вы могли бы многого добиться в любой свободной стране. Я хочу, чтобы вы получили хорошее образование. Особенно ты, Александр, у тебя хорошие математические способности. Да и у вас, Роман и Илья, тоже всё в порядке.

– Даниил Матвеевич, мы знаем, кто мы, – произнёс Илья, – и очень благодарны Вам за совет. Нам, чтобы преуспеть в жизни, нужно стать лучшими. Я никогда не забуду ваши уроки.

– Спасибо, Илья. Я верю, что вы будете хорошими людьми, – закашлялся он, скрывая за очками выступившие на глазах слёзы. – Вы заходите, я буду рад вас видеть. А сейчас я должен идти.

Он повернулся и направился по коридору в сторону актового зала. Ребята, постояв несколько секунд, двинулись за ним. В актовом зале были рядами расставлены жёсткие деревянные стулья, а на сцене возвышался длинный стол, покрытый скатертью из зелёного сукна, на котором в привычном порядке стояли графины с водой и гранёные стеклянные стаканы. Почти все места уже были заняты и они с трудом нашли три рядом стоящих свободных стула.

Девушки с интересом поглядывали на них. Их души ещё не были отравлены ядом антисемитизма, и их привлекал загадочный дух этих еврейских парней. Санька смотрел по сторонам, ища взглядом Катю, и она, увидев его, махнула ему рукой.

– Успокоился? – ехидно пробасил Ромка.

– А ты нашёл Катю? – с иронией произнёс Санька.

– Потом найду. Илюша тоже ещё свою не видел, – оправдался Ромка.

Вскоре появился директор школы в сопровождении завуча и классных руководителей. Он подошёл к трибуне и заученными за много лет словами поздравил учеников с окончанием учёбы. Потом выпускников вызывали на сцену, каждому жали руку и вручали аттестат зрелости. Закончилась официальная часть и все разбрелись по школе в предвкушении бала.

Санька увидел Тимофееву в компании девушек. Ему уже не было смысла скрывать их отношения. Она это поняла тоже и, кивнув удивлённым подружкам, подошла к нему.

– Ты сегодня очень красивая, Наташа, – восхищённо сказал Санька. – Сегодня нас никто не осудит. Я буду танцевать только с тобой.

– Многие девочки мне завидуют. Ты думал, что ничего никому не известно, но ты просто не знаешь женщин, – заметила она. – Они это чувствуют всем своим существом.

Наташа чуть подтянулась и чмокнула его в щеку. Он обнял её, уже никого не стесняясь, и неумело поцеловал в губы.

Катя Масленникова сама нашла Ромку и подошла к нему.

– Рома, поздравь своего милого друга, – выпалила она с лукавой улыбкой, – он уже целуется с нашей красавицей. Ты, кажется, искал меня?

– Да, Катя, – усмехнулся он, – правда, я не такой красавец.

– Но я же не дура, чтобы кидаться на шею смазливому дураку, – усмехнулась она. – Ты умный и симпатичный парень, и ты мне нравишься. Пойдём танцевать.

Зазвучал «Школьный вальс» и пары потянулись в середину зала.

Илья увидел Яну, сидевшую за столом в углу, и подал ей знак. Она грустно улыбнулась, и он направился к ней.

– Что ты такая невесёлая? – спросил Илюша. – Закончили школу. Теперь вся жизнь впереди.

– Ты понимаешь, что говоришь? Это у тебя всё впереди. А меня с моей биографией ни к какому институту не допустят, – обречённо ответила Яна.

– Но мы живём в непредсказуемой стране. Где-нибудь тебя примут. А может быть, завтра вы получите разрешение? – Помнишь, я тебе рассказывал о нашем соседе Гинзбурге?

– Помню, но тогда время было другое. А сейчас у нас с Америкой холодная война. Эмиграцию заморозили, – произнесла она. – Ладно, милый, пойдём изображать веселье.

Она поднялась, статная и вдохновенная, и потянула за собой Илюшу. Они прошли мимо смотревших на них с любопытством сверстников и закружились в вихре вальса.

После танца все разошлись по местам к столам, на которых стояли бутылки шампанского, керамические вазы с фруктами и тарелочки с шоколадными пирожными. К столу, где с девушками сидели друзья, протиснулась Вера Абрамовна.

– Мои дорогие, если б вы знали, как мне грустно с вами расставаться, – произнесла она. – Семь лет прошло, как будто это было вчера. Сегодня я хочу признаться, что люблю всех вас. Правда, Роману я поставила четвёрку, но в сочинении он сделал много ошибок. Рома, ты не обижаешься на меня?

– Нет, Вера Абрамовна, я рад, что хоть четвёрку. Видно, русский язык – не мой конёк, – заулыбался он. – Вот математика и физика – другое дело.

– А Вы присаживайтесь к нам, – спохватился Саня.

– С огромным удовольствием, да не могу, я должна быть там со всеми. Ну, вы понимаете меня, – ответила она. – Илюша, я вот только хотела попросить тебя сыграть что-нибудь. Я слышала от подруги, что ты очень способный мальчик.

– Да я как-то не думал об этом, Вера Абрамовна, – нерешительно произнёс Илья, но потом спохватился и поднялся со стула. – Мне очень нравились Ваши уроки, и я сыграю для Вас.

Он направился к стоящему в конце зала роялю и, придвинув к нему стул, сел, подняв переднюю крышку. Минуту он смотрел на чёрно-белые клавиши, стараясь сосредоточиться и разминая пальцы. Ему пришло в голову, что нужно сыграть вещь, отвечающую его чувствам к Яне. Он посмотрел туда, где она сидела в кругу его друзей и подруг, перехватил её устремлённый на него взгляд и сразу понял, что играть. Его пальцы коснулись прохладных клавиш, и мелодия заполнила зал. Когда он закончил, в зале зааплодировали. К нему подошла заплаканная Вера Абрамовна.

– Спасибо, дорогой, ты так прекрасно сыграл. Тебе нужно обязательно поступать в консерваторию. Поверь мне, старой женщине.

Она обняла его и, вытерев платочком катившиеся по щекам слёзы, вернулась к столу, где сидели учителя. Илья шёл, и девушки улыбались ему, а парни жали руки. В эту минуту он вдруг ощутил лёгкое дуновение славы, но тут же вспомнил о Яне и, увидев её печальные глаза, осознал, что честолюбие сегодня не уместно.

– Молодец, душевно сыграл, – похвалил Ромка. – Мы вот посоветовались и решили двинуться к Кремлю. Ты согласен?

– Конечно, превосходная идея. «Мавр сделал своё дело, мавр может уйти», – выпалил Илья известную фразу из драмы Шиллера.

Они поднялись и направились к выходу их школы, на ходу прощаясь с одноклассниками.

3

На город опустился тёплый летний вечер, клёны и тополя величественно вздымали в тёмное звёздное небо пахнущие свежей листвой кроны, а птицы отчётливо переговаривались на своём непонятном людям языке. Дворами они вышли на Мытную, где им стали попадаться выпускники из других школ. Редкие фонари вырывали из мрака обрывки тротуара, а льющий из окон свет падал на ветки деревьев и заросшие травой и кустарником палисадники.

– Ты очень хорошо играешь, Илюша, – сказала Яна. – Я раньше слышала это произведение. Это Бетховен?

– Да, «К Элизе». Я играл для тебя, – признался он.

Она молча пожала ему руку, а потом одним порывом повернулась к нему и взглянула на него. Он обнял её и впервые поцеловал в губы. Они шли позади и никто из друзей и их подруг этого не видел.

– Ты самая лучшая, Яна. Все другие девушки – несмышлёные дети по сравнению с тобой.

Миновав Октябрьскую площадь, они пересекли Садовое кольцо, пошли по широкой улице Димитрова, где уже сносились старые приземистые дома, построенные ещё до революции, и возводились новые типовые многоэтажки.

– Мне отец рассказывал недавно, что в этом районе, раньше он назывался Якиманка, жило много евреев – ремесленников, приказчиков, торговцев и других, – заговорил Ромка. – Его управление строит здесь сейчас. И вот однажды он перед разрушением старого квартала прогулялся там и увидел на дверях коробочки. Я не знаю, как они называются. Отец сказал, что евреи их ставили для защиты жилища от злых духов.

– Да, Ромка, ничего мы не знаем о наших предках, – подключился к разговору Илюша. – Теперь мы все советские люди.

– Такие коробочки называются мезузами, – вдруг произнесла Яна. – В них кладётся кусочек пергамента, на котором каллиграфическим почерком записаны отрывки из молитвы «Слу-

шай, Израиль». И этот футляр крепится на правом косяке двери или ворот. Верующие евреи так обозначали свои дома и квартиры.

– Яна, а откуда ты это знаешь? – спросил Санька.

– Посидел бы в отказе, как мы, узнал бы тоже, – съязвила она.

– А мне очень интересно, – сказала Наташа. – Что это за народ такой, который гнали, уничтожали и преследовали всю жизнь?

– Я не ожидал, что ты такая! – восхитился Санька.

– Какая? – скрывая обиду, спросила она. – Ты думаешь, все русские – антисемиты?

– Я так не думаю. Никто из нас так не думает, – пробормотал Санька.

– Мой дед профессор филологии. У него друг детства еврей, тоже профессор, историк. Когда вся семья на его день рождения собирается у него дома, он с Вениамином обо всём говорят. Тогда я и узнала о Холокосте и об Израиле, – сказала Наташа.

Они шли молча под впечатлением разговора, так неожиданно коснувшегося их сердец. Потом свернули на Большую Полянку и возле старинного двухэтажного особняка перешли дорогу. Перед ними раскрылась панорама широкой улицы Серафимовича, пересекающей растянувшийся между Водоотводным каналом и рекой Москвой остров Балчуг. Тёмная вода под Малым Каменным мостом играла бликами редких фонарей вдоль набережной и отсветами ещё не погасших окон большого дома напротив Болотной площади. Слева по другую сторону моста отблескивал жестяным куполом кинотеатр Ударник, за которым высилась громада Дома правительств.

– Ты знаешь, это самый большой в Европе дом, отец говорил, – сказал Ромка.

Он шёл, держа Катю за руку. Его лицо светилось от гордости и охватившего его восторга свободы: теперь ему больше не нужно скрывать ни перед кем своих чувств к шагающей в ногу с ним девушке.

– Да, он огромный, – подтвердила Катя. – Я в прошлом году читала повесть Юрия Трифонова «Дом на набережной». Он тоже здесь жил. Теперь его так и называют. В нём и происходят почти все события.

– Ты мне дашь почитать? – попросил Ромка.

– Я спрошу у подруги, это журнал её родителей. Он такой потёртый. Видно, побывал во многих руках. Ему лет шесть. Повесть вышла и подняла такой скандал, что главного редактора сняли. Но, как говорится, слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Спасибо, Катя, – сказал он и, положив руку ей на плечи, прижал её к себе. – А ещё отец рассказывал, что в этом доме двадцать пять подъездов: двадцать четыре для жильцов, а один заняли энкавэдэшники. Оттуда они подслушивали, вели слежку. Там, наверное, и допрашивали в служебных квартирах. Строили дом несколько лет в конце двадцатых годов. Причём архитектор Иофан работал над проектом с главой ОГПУ Ягодой, который обсуждал с ним все вопросы. Оба евреи, между прочим.

– «Гений и злодейство», оказывается, могут быть и вместе, – заметила Катя.

– Ты умница. А сегодня в этом платье ещё и неотразимая, – осмелел Ромка. – Между прочим, мы с тобой ещё не целовались.

Он остановился и повернулся к ней. Она улыбнулась и потянулась к нему губами, и Ромка почувствовал аромат молодого девичьего тела. Он обхватил её двумя руками и поцеловал.

– Такая прелесть! Был бы постарше, женился бы.

– Дорогой, я подожду, пока ты повзрослеешь, – засмеялась Катя.

Ребята прошли по улице вдоль серой громады Дома и остановились у ограды Большого Каменного моста. Внизу величаво текла река. По ней как раз в это время проплывал светящийся огнями окон и светом палубы прогулочный катер, на котором находилось множество одетых в костюмы и вечерние платья молодых людей. Звучала музыка, Муслин Магомаев исполнял «Надежду», завораживая пением всё обозримое пространство вокруг. С той стороны

реки на обширном холме сиял белизной Большой Кремлёвский дворец, к которому справа прилепились, проблёскивая золотыми куполами Благовещенский и Архангельский собор. Справа от него возле Боровицкой башни виднелось затенённое деревьями здание Оружейной палаты. И всё это было окружено, словно коралловым ожерельем, крепостными стенами, сложенными из красного кирпича, в узлах которых возвышались башни с шатровыми крышами.

– Великолепно, правда? – произнесла Катя. – Я всегда только проезжала здесь на троллейбусе. Впервые стою здесь и смотрю на эту красоту.

– С этого холма и началась Москва, а потом и вся Россия, – поддержал её Санька.

– Не уверен, что вся Россия. Рядом было уже тогда много других городов. А Русь пошла всё-таки с Киева, – заметил Илья.

– Да и строили-то Кремль итальянские зодчие, – подключился к разговору Ромка.

– Мальчики, я же не об истории говорю, – не сдавалась Катя. – Как там, в пьесе Горького на дне? «Испортил песню...».

– А Катенька права, – сказала Наташа. – Как у Пушкина, «град на острове стоит». Между прочим, он и был раньше островом, вокруг протекали речки, а где их не было, вырыли каналы.

– Я дальше не пойду, меня папа попросил вернуться домой пораньше. Общественный транспорт скоро прекратит работу, – произнесла Яна. – А вы, конечно, оставайтесь. Мы прекрасно провели время.

– Я тебя провожу, – вызвался Илюша. – Друзья, мы вас покидаем.

– Пожалуй, пора и нам развернуться. На Красной площади мы бывали не один раз, в Александровском саду, на Манежной, на Горького тоже. Девочки, а вы что думаете? – спросил Санька.

– Я бы выпила что-нибудь в кафе или баре, – задумчиво проговорила Катя. – Но, пожалуй, все эти заведения или переполнены, или закрыты. Мы договоримся и обязательно встретимся. Давайте-ка двигаться домой.

– Катя, ты голова. Мы вас, девочки, проводим, – подвёл черту Ромка.

Рядом с ними остановился, опершись на чугунное ограждение моста, крупный мужчина в светлой парусиновой одежде. В правой руке дымилась сигарета, которую он время от времени подносил ко рту, и тогда конец её вспыхивал оранжевым огнём, освещая его морщинистое лицо. Весь его облик был настолько неординарен, что ребята не могли не обратить на него внимания. Он курил и изредка посматривал на них, степенно поворачивая к ним голову с седыми прибранными, как у Хемингуэя, волосами.

– Я полагаю, у вас сегодня выпускной вечер? – неожиданно спросил он, выпрямившись и бросив сигарету в реку, предварительно погасив её о перила. – Поздравляю, друзья.

– Спасибо, – опередил всех Санька. – А кто вы?

– Я живу здесь, – сказал он, махнув рукой в сторону Дома. – По вечерам прихожу сюда подышать свежим воздухом.

Он замолчал, с интересом разглядывая ребят. Что-то далёкое светилось в его глазах. Он вздохнул и заговорил, отдавшись нахлынувшей волне воспоминаний.

– Родился я ещё до Первой мировой в Могилёве. Отец происходил из семьи раввина и получил в хедере, а потом в ешиве недурное образование. Но вынужден был, как и многие его сверстники, жить в черте оседлости, что очень мешало ему, как бы это сказать, реализовать себя. Поэтому откликнулся на призыв друга детства пойти в большевистский кружок. Он поверил и принял близко к сердцу идеологию, которая показалась ему похожей на учения пророков. Потом мировая война, революция, гражданская война, в которой он участвовал как член реввоенсовета при Троцком. Чиновники, служившие ещё в царском правительстве, саботировали новую власть. Поэтому папа быстро продвинулся на государственной работе и в конце двадцатых его назначили наркомом. Этот роскошный дом тогда как раз построили, и мы поселились в нём. Высокие потолки расписаны фресками, дубовый паркет, добротная государ-

ственная мебель, широкие окна, балконы. Детские сады и ясли на крыше, универсальный и продуктовый магазины, столовые, клуб, сейчас он Театр эстрады, кинотеатр. Ну, просто апофеоз коммунизма. Я тогда оканчивал школу, где учились Василий и Светлана Сталины, дети членов правительства. Он повернулся спиной к чугунной решётке моста и замолчал, собираясь с мыслями.

– Помню, однажды шум какой-то. Я подошёл к окну, выходившему на реку, и вижу: огромный храм Христа Спасителя рушится, издавая рёв, как смертельно раненый зверь. – Старик повёл рукой в сторону пространства на противоположном берегу реки. – А он был музеем славы русского оружия, памятником победы в Отечественной войне 1812 года. Оказывается, Сталину пришла в голову затея соорудить там циклопический по размерам и величию Дворец Советов, самое высокое здание в мире. Архитектором назначили Бориса Иофана, который и мою домину построил. Даже стали проводить работы и что-то делали, пока не началась война. Тут впервые у меня возникли крамольные мысли – что-то непотребное происходит в «датском королевстве». А через несколько лет из дома стали исчезать люди. Отец старался скрыть от меня и сестры, что тучи стущаются, но я сам всё видел. В тридцать седьмом и за ним пришли. Осудили по пятьдесят восьмой статье – троцкист, изменник родины. Десять лет без права переписки. Я уже тогда знал, что это расстрел. Нас тоже арестовали и выслали, как членов семьи врага народа, в архипелаг ГУЛАГ. Потом война, в которой меня контузило. Чудом выжил. Ольгу, сестру мою, сбросили парашютом за линией фронта, она хорошо знала немецкий язык и её взяли в разведку. С задания она не вернулась. Смерть Сталина, разоблачение культа личности, оттепель казались мне освобождением. Отца реабилитировали, нас с мамой поселили здесь снова. Она умерла, и я стал жить один. Всех моих друзей как будто выкосило. Полное одиночество. Несколько лет назад встретил добрую женщину, и теперь я с ней.

Ребята слушали его историю в полном молчании, находясь под сильным впечатлением и стараясь поймать и осмыслить каждое слово. Перед ними стоял человек трагической судьбы, которому удалось пережить потери близких и разочарования.

– Чем мы можем Вам помочь? – спросила Яна.

– Вы хорошие, чистые дети, я сразу это понял. Так получилось, что мне не довелось испытать счастье отцовства, – проговорил он. На его глазах выступили слёзы, но ему удалось взять себя в руки. – Если случится свободная минута, заходите к нам. Меня зовут Ефим Янович. Мы с женой будем вам рады. Квартира 487, двадцать первый подъезд. А вот мой телефон.

Старик достал из нагрудного кармана куртки маленькую записную книжку, черкнул в ней авторучкой и протянул Илье листок бумаги.

– С богом, друзья мои. Получайте образование и уезжайте отсюда. У этой страны нет будущего. Он повернулся, махнул им рукой и устало двинулся по мосту, и ребята ещё долго смотрели ему вслед.

4

Илья и Яна прошли по мосту и по лестнице спустились на Берсеневскую набережную. На углу Дома правительства они сели в троллейбус. Ехали молча, после встречи со Стариком, так они, будто сговорившись, назвали Ефима Яновича, казалось, что всё уже сказано и всякие слова покажутся излишними. На Ленинском проспекте сошли и двинулись по поросшей тополями и клёнами тёмной в это время улице Академика Петровского. Илья уже несколько раз провожал Яну после школы, и ему не составляло труда здесь ориентироваться.

– Старик всё правильно сказал, Илюша, – произнесла Яна.

Они уже подходили к её дому, и она решила выразить ему то, что знала и поняла давно.

– Мне кажется, на его умонастроение повлияли преследования, которым подверглась его семья и семьи его знакомых. Но потом ведь им всё вернули. Смотри, где он живёт и как обеспечен. Ему сейчас не на что жаловаться, – попытался переубедить её Илья.

– Какой же ты наивный, – с сожалением сказала она, – за деревьями не видишь леса. Разве он о себе говорил? У него душа болит за его родину, которую обескровили и обобрали коммуняки, за нас с тобой. Он видит жизнь с высоты своего огромного опыта и не верит в светлое будущее.

– У тебя другая жизнь, ваша семья в отказе. А это, наверное, быстро вправляет мозги.

– Вот теперь ты глаголешь истину, Илюша. Последние годы были для меня хорошей школой.

Они вошли во двор, всё ещё обсуждая встречу со стариком. В тусклом свете фонаря у подъезда они увидели троих парней. Они курили и о чём-то говорили, и в их разговор время от времени вторгались синкопы матерных слов и смачные, вперемешку с похабщиной плевки.

– Илюша, давай-ка быстро пройдем мимо них в подъезд. Они не успеют нас тронуть. К тому же и трусливые, – сказала Яна.

Они ускорили шаги и были уже в нескольких метрах от двери, когда один из парней поднялся и перегородил дорогу.

– Куда это ты спешишь, жидовочка? Не хочешь с нами развлечься? – спросил он.

– Нет, не желаю. Уходите, или я вызову милицию, – подавляя страх, ответила Яна.

– Ха, слышите, она на нас ещё голос поднимает, – злобно усмехнулся тот. Потом повернулся и взглянул на Илью. – А ты, похоже, тоже жид. Ты чё за нашими девочками волочишься?

– Отстаньте от него, он мой друг, – потребовала Яна.

Она к этому времени подавила вызванную страхом дрожь и взяла Илью за руку, чтобы вывести его из враждебного круга, но с двух сторон уже подошли кореша, и Илья загнулся от жестокого удара в печень. Он взвыл от боли и повалился на бок, инстинктивно прикрывая больное место. Яна стала кричать и пыталась их оттолкнуть, но они легко справились с ней и принялись пинать Илью ногами. Он сжался в комок, беззвучно принимая удары.

– Ты, падла, теперь будешь знать, как у нас девочек уводить, – сплюнул заводида. – Так, баста, уходим. Жилыцы могут вызвать милицию.

В тот же момент они прекратили избиение и как ни в чём небывало удалились вглубь двора. Илья, почувствовав перемену, медленно поднялся, пытаясь стряхнуть пыль с нового костюма. Из носа обильно текла густая чуть солоноватая кровь, зуб на верхней челюсти шатался и кровоточил. Яна озабоченно смотрела на него.

– Илюша, эти подонки тебя хорошо разукрасили. Идём, надо остановить кровотечение и привести одежду в порядок, – взволнованно сказала Яна.

Он, прихрамывая и держась за бок, покорно поплёлся за ней, опираясь на её руку. На лестничной клетке было темно, слабый свет проникал сюда со двора через окно. На втором этаже Яна остановилась и, нащупав звонок на стене, позвонила. За дверью послышались шаги, и на пороге появился отец Яны. Свет из коридорчика упал на стоявшую на площадке дочь и её приятеля. Григорий Иосифович мгновенно оценил обстановку. Четыре года назад он был начальником хирургического отделения в больнице, но после подачи заявления на эмиграцию, его сняли с должности. Руководство хотело его сразу же уволить, но потом передумало – опытный, умелый врач был нужен. Его оставили в отделении к радости коллег и медсестёр.

– Заходите, бедолаги, – пробасил он и вернулся в гостиную. – А твоего друга изрядно поколотили.

– Представь себе, на крыльце дома. Я их и раньше видела, они недалеко живут, в нашем районе, – сказала Яна. – Илюше нос разбили.

– Сейчас я кровь остановлю. Перекись, йод и бинты дома есть, – послышался голос отца. – Илья, снимите пиджак и садитесь. Софья Александровна почистит.

Моложавая красивая брюнетка, мать Яны, в разноцветном байковом халате уже давно стояла у двери спальни и с беспокойством смотрела на юношу.

– Хулиганье поганое, – произнесла она и, подойдя к Илюше, взяла протянутый пиджак.

– Мама, это ещё мягко сказано. Бандиты есть во всех странах, – рассудительно проговорила Яна. – Но эти озлоблены потому, что мы евреи. Они же сразу опознали нас и обозвали «жидовками» и «жидовскими мордами».

– Рыба гниёт с головы, Яночка. В антисемитском государстве не пресекают бытовой антисемитизм. Поэтому погромщики и нагледут, – заметил Григорий Иосифович, обрабатывая раны на лице Илюши. – Ну, кажется всё, остановили кровотечение. Как ты себя чувствуешь?

– Главное, живой. Ещё немного бок побаливает и нога, но я уже смогу пойти домой, – проговорил Илюша. – Спасибо за помощь. Уже ночь и мне как-то неудобно.

– Да брось. Сейчас попью чайку, мы же с женой готовились к этому дню, – ответил он. – Софа, вскипяти воду, а я вытащу торт из холодильника.

Яна потянула Илюшу к себе в комнату, и они сели на тахту.

– У тебя такие замечательные родители. В прочем, я понимал, зная тебя, что другого не может быть. Яблоня от яблока недалеко падает.

Она засмеялась и, взглянув на ссадины на его лице, наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

– Я уверена, что и у тебя тоже замечательные предки. Потому, что ты очень хороший, – прошептала она.

– Я люблю тебя, Яна.

– Я это чувствовала. Ты мне тоже очень нравишься, но, к сожалению, я не надёжный партнёр. Меня в нашей стране не ждёт ничего хорошего. Власть нашу семью уже забраковала. Рано или поздно, мы уедем отсюда.

Илюша захватил руками её голову и неумело коснулся губами её сухих губ. В это время они слышали голос Софьи Александровны.

– Ребята, кушать подано!

– Да, мама, – ответила Яна, поднимаясь с тахты. – Пойдём, милый.

Перед уходом Илюша позвонил домой. Трубку взяла Елизавета Осиповна.

– Мама, это я. Я тут недалеко, у Яны. Скоро приду.

– Илья, я попрошу Виктора тебя проводить. Скажи адрес.

– Не надо, мама. Я сам доберусь. Минут через двадцать приду.

– Ну, хорошо. Будь осторожен, сынок, – сказала она и в трубке раздались гудки.

– Папа, я помогу Илюше спуститься во двор, он ещё прихрамывает.

Возле дома никого не было. Глубокая ночь поглотила Москву, и стало так тихо, что слышался даже отдалённый шум машин на Ленинском проспекте.

– Знаешь, Яна, эти парни неплохо меня проучили. Теперь я точно стал умней.

– Ты и раньше дураком не был. А я люблю умных мужчин.

Она обняла его и поцеловала в губы.

– Всё, иди уже. Мама твоя волнуется.

Яна смотрела ему вслед, пока он, ковыляя ушибленной ногой, не скрылся за углом дома, потом повернулась и медленно поднялась по лестнице.

5

Прекрасна пора юности, когда душа жаждет счастья и любви, а тело удовольствий и плотских наслаждений! Она оставляет в памяти каждого человека яркие всполохи, которые неожиданно озаряют его жизнь и возвращают в прошлое. Сердце его вдруг защемит тоска по тому времени, когда он был молод, любим, полон сил и надежд.

Неуёмная Катя проявила недюжинную настойчивость, звонила и организовывала, договаривалась с заведующими, и через несколько дней ребята встретились на Арбате в популярном кафе, где по вечерам играли джаз, а прелестная девица пела песни советских и зарубежных композиторов. Вечер только начал опускаться на Москву и на променаде зажглись фонари, но в разгар лета темнота наступает поздно, и было ещё светло и через стекло больших окон

хорошо просматривались фасады старых отремонтированных и подкрашенных домов вдоль улицы и многочисленные прохожие, шедшие в театр Вахтангова, с работы или на прогулку.

Добирались на метро парами и радостно приветствовали друг друга, усаживаясь за столом. Школа была уже позади, и наступило короткое, но прекрасное беззаботное время. Стояла хорошая погода, и хотелось гулять, встречаться с друзьями и подругами и не думать о будущем.

– Сегодня замечательный день, – бодро заметила Наташа. – Спасибо Кате, что вытащила нас из дома.

– И надо провести его так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитый день, – сострил Санька. – Предлагаю не скупиться и заказать побольше еды и вина.

На столе уже лежало шесть брошюр меню, и все взялись его изучать. Снова подошёл молодой официант в переднике и принял заказ.

– Пока мы ещё трезвые, давайте обсудим, куда пойдём в воскресенье, – предложил Ромка. – А не попытаться ли нам прорваться в Таганку.

– После смерти Высоцкого я там ни разу не был, – сказал Илюша. – По-моему, без него театр стал неинтересен. В «Гамлете», «Мастере» и в других постановках он исполнял главные роли. В «Галилее» он стоял на голове, сам видел. Если сегодня туда ходят, то просто из ностальгии по Высоцкому.

– Ты не прав, там есть ещё замечательные актёры, – парировал Ромка, – и все они звёзды: Вениамин Смехов, Хмельницкий, Золотухин, Алла Демидова, Губенко, Славина, Леонид Филатов, Ярмольник, Готлиб Ронинсон, Семён Фарада ...

– Верно, – перебил его Санька. – Кроме того, там гениальный режиссёр Юрий Любимов. Но ему не дают делать то, что он хочет и как он хочет. Почти за все постановки приходилось воевать, а «Владимира Высоцкого» и «Бориса Годунова» просто запретили. «Берегите ваши лица» на стихи Вознесенского запретили после третьего представления, там Высоцкий пел «Охоту на волков». Он принял его на работу, когда в «Современник» его не взяли. И тоже не взял бы, но Высоцкий пришёл с гитарой. Любимов попросил его сыграть, и тот что-то спел. Это решило его судьбу. Похороны тоже ему организовал грандиозные. А отец, между прочим, еврей, от него отрёкся, заявив, что антисоветчик ему не сын. Даже проститься не пришёл.

– Мне отец рассказывал, как однажды его приятель приехал из Ленинграда в командировку, – вступила в разговор Яна. – Он вечером, когда закончил свои дела в институте, захотел пойти на «Мастера и Маргариту». Ему объяснили, как попасть в театр. И вот он подходит к воротам заднего двора. Охранник его спрашивает, куда это он ... К Готлиб Михайловичу Ронинсону, говорит. Ну, те его тут же пропускают, и он идёт по коридору и сталкивается с актёрами, которые выходят, заходят или просто сидят и гримируются в своих уборных. Входит в фойе и растворяется среди зрителей. А в зале уселся на откидную скамью на пружине, которая прикручена к креслу и открывается в сторону прохода. Так он сходил в театр и был в восторге.

– Здорово, но мы так не пойдём, мы москвичи, что-нибудь придумаем, – подытожил Ромка.

– А я предлагаю поехать в Серебряный Бор или Химки покупаться, позагорать. Говорят, очень тёплая вода. В театр, ребята, нужно ходить осенью или зимой. Скорее всего, Таганка сейчас на гастролях, – подключилась к разговору Катя.

– А что, Катюша дело говорит, – сказал, поразмыслив, Ромка.

На столе уже появились рюмки и бутылка красного молдавского вина, нарезанный белый хлеб и огромное блюдо пахнущего свежими овощами салата.

– Предлагаю выпить, – сказал Санька, разливая вино. – За прекрасных дам!

Все подняли рюмки, свели их над столом, и раздался нестройный звон стекла.

– Хорошее вино, друзья, – произнёс Илюша. – Я недавно читал Омара Хайяма и нашёл у него про питье очень забавные рубаи. Вот, например:

« Хочу упиться так, чтоб из моей могилы,
Когда в неё сойду, шёл сильный запах милый,
Чтоб вас он опьянял и замертво валил,
Мимо идущие товарищи-кутилы».
– Как современно, будто сегодня написано, – восхитилась Катя.
– Или ещё один, правда, немного грустный:
« Растить в душе побег унынья – преступление,
Пока не прочтена вся книга наслажденья,
Лови же радости и жадно пей вино.
Жизнь коротка, увы! Летят её мгновенья ».
– Да, глубоко копнул Хайям. Даром, что мусульманин, – произнёс Ромка.
– Так, всё, друзья, кушать подано, – заявил Санька. – А вот и наши стейки!

Из кухни вышел официант с большим подносом и направился к ним. Он расставил на столе тарелки с бифштексом и жареной картошкой и пожелал приятного аппетита. На маленькой эстраде в углу зала появилось трио музыкантов и начало играть джаз. Ребята ели и над их молодыми головами витала знакомая мелодия «Каравана».

6

Над Москвой уже воцарилась ночь, когда они, немного опьяневшие от вина, еды и разговоров, вышли из кафе. На фоне чёрного неба фонари горели ярко, выхватывая из темноты лица и фигуры идущих мимо прохожих. Решили вместе двигаться к станции метро, разбившись на пары. На Добрынинской поднялись на эскалаторе и оказались на Люсиновской, откуда дорога домой занимала не более минут сорока.

– Ребята, до свиданья! – попрощалась Наташа. – Было здорово!
– Пока, друзья, я провожу Наташу, – сказал Санька. – Парни, через пару дней увидимся у меня. Есть о чём поговорить. Илюша, будь осторожней, не лезь на рожон.
– А меня Яна защитит, – ответил Илья.

Санька засмеялся, обнял Наташу за плечи, и они свернули в тёмный переулок. Вначале шли молча, поглощённые неизъяснимым чувством свободы и внутренней гармонии.

– Нас соединила общая судьба. Мы не должны расставаться, Сашенька, – произнесла Наташа. – Ты ещё любишь меня?

– Да, очень.

Она остановилась и молча посмотрела на него. Он заметил её нерешительность и спросил:

– Ты что-то хотела сказать?
– Сашенька, я тоже люблю тебя. Я хочу, чтобы ты увидел, как я живу. Пойдём ко мне.
– Уже поздно, твои родители, наверно, спят. Мне как-то неудобно.
– Они вчера уехали в подмосковный санаторий, – сказала она. Он почувствовал овладевшую ею неловкость. – Я не хотела тебе раньше об этом говорить. Ты не обиделся?
– За что, Наташенька?

Он прижал её к себе и поцеловал в полураскрытые губы. Через минут десять они вошли в парадное и поднялись лифтом на седьмой этаж. Она вынула из сумочки ключ и открыла дверь. В квартире было темно. Лишь отдалённые уличные фонари и окна соседних домов бросали на занавеси и стены рваные лоскуты света. Она щёлкнула выключателем, и красивая хрустальная люстра осветила большую гостиную с мягкой кожаной мебелью, высоким книжным шкафом и сервантом.

– Что-нибудь выпьешь? – спросила она. – У отца в баре полно всего.
– Давай просто водочки.
– Есть «Столичная». Она тебе нравится?
– Очень. Это одна из немногих вещей, которыми Советский Союз может гордиться.

Наташа достала из серванта две хрустальные рюмочки и налила водки. Комната сразу же наполнилась её особенным ароматом.

– Погоди. У нас, кажется, и лимон есть.

Она зашла на кухню и открыла холодильник. Санька подошёл к ней, когда она резала лимон.

– Люблю этот запах. Не знаю почему. Наверное, дело в генетике. Мои далёкие предки жили на Ближнем Востоке.

– Мне нравится, что ты не скрываешь, что еврей. Мой дедушка говорит, что без вас христианская цивилизация не достигла бы таких высот.

– Ты славный человек, Наташа. Я прилип к тебе не только потому, что ты красавица.

– А вот об этом подробнее.

Она улыбнулась и подала ему ломтик отрезанного лимона. Они выпили, и живительная пьянящая влага обожгла горло и пробежала по телу. Пойдём, я покажу тебе мою комнату. Она потянула его за руку, и он послушно пошёл за ней.

– Ну, как она тебе? – спросила Наташа.

– Прекрасная комната.

– Старший брат женился, и наши родители и родители жены помогли ему купить кооперативную квартиру. А я из своей комнатки перебралась сюда.

Он нерешительно присел на тахту, и она опустилась рядом с ним. Затенённый абажуром свет торшера придавал ей смелость, и она легла на его колени. Её каштановые волосы мягко спадали на его ноги и руки, глаза, затуманенные алкоголем, призывно смотрели на него. Она охватила руками его голову и наклонила к себе.

– Поцелуй меня, Сашенька. Ты боишься?

– Нет. Просто ещё не привык.

Наташа вдруг поднялась, повалила его на тахту и поцеловала в губы. Он ответил ей, прижал к себе и теперь оказался сверху. Его охватило возбуждение, он помог снять платье, и, с трудом сдерживая страсть, вошёл в неё. Вначале она вскрикнула от боли, потом успокоилась и стала раскачиваться в такт его движениям, пока не почувствовала изливающийся в неё горячий поток.

Он лежал рядом с ней, отдыхая после блаженства любви и держа её за руку.

– Ты первый, Сашенька, до тебя у меня никого не было, – прошептала она.

– Почему ты мне ничего не сказала?

– Боялась, что ты испугаешься и не решишься сделать меня своей женщиной.

Он поднялся на локте и лёг на бок, провёл ладонью по ткани тахты и, почувствовав липкую влагу, поднёс её к глазам. Пальцы покрылись тёмно-красной краской крови. Он посмотрел на её прекрасное лицо.

– Ты всегда вела себя так раскованно, вокруг тебя крутилось столько парней, – произнёс он. – Я, дурак, думал, что...

– Да, у меня было много возможностей. Но без любви я не хотела отдаться никому. В эти дни, когда мы попрощались со школой и вырвались на волю, мне вдруг стало страшно, что ты исчезнешь, и я не познаю твою любовь. У тебя уже были женщины?

– В Крыму прошлым летом. Познакомился с ней на пляже в Алушке. Она приехала из Прибалтики и сняла там комнату. На пятнадцать лет старше меня. Влюбилась и не отпускала, пока у неё не кончился отпуск. Больше не было никого.

– А я в школе думала, что у тебя есть.

– Просто флиртовал, создавал впечатление.

– А со мной ты не играешь?

– Нет, тебя я люблю.

Так они лежали и тихо говорили, и свет торшера падал на их лица и руки.

- Тебе пора идти. Позвони домой и уходи. Наверно, тебя уже ищут.
- Ты права, Наташенька.

Они поднялись с постели и вернулись в гостиную. Санька взял трубку телефона и набрал номер.

- Где ты, Саша? – услышал он взволнованный голос мамы.
- Я провожал девушек. Скоро приду.
- Только не задерживайся, дорогой.
- Хорошо, мамуля.

Он положил трубку и подошёл к Наташе. Она обвила его шею руками и поцеловала.

- Мы увидимся? – спросила она.
- Я позвоню завтра.

7

Через несколько дней ребята встретились во дворе. Санька появился с четырёхлетней сестрёнкой, обещающей стать в девическом возрасте красоткой, но уже сейчас кокетливой и забавной, с интересом посматривавшей на парней.

– Родители ушли на юбилей к главному инженеру института, где отец работает. Оставили мне Эллочку. Давайте посидим на лавочке, а она на детской площадке побегает, – произнёс он извиняющимся тоном.

- Да всё в порядке, Саня. Не нужно оправдываться. Мы что – звери что ли?

Она очень славная и, когда вырастет, станет нашей младшей подружкой, – успокоил его Ромка.

– Хорошо, друзья мои, – сказал Санька. – Я, честно говоря, хотел собраться у того пивного ларька на соседней улице. Там продают даже солёную и копчёную рыбку. Но не судьба.

– Мы обязательно это сделаем, – произнёс Илюша. – Давай ближе к телу. О чём ты собирался поговорить?

– Интрига, ребята, в том, что наступает время, когда предстоит ответить на вопрос – что делать дальше, куда пойти учиться? Прямо по Чернышевскому. Мне кажется, что нужно обсудить всё на нашем форуме. Если хотите, конечно.

– А что, дельная мысль, – поддержал его Ромка. – Мы знакомы ещё с детского сада и дружим почти всю жизнь. Не хочу быть высокопарным.

– Я согласен со Стариком, нужно получить хорошее образование, чтобы содержать семьи, которые, надеюсь, у нас появятся. Выбор должен учитывать нашу национальную принадлежность. Наша родная коммунистическая партия не желает готовить специалистов для народного хозяйства Америки и Израиля. Поэтому попасть в ВУЗ нужно обязательно в этом году, иначе загремим в армию. А там и Афганистан недалеко, – рассудил Илюша. – Вступительные экзамены скоро начнутся. Надо успеть подать документы и зарегистрироваться.

– Хорошо сказал, – одобрил Санька. – Мне нравятся точные науки, и я хочу изучать математику. У мамы есть знакомая в Московском университете. Попытаюсь поступить туда на мехмат.

– Без математики не обходится ни наука, ни техника, – заметил Ромка. – У меня в Москве нет никакого особенного блага. А вот в Воронежском университете работает дядя отца, профессор. Папаша уже говорил с ним и тот поторопил, сказал, чтобы я приехал.

– Моё положение труднее, чем у вас, – сказал Илюша. – Мама мечтает, чтобы я поступил в консерваторию, а папа видит в этом большие проблемы. Ему не понравится, если после многих лет учёбы я стану концертмейстером при какой-нибудь певичке или преподавателем музыкальной школы. А буду ли я знаменитым пианистом, лауреатом международных конкурсов, большой вопрос. И сильных связей в консерватории у нас нет.

– Отец твой, похоже, прав, – произнёс Санька. – Тогда нужно искать альтернативу. Что он советует?

– У него друзья, с которыми папа учился, остались преподавать в МЭИ. Один даже защитился. Он хочет увидеться с ними.

– Прекрасно, он станет родоначальником династии инженеров-электриков, – сострил Ромка. – Сказал же Владимир Ильич, «коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны».

Ребята засмеялись, похлопывая друг друга по плечу. Эллочка повернулась на смех и тоже улыбнулась.

– А не кажется ли вам, господа, – заявил Санька, – что наша девочка заслужила эскимо?

– Конечно, заслужила, – одобрил Ромка. – Элла, ты хочешь мороженое?

– Да, да, – защебетала она и подбежала к ним.

– Тогда пошли в кондитерскую, – сказал Санька.

Ребята поднялись и, подшучивая друг над другом, вышли на улицу. Уже смеркалось, и они поторопились – кондитерская закрывалась через полчаса. Шура, полноватая женщина средних лет, давнишняя знакомая ребят, увидев их, радостно воскликнула:

– Мальчики, ну, наконец, явились – не запылились! Что-то давно вы не появлялись?

– Шурочка, у нас были выпускные экзамены, а недавно состоялся выпускной вечер. Нам было не до сладостей, – подыгрывая ей, произнёс Санька.

– Ну и как, сдали? – спросила она. – Да что я говорю? Вы же талантливые парни.

– Всё в порядке, Шурочка. Вот мы и пришли отметить, – не уговорясь Санька. – Три чашки кофе с заварными пирожными не сварить нам? А Эллочке – эскимо?

– Что за вопрос, конечно. Садитесь за тот столик.

Через десять минут девочка уже с наслаждением ела мороженое, а они пили и наслаждались крепким душистым кофе.

8

Наутро Катя опять обзвонила всех, предложив провести время на пляже в Серебряном бору. Наташа неважно себя чувствовала, а Санька без неё ехать не хотел. Ромка одолжил «Москвич» у отца и сейчас лихо катил по живописному шоссе, обступаемому с обеих сторон плотной стеной лиственного леса.

– Какая красота! – восхищённо сказала Яна. – Жаль, что Наташа не смогла.

– По-моему, у Саньки с нею нешуточный роман, – буркнул Ромка.

Он хорошо знал друга и, как чувствительный барометр, ещё накануне определил едва уловимое изменение в его настроении.

– А почему бы и нет, оба они красоты неопишуемой и умницы. Великолепная пара. Она его любит, сама мне призналась как-то, – подтвердила Катя.

Припарковав машину на стоянке, ребята взяли вещи и вошли на территорию пляжа. На широкой, поросшей травой и обрамлённой деревьями поляне было немногочисленно в разгар рабочего дня. Они направились к реке, вырвавшейся здесь из тесных объятий гранитных набережных на свободу и величаво несущей свои воды вдоль зелёных плоских берегов.

– Давайте под той сосной, – предложила Яна.

– Отличное место и песочек рядом. Обожаю валяться в тёплом песке, – поддержал её Ромка.

Девушки пошли переодеваться, а парни присели на траву. Солнце сияло на безоблачном голубом небе, сухой горячий воздух, гонимый лёгком ветерком, овеивал их молодые, жаждущие любви тела и лица.

Они увидели возвращающихся подруг и дружно замахали им руками.

– Красивая у тебя девушка, – заметил Ромка.

– Катя тоже очень милая, – отреагировал Илюша. – Понимаешь, Рома, Яночка – удивительное создание, какие иногда появляются в интеллигентных еврейских семьях. Но я не знаю, что делать. А если завтра откроют границу и она уедет?

– Да, это проблема. Ладно, пошли купать наших красавиц.

Ромка вскочил на ноги и с весёлой улыбкой двинулся навстречу им.

Вода вначале обожгла своей прохладной свежестью, но парни быстро привыкли и поплыли к середине реки. К ним, умело рассекая водную гладь, присоединилась Катя. Яна, признавшись, что плавать не умеет, купалась возле берега, где в тихой заводи росла осока и желтые лилии. Крики о помощи заставили ребят оглянуться. Туда, где они оставили Яну, уже мчался мужчина в плавках. Пробежав по мелководью, он прыгнул, через несколько секунд вынырнул, держа девушку на мускулистых руках, и стал бить её по бледным щекам. Яна закашлялась и из её рта на шею и грудь широкой струёй полилась вода. Она вздохнула, придя в себя, и обессиленно

повисла на его груди. К этому времени Илюша уже выбрался на берег и подбежал к ним.

– Парень, таких красавиц на произвол судьбы не бросают, – произнёс мужчина. – Бери её.

Илюша поднял девушку и под сосной, где они побросали вещи, положил на траву.

– Как ты себя чувствуешь, Яночка.

– Уже лучше. Там был уступ, я потеряла равновесие и упала в яму, – пробормотала она, не открывая глаз. – Испортила вам всю обедню.

Ребята склонились над ней и смотрели на Яну с озабоченными лицами.

– Так, ты отдохни, а потом мы отвезём тебя домой, – решил Ромка.

Возвращались, с наигранным весельем разговаривая и пытаясь растормошить Яну и Илюшу. А те сидели молча, прижавшись друг к другу, и сознавая, что произошло что-то важное, что оставит след в их памяти и судьбе.

А Санька позвонил Наташе и предложил вечером увидеться. Она пожаловалась на головную боль и попросила перенести свидание на завтра. На следующий день он пришёл к ней домой, охваченный необоримым желанием, и она отдалась ему со всей страстью первой любви.

– Я никогда не думал, что это так прекрасно, – проговорил он, безуспешно пытаясь развеять туман, застивший его голову после горячей волны оргазма.

Обнявшись и целуясь, они лежали на тахте, не стесняясь своей совершенной наготы. Он наслаждался её изумительной грудью, мягкими бёдрами и стройными ногами.

– Ты так хороша. Мне кажется, что это сон.

– Нет, любимый, это явь. Скажи мне, что никогда меня не покинешь.

– А я тебе разве не говорил?

– Скажи ещё раз.

– Я люблю тебя и никогда с тобой не расстанусь, – прошептал Санька. – Ты знаешь, нам бы следовало предохраняться.

– Ты прав, дорогой, мы просто потеряли голову.

– Сегодня я куплю презервативы. Буду проходить мимо аптеки.

– Да, Сашенька, купи. А я приготовлю нам что-нибудь поесть.

Она поднялась и, накинув на себя халат, пошла в кухню. Он тоже оделся и последовал за ней. Сковорода с четырьмя разбитыми яйцами и нарезанными дольками сосисками уже стояла на газовой плите, шипя и брызгая маслом.

– Это ты хорошо придумала. Помнишь фильм «Брак по-итальянски»? Там играют Софи Лорен и Марчелло Мастоияни.

– Во время войны они знакомятся, потом занимаются любовью несколько дней подряд...

– И она кормит его яичницей, чтоб восстановить его силы.

– Вот и я так хочу сделать, – засмеялась Наташа. – Ну, как тебе моя идея?

– Замечательная. Ты – прелесть, какая умница.

Она поставила на стол тарелки, положила туда яичницу, быстро приготовила салат с огурцами, помидорами, редиской и зелёным луком, полив его подсолнечным маслом.

– Как вкусно! – восхищённо проговорил Санька.

– Потому что всё свежее и натуральное. Японцы едят только то, что даёт природа, даже иногда в сыром виде.

Он с аппетитом поел и поднялся из-за стола.

– Наташенька, спасибо. Я должен уйти. Мы с мамой договорились поехать в универ. Она хочет познакомить меня с подругой, которая там преподаёт. Та порекомендует хорошего учителя математики. Нам, евреям, нужно быть готовыми ко всему и знать лучше других.

– Ты думаешь, что евреев специально заваливают на экзаменах? – спросила она, искренне сомневаясь.

– Если ты желаешь связать свою судьбу со мной, тебе нужно оставить всякие иллюзии и трезво смотреть на жизнь.

– Я тебя никогда в обиду не дам, – сказала она.

– Хорошо, любимая. Я побегу, чтобы в будущем у нас с тобой было меньше проблем.

Она поднялась и обняла его. Он поцеловал её и направился к выходу.

9

Лев Самойлович купил билет на поезд и позвонил сыну.

– Ты собираешься, Рома?

– Да, папа. Я готов. Мама пойдёт меня провожать.

– Хорошо. Отправление в среду в девять вечера с седьмого пути, вагон номер пять. Я приду и принесу билет.

– Спасибо, папа.

Ромка положил трубку и после короткого раздумья набрал номер Кати.

– Добрый вечер. Позовите, пожалуйста, Катю.

С той стороны раздались какие-то невнятные шорохи, и Ромка услышал знакомый голос.

– Рома, что случилось?

– Я послезавтра уезжаю в Воронеж. Отец уже взял билеты. Хочу с тобой увидеться. Давай завтра.

– Хорошо. После обеда, часов в пять. На нашем месте.

– Ну, пока, целую, – сказал он и положил трубку.

Он ждал на улице возле газетного киоска недалеко от её дома. Она опаздывала, и Ромка с неведомым ему прежде беспокойством переминался с ноги на ногу. Увидев Катю, он облегчённо вздохнул, и пошёл навстречу.

– Знаешь, я впервые так разволновался. Мне вдруг стало ясно, что ты мне очень нужна.

– Рома, дорогой, я не случайно задержалась. Я с утра обзвонила своих подруг и Лена дала мне ключи от квартиры. Ты рад?

– Да я счастлив. Это далеко?

– А ты ещё большой ребёнок, Ромочка. Даже если на краю света, какое это имеет значение? Тут недалеко.

Через минут двадцать они зашли в подъезд дома и поднялись на третий этаж. Катя щёлкнула ключом, дверь легко поддалась и они оказались в полутёмной гостиной, затенённой со стороны двора пышными ветвями тополей.

– Тебе тут нравится? – спросила она.

– С милой рай и в шалаше. Мы что-нибудь выпьем?

– Сейчас посмотрю.

Катя подошла к буфету и открыла его.

– Не густо, но есть открытая бутылка и тут же фужеры. Я налью. А вот и шоколадные конфеты.

Она протянула ему фужер, наполненный красным вином.

– За что пьём? – игриво произнесла она.

– За тебя.

– И за тебя и твои успехи. Ты же умненький мальчик.

– Я уже не мальчик, Катюша. Вчера мне ударило в голову, что могу тебя потерять. Пока не пойму, что со мной произошло.

– А не влюбился ли ты?

– Наверно. Никогда со мной такого не случалось.

Они выпили и принялись безудержно целоваться. Потом он подхватил её на руки и понёс в другую комнату, оказавшуюся спальней. Они рухнули на постель, и он стал лихорадочно срывать с неё одежду.

– Успокойся, милый. Вижу, что это у тебя в первый раз. Не торопись и разденься сам.

Он обнажённый лёг возле неё, она приподнялась на боку и, оказавшись сверху, навалилась на него.

Они лежали на спине, отдыхая после порыва безудержной страсти. Покоя и сладостное томление охватили всё его существо. Ромка был счастлив, тело и душа ликовали от незнакомых прежде ощущений.

– Ты любишь меня? – спросил он.

– Ты мне очень нравишься, ты милый и добрый, и сексуальный. Я от тебя такого не ожидала.

– А зачем тебе еврей? Нашла бы русского мужика покруче меня.

– Я ищу человека, который смог бы вывезти меня отсюда. И нашла тебя. Ты не доволен?

– Конечно, я рад, хотя я пока не думал об эмиграции. Да и границы-то сейчас закрыты. Кроме того, мне всегда казалось, что любовь лишена всякой корысти и не связана с какими-либо ожиданиями.

– Ты ещё не понял, Ромочка, что любовь просто так скоро кончается. Мужчину и женщину обязательно должно связывать что-то ещё.

– Наверное, это правильно. Ты умнее меня, Катюша.

Он повернулся к ней и, вновь почувствовав в себе острое желание, вошёл в неё.

10

Павелецкий вокзал пах машинным маслом и специфическим ароматом железной дороги, знакомым всем, кто когда-нибудь по ней путешествовал. К зданию вокзала необычной архитектуры с шатровыми покрытиями, построенному в начале века, прилежала огромная привокзальная площадь, на которой смыкалось стягивающее Москву, словно циклопической стальной удавкой, Садовое кольцо.

Ромка с мамой стоял на перроне возле вагона, ожидая отца, который должен был принести билет. Илья и Санька попрощались с ним днём, сделав перерыв в занятиях, и он в который раз подумал, как здорово жить с друзьями в одном доме. Тёплый июльский вечер опустился на город и здесь на путях их освещали бьющие со всех сторон мощные прожектора. Елена Моисеевна в свои сорок два года в бежевом брючном костюме выглядела свежо и молодо, как будто и не было мучительного развода с мужем. Появился Лев Самойлович, и они поднялись в вагон, на ходу показав билет молоденькой проводнице. Ромка поднял чемодан в багажную нишу под крышей, и они присели на матрасы, уже постеленные на нижних полках купе.

– Прибудешь, позвони.

– Хорошо, папа. Я позвоню от дяди.

– Питайся хорошо. На еде не экономь. Будущему экономисту тоже нужно крепкое здоровье, – наставляла сына Елена Моисеевна.

– Я понимаю, мама. Буду ведь ещё и стипендию получать.

– Ну, на ней ты не продержишься. Будем присылать тебе деньги. Ты только поступи и учись. Еврею без профессии в нашей стране преуспеть невозможно.

– Я постараюсь, папа.

По коридору вагона проследовала проводница, предупреждая провожающих об отправлении поезда. Родители попрощались с Ромой и спустились на перрон.

- Вырос наш сын, – сказал Лев Самойлович. – Время быстро летит.
- Он славный мальчик, Лёва.
- Ну как тебе живётся, Лена?
- Я привыкла, всё нормально. Миша – хороший интеллигентный человек.
- Я, наверное, сделал ошибку. Если бы не ребёнок от Веры, вернулся бы к тебе.
- Зачем ворошить прошлое. Разбитый горшок всё равно не склеишь.

Из окна купе Ромка со щемлящей грустью наблюдал, как родители стояли на перроне, смотря в след отходящему поезду. Потом он достал из кожаного дипломата сборник шахматных партий, положил её на столик и углубился в чтение. В Кашире в начале двенадцатого, когда он уже лежал на верхней полке убаюканный мерными колебаниями вагона, дверь открылась и в купе ввалилась пара молодых людей. Вначале они сидели в обнимку, потом разделись, легли и занялись сексом, уверенные в том, что юноша, единственный возможный свидетель, уснул и им, молодожёнам, ничто не мешает предаться плотским наслаждениям.

Рано утром поезд прибыл в Воронеж. Ромка, стараясь не шуметь и не разбудить утомлённых любовью людей, достал из багажной ниши чемодан и вышел из купе. На привокзальной площади он сел в такси, постояв полчаса в очереди, и, зачитав водителю адрес из записной книжки, откинулся на спинку заднего сиденья «Волги». Начиналась новая пора жизни.

11

Санька сдал экзамены в университет и с беспокойством ожидал решение приёмной комиссии. В день, когда в вестибюле механико-математического факультета вывесили списки, он с трудом пробился через толпу абитуриентов к доске объявлений. Прочитав в столбце принятых «Абрамов Александр Наумович» он сразу не поверил и просмотрел список ещё раз. Ошибки быть не могло. Его приняли, несмотря на то, что фамилия и отчество не вызвали ни малейшего сомнения в его национальной принадлежности. Счастливый он вышел из здания, чтобы позвонить отцу и матери на работу. К телефонным будкам стояли очереди: юноши и девушки спешили передать своим близким радостную весть. Санька не захотел долго ждать и направился к станции метро «Университет». В вестибюле он быстро нашёл свободный аппарат.

– Папа, я зачислен.

– Я знаю, маме подруга уже позвонила, – спокойно ответил Наум Маркович. – Прекрасно, сегодня вечером выпьем за твои успехи. Не задерживайся.

Послышались частые гудки и Санька, повесив трубку, набрал номер Наташи.

– Саша, это ты? – спросила она.

– Да. Наташенька, меня приняли! – воскликнул он.

– Поздравляю, милый. Ты станешь великим математиком, а я буду тебя лечить. Если не такие таланты принимать, то кого же ещё?

– Ну, знаешь, есть одно важное обстоятельство.

– Извини, дорогой, там есть и умные люди.

– Наташа, мы сегодня увидимся?

– У меня завтра последний экзамен. Буду готовиться.

– Тогда пока. Я уверен, ты его сдашь и поступишь. Медицина – это твоё поприще. Ты же умница.

Наташа положила трубку и подошла к открытому окну. Тёплый ветерок потерял пряди волос и снизу послышался гул проезжающих по улице машин. На время экзаменов к ней перекочевала бабушка, которая умело вела хозяйство, готовила и кормила любимую внучку. Родители завтра вечером должны были вернуться из санатория, и с приближением этого часа росло беспокойство, вызванное тем, что задерживалась менструация, которая должна была пройти ещё неделю назад. Она решила пока о своём опасении никому не рассказывать, а посовето-

ваться с подругой матери, участковым врачом, которая знала её со дня рождения. Мария Петровна назначила ей встречу на среду вечером. Но неотвязная мысль не давала покоя и мешала сосредоточиться на занятиях.

В комнату вошла Светлана Никитична и поставила на стол чашку чая и тарелочку с сырниками и сметаной.

– Поешь, Ташенька, тебе сейчас нужно хорошо питаться.

– Спасибо, бабушка, но мне не хочется. Ну ладно, оставь.

Та собиралась было выйти, но взглянула на внучку и остановилась у двери.

– Что ты бледная такая? Ты себя хорошо чувствуешь?

– Устала немного. Пожалуй, мне нужно пройтись, подышать воздухом.

– Пойди, дорогая. Но вначале поешь.

– Хорошо, бабушка.

Она спустилась во двор и вышла на бульвар, поросший высокими клёнами и осинами. Здесь она любила гулять и сидеть, наблюдая за прохожими и родителями с детьми. Она увидела свою любимую скамейку и обессиленно опустилась на неё.

«Наверно, я залетела. Иначе объяснить задержку менопаузы невозможно. Маме придётся всё сказать. Папу пока беспокоить не стоит. Теперь главное. Это ребёнок Саши и я должна с ним поговорить. Почему я волнуюсь? Разве он откажется от ребёнка и будет настаивать на аборте? Перестань нервничать и возьми себя в руки. Дитя – это счастье. Мама и все бабушки займутся воспитывать и ухаживать за ним, пока я не закончу учиться. А Саша женится на мне, он порядочный мальчик. Он любит меня, поэтому полюбит и ребёнка, – рассуждала Наташа, и успокоение возвращалось в её молодое, здоровое тело».

12

В МЭИ Илюша не поступил. Институтские друзья объяснили Леониду Семёновичу, что ректор, к сожалению, не очень любит евреев, его сына попросту завалили, и они не смогут ничего изменить. Илья вспомнил, что во время экзамена по математике увидел на вопросном листе красную пометку. Это был один из способов указать экзаменатору, что перед ним еврей, которого нужно отсеять. Потом Илюша понял, что дополнительные вопросы касались материала, выходящего за пределы школьной программы. Елизавета Осиповна расстроилась, но приняла неудачу, как знак свыше.

– Лёня, вот мы не верим в б-га, а он там делает своё дело. Ты же видишь, у Илюши душа к технике не лежит. Так что, заставлять его учиться этому ремеслу? Он способный мальчик с возвышенной душой. Почему бы ему не пойти в Гнесинку? Там экзамены ещё не начались. Он успеет подготовиться, – сказала она, стараясь быть убедительной.

– Я, пожалуй, соглашусь, – поразмыслив, ответил Леонид Семёнович. – Пусть проучится этот год, посмотрим, как у него пойдёт. Если его талант проявится, и его признают, так и быть. А нет, можно ещё раз попробовать в институт.

– Прекрасно. Сынок, а не поучиться тебе на пианиста? – спросила Елизавета Осиповна.

– Не знаю, мама, нужно подумать. Я ведь настроился на другое.

– Нет времени на раздумье, Илюша. Ты ничего не теряешь. Отец правильно всё рассудил. Завтра я свяжусь с моей приятельницей, она опытный педагог. Попрошу её позаниматься с тобой.

В тот же день Илюша поднялся к Саньке.

– Что делать, дружище?

– Слушай родителей, они дело говорят. Можно было бы махнуть в Рязань или Горький, но и туда ты уже не успеваешь, – сказал он. – А военкомат не дремлет и пасёт тебя на длинной верёвочке. Ты же не хочешь загреметь в армию? Знаешь, сколько стоит от неё откупиться? Это очень большие деньги. На них можно «Жигули» купить и не одно.

– Не уверен, что родители наскребут столько денег. Да они и не знают никого, кому нужно дать.

– И прислушайся к себе, Илья. Ведь душа у тебя к музыке лежит. Разве нет? К тому же ты великолепно играешь. Я уверен, тебя возьмут.

– Ты меня убедил. Я соглашусь, пожалуй.

– Вот и молодец.

Санька открыл буфет и налил в рюмки вина, затем отрезал два кусочка шоколадного торта.

– Выпьем за наши успехи. Нам «нечего терять, кроме своих пейс». Хорошо сказал Карла Марла.

– И его закадычный друг Фридрих, – оживился Илюша.

Он вернулся домой и подтвердил своё согласие поступать в институт имени Гнесиных. Мама обрадовалась и развила бурную деятельность. На следующий день она договорилась с Зинаидой Марковной и после обеда они уже ехали в метро на встречу с ней. Милая женщина лет пятидесяти, с которой Елизавета Осиповна лет двадцать назад познакомилась на городском конкурсе учеников музыкальных школ, была известным в Москве педагогом. Она попросила Илюшу что-нибудь исполнить и, когда он заиграл, слушала его с загадочной улыбкой.

– Молодой человек, – сказала она, – у Вас несомненный талант. Если будете много и упорно работать, из Вас может получиться пианист. Мама просила позаниматься с Вами. Я возьмусь.

– Спасибо, Зинаида Марковна.

– Не торопитесь благодарить. С Вас сойдут ручьи пота, но Вы станете человеком. Я очень уважаю Вашу «а идише маме». Но берусь не ради неё.

– Я постараюсь.

– Лизонька, вы хотите приступить завтра?

– Да, Зиночка. У нас не так много времени.

– Тогда, жду Вас, молодой человек, здесь завтра в три часа. А Вы ещё дома что-нибудь поиграйте, чтобы пальчики размять и пролистать всё, что учили в школе.

13

Марк Семёнович Мирский был в Воронеже человеком знаменитым благодаря его популярным публикациям в городской газете, лекциям на тему культуры и истории науки, которые он проводил в обществе «Знание». Известный шестидесятник, доктор философских наук, он принадлежал к плеяде учёных, сделавших имя университету и городу, как крупному научному центру России. Обладая душевной щедростью и добротой, он, не теряя времени, принял энергичное участие в судьбе внучатого племянника и уже к его приезду всё выяснил и договорился с коллегами экономического факультета.

Участник войны, танкист, он был тяжело ранен в бою на Курской дуге. Ранение лишило его возможности иметь детей. Это огорчало его вначале и доставляло душевную боль ему и жене Маре Евсеевне, но увлечённость наукой и преподаванием отвлекали его от навязчивых мыслей о детях. Свою нерастраченную любовь он обратил на студентов, которые уважали его и с большим интересом посещали его лекции.

В день приезда Ромки он с женой ждал его дома к завтраку. Стол в большой гостиной был накрыт белой шелковистой скатертью и уставлен фарфоровыми тарелками и хрустальными фужерами. В центре стола блестела позолотой высокая бутылка шампанского Абрау-Дюрсо. Когда послышался звонок, он сам пошёл открывать дверь, остановив уже поднявшуюся с дивана Мару Евсеевну.

– Доброе утро, Марк Семёнович.

– Ого, Роман, как ты вырос! Я не видел тебя лет десять, наверное. Ну, заходи, – оживлённо заговорил он.

– А куда чемодан поставить?

– Оставь пока в лобби. Потом Мара покажет тебе твою комнату. Будешь жить у нас.

– Но я, если меня примут, буду иметь право на общежитие, – возразил Ромка.

– Я допущу, чтобы мой племянник валялся по общежитиям? – искренне возмутился профессор. – И что значит «если»? Всё будет в порядке. Ты же не дурак, как мне твой папа сказал? Если ты усердно готовился, поступишь обязательно. Здесь тебе не Москва, валить не будут.

– Спасибо, Марк Семёнович.

– Зови меня просто Марком, а жену Марой, – добродушно заявил он. – Мара, знакомься. Это Роман, сын Льва Самойловича, внук моего брата Самуила. Он будет жить с нами.

– Непременно, – подтвердила она, идя навстречу Ромке. – С приездом в наш замечательный город.

Лет пятнадцать назад она познакомилась с Марком в филармонии и не устояла перед его неудержимым напором и блестящим интеллектом. Она рассталась с мужем и ушла к нему. Мара, внучка купца первой гильдии, была в молодости очень красивой женщиной. Бурные романы сороковых-пятидесятых годов пронесли над ней, оставив неизгладимый след в её памяти и душе. Да и теперь, в свои шестьдесят два она оставалась весьма привлекательной особой, прекрасно одевалась, много ходила с мужем пешком по живописным берегам реки Воронеж, и тщательно следила за собой.

Марк Семёнович умело открыл бутылку и разлил шампанское по фужерам.

Мара положила Роману салат Оливье и кусок жареного мяса.

– Говорят, дорога в ад вымощена благими намерениями. Давайте выпьем за то, чтобы наши намерения стали началом прекрасного будущего молодого экономиста Романа Мирского, – произнёс профессор.

– Спасибо, я постараюсь, – сказал Ромка, смущённый тёплым приёмом. – За ваше здоровье и благополучие!

Выпили и он с аппетитом принялся за еду, отвечая на расспросы о родителях и жизни Москве.

– Ты только раз проехал по городу, и Воронежа ещё не видел, начал разговор Марк Семёнович. – Все столичные относятся к другим местам немного свысока. Провинция, мол. Я это понимаю и никого не виню. Поверь мне, через день-два ты будешь чувствовать себя здесь, как рыба в воде.

– А мне он понравился, – не согласился Ромка.

– Хороший ты парень, Роман, – улыбнулся Марк Семёнович. – Я обязательно устрою тебе пару экскурсий на нашей «Волге». Но кое-что могу уже поведать. Крепость Воронеж была заложена в конце шестнадцатого века по велению царя Фёдора Иоановича, сына Ивана Грозного для защиты от набегов крымских татар, вассалов Османской империи. Потом стали строить Белгородскую черту для охраны южных границ Русского государства, а наши донские казаки присягнули Московскому царству и стали ему служить. Ещё до Петра здесь появились верфи, где строили суда для похода на Азов и выхода в Чёрное море. А Пётр основал Воронежское адмиралтейство и здесь создавался впервые в России военно-морской флот. Благодаря ему удалось, наконец, завоевать Азов, выбить оттуда турок и заключить с ними мир.

– Марк, ну, пожалуйста, не утомляй Рому, он и так устал с дороги, – прервала его Мара Евсеевна.

– А мне очень интересно, – ответил Ромка.

– Ну, тогда ещё немного, – согласился профессор. – Благодаря этому Россия повернула штыки против Шведской империи, разбила войска Карла XII под Полтавой, укрепилась на берегах Балтийского моря и построила северную столицу Санкт-Петербург. В восемнадцатом и девятнадцатом веке город стал столицей огромной губернии, рос и развивался. В прошлом

веке открылся Воронежский кадетский корпус. В девятьсот пятом году произошёл еврейский погром. После Февральской революции германские войска захватили Эстонию и сюда перевели Тартуский университет, тогда он назывался Юрьевским, и Воронеж стал крупным научным и культурным центром. В Гражданскую войну через город наступали на Москву войска Деникина, Донской корпус Мамонтова и отряды Шкуро. В сорок втором немцы захватили и разрушили правобережную часть города, но их остановили и на левый берег они не вышли.

– Марик, остановись, «караул устал», – попыталась остановить его Мара Евсеевна.

– Да, Марочка. В Воронеже родился, и работал и творил Андрей Платонов, родился Иван Бунин, пребывал в ссылке три года Осип Мандельштам, где его навещала Анна Ахматова. И ещё несколько фактов. Здесь создан ракетоноситель, который поднял в космос Юрия Гагарина, здесь на авиационном заводе выпускали сверхзвуковые самолёты ТУ144.

Мара взяла нож и постучала о фужер. Раздался мелодичный звон.

– Так, Марк, звонок прозвенел, лекция окончена, – пошутила она. – Давай-ка расскажи о вступительных экзаменах. Это сейчас самое важное.

– Марочка, ты кладёшь разума и порядка. Покажи Роме его комнату, а после этого мы поедем с ним в университет подавать документы.

Комната, куда его завела Мара, как и все комнаты в этом построенном в тридцатых годах доме, была просторной с большим окном, выходящим в поросший деревьями двор, и высокими потолками с лепниной вдоль стен. Старинный платяной шкаф, письменный стол под зелёным сукном с настольной лампой, кресло и деревянная кровать – всё говорило о достатке и рациональности владельцев квартиры. Парчовые занавесы, красиво спадавшие с карниза, завершали убранство комнаты.

– Располагайся здесь и прими душ. Пора отправляться в город.

– Спасибо, Мара Евсеевна.

– Просто Мара, договорились?

– Хорошо.

– Прекрасно, ты славный малый. Мы обязательно поладим.

Она повернулась и вышла, затворив за собой дверь.

14

Санька с Наташей встретились возле её дома. У него было хорошее настроение. Впереди ждала его любимая математика в одном из лучших университетов мира, а потом работа и карьера в научно-исследовательском институте или в ВУЗе. А сегодня рядом с ним была любимая девушка, готовая разделить его судьбу. Вскоре он почувствовал, что с Наташей что-то не в порядке. Она была скованна и молчалива, напряжена и взволнованна, и отвечала невпопад.

– У тебя всё в порядке? – спросил он.

– Нет, – не сразу ответила она. – Сашенька, я беременна.

Он остановился, повернулся к ней и взглянул ей в глаза. В них стояли слёзы. Теперь он не мог сказать ни слова. Он понимал, что Наташа ждёт от него решения. Судьба её и их ребёнка зависела от него, его порядочности и благородства.

– Ты уверена?

– Я сделала тесты, и они подтвердили мои ощущения. Да, у нас будет ребёнок. Ты рад?

– Наташенька, конечно. Я счастлив. У меня будет ребёнок, похожий на тебя. А значит, красивый и умный...

– Как ты, – перехватила она его слова.

Из её глаз лились слёзы, но это были слёзы счастья. Напряжение оставило её, она задышала свободно и к ней вернулись её обычная весёлость и спокойствие.

– Я люблю тебя, ты моя прелестная мамочка. Мы поженимся, и будем жить вместе, и воспитывать нашего ребёнка. А кто он?

– Не знаю, мне ещё ничего не сказали. Наверное, ещё рано.

– Собственно, какая разница? Главное, он от тебя, – сказал Санька. – Через месяц нужно будет подать заявление в ЗАГС.

– Конечно, любимый, – ответила Наташа. – Представь себе меня с большим животом в свадебном платье. А какой скандал в благородном обществе. Да, стоит подать заявление побыстрее. Мама уже всё знает, а теперь и папе можно будет рассказать.

– А я сегодня своим скажу. Нет, сделаем иначе: мы пойдём ко мне вместе, я познакомлю тебя с моими родителями...

– Они, между прочим, знают меня. Они видели нас в прошлое воскресенье на улице. Ты был так увлечён, что не заметил их.

– А они мне ничего не сказали, – удивился Санька.

– Наверное, решили не говорить об этом до поры до времени.

– Ладно, буду делать вид, что они только сейчас о тебе узнали. Уверен, что ты им понравилась.

– Но я русская. Не знаю, как они ко мне отнесутся, – усомнилась она.

– Да брось, мои родители – современные цивилизованные люди без национальных предрассудков.

– Тогда всё в порядке, дорогой. Ты лучший человек, которого я видела в моей жизни.

Они договорились встретиться завтра, в субботу, и пойти к нему домой. Он проводил Наташу, и, размышляя о происшедшем, пошёл домой. По дороге он решил прежде поговорить с мамой. Инна Сергеевна приходила домой всегда раньше отца, часто задерживающегося на работе допоздна.

– Мама, хочу поговорить с тобой о деле очень важном для меня.

– Говори, сынок. Что за дело?

Инна Сергеевна выглядела лет на десять моложе своих лет. Красота её получила какое-то мистическое завершение и на работе мужчины не давали ей прохода. Но любовь к мужу была сильна и возвышенна, и она деликатно отвергала все предложения и соблазны, от которых иная женщина на её месте вряд ли бы устояла. Сын был похож на неё, и она обожала его, её чудесную копию и продолжение лучшего, что было в ней. Санька, конечно, рассчитывал на это, желая вначале всё обсудить с ней.

– Мама, я люблю девушку из нашей школы и хочу на ней жениться.

– Мы с отцом недавно видели тебя с ней. Она прекрасна. Любовь вообще превращает мужика в человека. Ты изменился, стал каким-то одухотворённым. Есть только одно «но». Мне кажется, нужно прежде получить образование, а потом жениться. Она никуда не денется, если любит.

– Всё что ты говоришь, правильно, мама. Но она беременна и у нас будет ребёнок.

Инна Сергеевна замолчала, и ему даже показалось, что слышит, как бродят мысли в её голове.

– Ты замечательный человек, сынок. Так в таком положении поступают только особенные люди. А где вы будете жить? Кто будет зарабатывать? Ты же студент?

– Об этом мы с ней ещё не говорили, – задумался Санька.

– Ещё один нелишний вопрос: она русская?

– Да, но какое это имеет значение в нашей стране. Она из благороднейшей профессорской семьи. У них много друзей-евреев. Если бы ты только слышала, что она о нас говорит.

– Хорошо, пригласи её завтра к нам. Мы всё обсудим. Отца я подготовлю.

– Спасибо, мамочка. Я тебя люблю.

Он подошёл к телефону и набрал её номер.

– Наташа, это Саня. Как ты себя чувствуешь? – взволнованно заговорил он.

– Хорошо. А что случилось?

– Мои родители хотят с тобой познакомиться.

– Я так волновалась. Не знала, как они отнесутся ко мне.

– Всё прекрасно. У меня клёвые родители.

Они договорились встретиться у неё дома в шесть часов вечера.

На следующий день он по дороге к ней купил в магазине «Цветы» букет хризантем. Солнце на чистом небе светило ярко, птицы дружно пели в пышных зелёных кронах деревьев, ещё не собираясь в стаи, чтобы улететь на благословенный юг. Душа его была полна нежности к ней и их будущему ребёнку.

Наташа открыла дверь и кинулась ему на шею.

– Я рассказала маме и отцу и они решили, что ты будешь жить у меня. У нас квартира большая. Мы будем грызть гранит наук, а бабушка – воспитывать нашего ребёнка. Я уже обо всём договорилась.

Её глаза сияли от счастья и душевного покоя, который вернулся к ней после разговора с Саней. По пути к нему домой они несколько раз останавливались и целовались и прохожие оглядывались, любуясь красивой влюблённой парой.

Наум Маркович сначала принял известие о женитьбе сына с недовольством, но Инне Сергеевне удалось убедить его и, когда Наташа и Санька пришли, он, искренне улыбаясь, пожал ей руку.

– Вы очень красивая девушка, Наташа, – сказал он. – Надеюсь, Вы с моим сыном будете счастливы.

Они сидели за столом в гостиной, пили коньяк и ели салат и фаршированную рыбу, мастерски приготовленную хозяйкой. Потом пили чай с купленным в кондитерской тортом и говорили о множестве проблем, которые возникали в связи с предстоящей свадьбой и рождением ребёнка.

15

Через неделю они подали заявление. Татьяна Андреевна, мать Наташи, обзвонив друзей и подруг, вышла на человека, знакомого с заведующей районного ЗАГС а. Та назначила ей встречу в конторе в среду днём и она, взяв на работе половину отгула, в назначенный час сидела в кабинете заведующей. Марина Николаевна оказалась милой женщиной, и они быстро нашли общий язык.

– Моя дочь с женихом недавно были у Вас. Видите ли, они попали в весьма пикантную ситуацию. Так у молодых неопытных бывает, когда от любви теряют голову. Они ждут ребёнка.

– Я Вас, Татьяна Андреевна, очень хорошо понимаю, – улыбнулась Марина Николаевна. – Молодо-зелено.

– Вы правильно делаете, что устанавливаете срок три месяца до регистрации брака. Жених и невеста должны проверить ещё раз свои чувства, подготовиться к свадьбе. Я знаю, сколько проблем нужно решить, чтобы всё организовать. Но в нашем случае это слишком большой срок. Моя дочь беременна и скоро это будет видно всем. Я Вас очень прошу расписать их не позже, чем через месяц. Понимаете, дети любят друг друга уже много лет, и им нет никаких причин снова проверять свои чувства. А что касается свадьбы, это не вопрос.

– Я постараюсь подвинуть им очередь. Вы знаете, в сентябре – октябре всегда много свадеб.

– Очень Вам благодарна, Марина Николаевна. Вы славная женщина. Не откажите принять от меня скромный подарок.

Она наклонилась, вынула из сумки большую коробку шоколадных конфет, и протянула её над столом.

– Это лишнее, Татьяна Андреевна.

– Ну, пожалуйста, от всего сердца, дорогая.

– Ну, хорошо, мои дети любят шоколад.

– Вот и прекрасно.

- Я позвоню Вам и сообщу, когда состоится бракосочетание.
- Огромное спасибо.

Татьяна Андреевна вышла на улицу и, увидев будку телефона-автомата, направилась к ней.

- Наташенька, всё в порядке. Заведующая поставит вас на очередь и сообщит мне.
- Мамочка, я тебя люблю, – обрадовалась она.
- Ради счастья единственной дочери я всё сделаю. Я заскочу в гастроном, а оттуда домой.

Начались занятия в университете и в медицинском институте, и они стали видаться реже. Позвонила заведующая ЗАГС ом, и они принялись готовиться к свадьбе. В ателье заказали свадебное платье, ей купили белые туфли на высоких каблуках, а Саньке – синий шерстяной костюм, голубую рубашку и красивый галстук. Отец Наташи, главный инженер Главка, договорился с директором ресторана «Арбат» на Проспекте Калинина.

Вечером они составляли список приглашённых и безудержно целовались, когда её мама выходила из комнаты.

Наташа возвращалась из ателье после примерки. В Москве воцарилось бабье лето, гоняя по улицам, бульварам и скверам жёлтые и оранжевые листья. Платье было почти готово, и она весело шла по тротуару, улыбаясь прохожим, идущим ей навстречу. Она, не замечая движения автомобилей, ступила на пешеходный переход и сделала несколько шагов. В последнее мгновение Наташа увидела автобус, со пронзительным скрежетом тормозов несущийся на неё, и почувствовала сильный удар и нестерпимую боль.

Какой-то мужчина побежал вызвать скорую помощь, подъехала милицейская машина. Но было поздно. Её окровавленное тело лежало на асфальте без признаков жизни. Примчалась скорая и врач констатировал смерть. Санитары положили Наташу на носилки и накрыли белой простынёй. Машина скорой помощи увезла её в больницу, а милиция ещё долго оставалась на месте происшествия, опрашивая свидетелей, фотографируя, делая замеры и составляя протокол.

Мама ждала её дома и, когда стало уже темно, набрала номер Саши.

- Наташа случайно не у тебя?
- Нет, Татьяна Андреевна, она обещала мне позвонить после примерки, но не позвонила.
- Я очень волнуюсь, на неё это не похоже. Она очень ответственная дочь и всегда сообщает о себе.

– Вы не волнуйтесь, Наташа скоро придёт. Я сейчас зайду к вам.

Отец вернулся с работы поздно и сразу же позвонил в городской отдел милиции.

– Капитан Тихонов слушает, – раздался в трубке зычный мужской голос.

– Здравствуйте, я разыскиваю свою дочь Наталью Тимофееву.

– Сейчас проверю по спискам. Так, так, в списках нет, но есть одна девушка, личность которой не установлена. Её сбил автобус, когда она переходила улицу Крымский вал на красный свет. Я Вам продиктую сейчас номер телефона, позвоните туда.

Иван Дмитриевич записал его на бумаге.

– Городская больница слушает.

– А с кем я говорю? – спросил он.

– А что Вам нужно.

– Я разыскиваю мою дочь. В милиции мне сказали, что она у вас.

– Минуточку, – сказал голос, и Иван Дмитриевич почувствовал с другой стороны некоторое замешательство. – У вас есть машина? Знаете что, лучше возьмите такси и приезжайте сюда на улицу Доватора 15. Мы Вас ждём.

В телефонной трубке раздалась гудки. Он позвонил в таксомоторный парк и заказал такси, предчувствуя беду.

– Таня, не волнуйся. Возможно, Наташа в больнице. Есть адрес, собирайся.

– Я с вами, – сказал Санька, поднимаясь с кресла.

Ехали молча, напряжённо ища в затуманенном сознании объяснения происходящему и не находя ответа. Через минут сорок вышли из такси. Мужчина в халате ждал их возле ворот.

– Это вы звонили? – спросил он.

– Да, – ответил Иван Дмитриевич. – А кто вы?

– Я психолог. Успокойтесь и идите за мной.

Все трое двинулись за мужчиной, энергично шагавшим впереди. Тот свернул направо и вскоре они вступили в длинный полутёмный коридор.

У двери с надписью «Морг» остановились, и человек в голубом халате обратился к ним:

– Сегодня днём в больницу привезли девушку. К сожалению, она была мертва, и её доставили к нам в отделение. Я хочу, чтобы Вы, он обратился к Ивану Дмитриевичу, пошли со мной.

– А мне можно? – спросил Саня, скованный тисками страха.

– А вы кто?

– Я её жених.

– Нет, можно только членам семьи. Оставайтесь здесь с женщиной, – жёстко сказал психолог.

В это время в комнату вошёл ещё один человек в голубом халате и присел на стул возле Татьяны Андреевны. В середине соседней комнаты на высоком лежаке Иван Дмитриевич увидел лежащее под белой простынёй тело и с трудом удержал себя в руках. Они подошли к изголовью, и мужчина приподнял край простыни.

– Это Ваша дочь? – спросил он и сразу же, не дождавшись ответа, понял всё.

Отец зарыдал, стараясь не повышать голос, чтобы находящаяся за дверью жена не услышала. Потом вытер слёзы платком и посмотрел на психолога.

– Да, она.

Тот подошёл к нему и обнял его за плечи.

– Вам не нужна наша помощь? – спросил он.

– Нет. А вот жене нужно.

– Мы о ней уже позаботились. И ей не следует заходить сюда. Вас отвезут прямо домой.

16

Многочасовые занятия Ильи с Зинаидой Марковной принесли плоды. Он вспомнил и повторил программу музыкальной школы, умело читал с листа и мог дать объяснения по характеру произведения, к нему вернулась техника, которой он прежде отличался. На экзаменах Илья так хорошо сыграл Шуберта и Бетховена, что профессор, председатель приёмной комиссии зааплодировал и, добросердечно улыбаясь, подошёл и обнял его.

– Просто именины души. Молодой человек, если не зазнаетесь, Вас ждёт блестящее будущее.

Решение комиссии было единогласным, и Илья был зачислен в Гнесинку.

Мама была счастлива и принялась хорошо его кормить. Она прекрасно знала по себе, сколько сил потребует от него учёба в институте.

Но вскоре в семье Вайсман произошли большие неприятности. Старший сын Виктор подружился с ребятами, которые в подпольном кружке учили иврит и знакомились с еврейскими традициями. В Судный день, пришедшийся в этот год на конец сентября, он с друзьями пришёл в Хоральную синагогу, расположенную на улице, названной в честь художника-передвижника Абрама Ефимовича Архипова. Но в те времена КГБ не оставляла своим вниманием места встреч московских евреев. Секретные агенты активно внедрялись в общины и сведения от них поступали в особый отдел на Лубянке. Виктор тоже попал в поле зрения, и уже на следующий день сообщение о нём оказалось в первом отделе МИИТ. Его вызвали в ректорат и сообщили о том, что принято решение исключить его из института за сионистскую пропаганду. Не помогло ни заступничество профессора математики Мельмана, ни просьба декана Сомова

оставить его, как отличного студента, которому оставалось учиться всего один год. Леонид Семёнович после недолгих размышлений пошёл на приём к директору завода с просьбой принять сына на работу. Воронов уважал толкового и умелого главного энергетика, и заявление подписал, и Виктора зачислили техником в бригаду электриков.

Яна поступила в Строительный институт и начала изучать архитектуру. Илья по вечерам после занятий иногда заходил к ней домой, и мама её, расспросив о делах, оставляла его с ней наедине.

– Поздравляю, Яна. Я был уверен, что ты поступишь, – заявил он.

– Не будь наивным, Илюша. Если бы не отец, мыла бы полы в больнице. Он несколько лет назад удалил опухоль проректору моего института. Ну, тот оказался неплохим дядькой и помог.

– Но ты ведь здорово рисуешь, у тебя талант. Иначе тебя бы не приняли на архитектуру, – не унимался Илья. – Твой автопортрет, который ты подарила мне на день рождения, висит на стене в моей комнате.

– Да, я знаю, – угомонила Яна. – Ты тоже молодец. Говорила же я тебе, что в жизни нужно заниматься тем, к чему лежит душа.

– «За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха? За то, что хвалит он кукушку», – процитировал Илья басню Крылова.

Они засмеялись, и он коснулся её лица своими сухими губами. Она внимательно посмотрела на него и вздохнула.

– Жаль, такой парень пропадает зря, – лукаво произнесла Яна. – У нас на даче в этом году хорошие яблоки и груши созрели. А крыжовник – объеденье. Давай поедим на субботу и воскресенье. Ты мне поможешь.

– Конечно, помогу, – ответил он и, обняв её и страстно целуя, повалил на диван.

– Я люблю тебя, Яночка.

– Я тоже люблю тебя, Илья.

– Мне Санька прислал приглашение на свадьбу.

– А мне Наташка. И куда они торопятся?

– Наверное, есть причина. Не только сумасшедшая любовь, – усмехнулся Илюша.

– Я, кажется, начинаю соображать, – улыбнулась Яна. – Нам за ними уже не угнаться.

17

Известие о гибели Наташи стремительно облетело Замоскворечье и уже на следующее утро к дому, где жили Тимофеевы, стали стекаться люди. Илье сообщила об этом Яна, с которой она училась в одном классе. Илюша, увидев во дворе Саньку, окликнул его и стремглав спустился к нему. Ребята обнялись.

– Дружище, я в шоке. Такое не должно было случиться. Прими от меня самые искренние соболезнования.

– Спасибо, Илья. Я всю ночь пробыл у них. Мать и бабушка её рыдают. Мне пришлось их утешать. Вот забежал на пару часов поспать и поесть что-нибудь. Опять иду к ним. Наташку привезут в одиннадцать.

– Когда похороны?

– Пока не знаю. Заместитель Ивана Дмитриевича с утра должен договариваться с кладбищем. Настроение моё ниже плинтуса.

– Я вижу, Тебе очень трудно, Саня. Роме позвонить?

– Честно говоря, не знаю. Пусть учится. Приедет на каникулы, пойдём с ним на могилу.

Но через день поездом примчался Ромка. Ему позвонила Катя, и он сорвался с лекций на два дня. Друзья обнялись и вечером долго сидели на кухне у Саньки, говорили о жизни, пили «Московскую» водку, закусывая её селёдкой и сваренной Еленой Моисеевной картошкой.

– Вчера умер Брежнев. Отовсюду только музыка Чайковского и доносится, – заметил Илюша.

– Может быть, что-то изменится к лучшему? – спросил с наивной надеждой Ромка.

– Для евреев ничего не изменится. Разве там есть другие люди? – решительно заявил Илюша. – Ты держись, Санька.

– Когда я думаю, всё ли сделал правильно, я не нахожу со своей стороны никакого греха, – грустно произнёс тот. – За что нас с Наташей так судьба покарала?

– Я не знаю, есть ли бог. Витя верит, что есть. Если так, то всё в мире происходит по его воле. Наташа была изумительным созданием. Но может быть он не желал этого союза, – сказал Илюша.

– Мы, друзья, избранный народ и, наверное, поэтому он строго наказывает нас за отступничество от нашего предназначения, – философствовал Ромка.

– Пусть ей земля будет пухом, – произнёс Санька.

Похороны были назначены на пятницу. Наташа, невыразимо прекрасная, лежала в деревянном обитом чёрной тканью гробу, установленном на столе в гостиной. На ней было белое свадебное платье и фата, их попросила одеть мама. Рядом на стулья в чёрных платьях сидела бабушка и Татьяна Андреевна. У неё уже не было слёз, и на лице, почерневшем от горя, застыла неизъяснимая печать страдания. Отец находился в своём кабинете с приехавшим час назад распорядителем похорон. Непрерывной цепочкой в комнату входили школьные друзья и учителя, студенты медицинского института, приятели и знакомые родителей. На зеркала на стенах и шкафу по старинному русскому обычаю были наброшены покрывала. Большой портрет с чёрной полоской наискосок стоял на горке напротив гроба.

– Вынос через час, – заявил вышедший из кабинета распорядитель. – Автобусы скоро подойдут. Будьте готовы.

Кавалькада автобусов и автомобилей медленно выехала со двора, заполненного множеством людей, и начала свой путь по улицам Москвы. Через минут сорок она въехала в ворота кладбища и двинулась по узкой асфальтированной дороге. Возле свежевырытой могилы автобус похоронного бюро остановился, и четверо мужчин вынесли гроб и поставили его на два табурета. Когда появился гробовщик с молотком, мать и бабушка зарыдали в голос и лишились чувств. Врач, знакомый отца, открыл флакон и дал им понюхать смоченный нашатырным спиртом кусочек ваты.

Когда гроб опускали в яму, Санька не сдержался и заплакал. Он и сам не ожидал, что такое с ним может произойти. Она и их ребёнок уходили в другой мир, оставляя его на Земле одного со жгучей любовью, которая жила и росла в его юном теле, и зияющей пустотой в душе.

Глава 3

1

В марте восемьдесят пятого года после смерти Константина Черненко Генеральным секретарём становится молодой и энергичный Михаил Горбачёв. Компетентные люди говорили, что его кандидатуру поддержал Андрей Андреевич Громыко. Ментором, способствовавшим переводу его из Ставрополя в Москву, был Юрий Андропов. Членом Политбюро ЦК он стал в восьмидесятом, через два года после встречи в Минеральных Водах с Брежневым, Устиновым и Андроповым, который в то время лечился там. Похоже, руководству страны стало ясно – Кремль превратился в дом престарелых, что, несомненно, вредило имиджу партии в глазах народа. Да и стремление в верхах к обновлению партии и страны становилось очевидным в период экономического кризиса и застоя.

Ожидание перемен, на которое указывал барометр подспудного общественного мнения, вскоре подтвердилось новыми инициативами генсека. Была провозглашена политика ускорения, и народ ждал повышения уровня жизни и благосостояния. Но, как сказал английский [богослов](#) XVII столетия Джордж Герберт, «the road to hell is paved with good intentions» («дорога

в ад выложена благими намерениями»). Кампания привела к падению производства. С магазинных полок исчезли товары, и возникший дефицит стремилось восполнить возникшее, как грибы после дождя, кооперативное движение, с которым в первое время милиция и прокуратура боролись не слишком успешно. А потом началась антиалкогольная кампания, инициированная соратниками Горбачёва. Цены на алкогольные напитки резко повысились, сократилось их производство, на юге страны вырубались виноградники, в магазинах не стало сахара – наилучшего сырья для самогонирования, и появились гигантские очереди везде, где продавали вино и водку. И то, что в результате в стране снизилась преступность и смертность, расцветавшие на почве алкоголизма, не помогло – власть кампанию отменила и признала ошибочной. Кооперативы побудили партийное руководство задуматься о перестройке и переходе к свободному рынку, хозрасчёту и самоокупаемости.

Отношения между главами государств Рейганом и Горбачёвым, замороженные после ввода Советских войск в Афганистан, установились, и по стране поползли слухи об открытии границ и возобновлении эмиграции. Находившиеся долгие годы в отказе приободрились, ожидая новостей из ОВИРОВ и Министерства иностранных дел, а миллионы прочих евреев работали, растили детей и выживали, преодолевая трудности, как все люди, не строя планов о лучшей жизни в США, Канаде, Австралии или Израиле.

А 26-го апреля восемьдесят шестого года произошла авария на четвёртом энергоблоке Чернобыльской атомной электростанции. При проведении эксперимента реактор вышел из-под контроля и взорвался. В атмосферу были выброшены десятки тонн радионуклидов. Несомые ветром, они осели на огромных территориях Украины, Беларуси и России, в центральной и северной Европе, создавая смертельную опасность для людей. На следующий день эвакуировали население города Припять и жителей многих сёл и деревень. Краткое сообщение об аварии ТАСС передало только вечером двадцать восьмого апреля.

На следующий день в квартире Льва Самойловича раздался телефонный звонок. Обычно он приходил с работы поздно. Ему, главному инженеру, приходилось задерживаться по вечерам, чтобы лучше ознакомиться с ситуацией на объектах и просмотреть документацию к проектам, которые предстояло возводить строительно-монтажному управлению. Но сегодня он, движимый каким-то неясным предчувствием, пришёл домой пораньше. Вера уже была дома. По дороге с работы она зашла в Гастроном и забрала Андрюшу из детского сада.

– Верочка, меня беспокоит вчерашнее заявление ТАСС, – сказал он, целуя жену. – Я немного знаком с руководящими органами. Они никогда не говорят всю правду. Мне кажется, там произошло что-то очень неприятное.

– Лёва, давай-ка вначале я тебя накормлю, – попыталась успокоить его Вера. – Даже если так, это очень далеко от нас.

– У меня, дорогая, в Киеве двоюродный брат с семьёй.

В этот момент и зазвонил телефон. Лев Самойлович взял трубку.

– Слушаю.

– Привет, Лёва. Это Изя, – услышал он чуть взволнованный голос.

– Здравствуй, дружище. Вот чудеса: мы с Верой сейчас как раз о тебе говорили.

– Чудеса, Лёва, у нас только начинаются.

– Информации об аварии никакой. Расскажи, что происходит.

– У меня знакомый в институте ядерных исследований. Наши дети дружат. Он сказал, что ядерный реактор искорежен, его многотонная крышка сорвана. Сразу же начался пожар. Кровля реакторного зала была покрыта битумом, который прекрасно горел. По проекту она должна быть из негорючих материалов. Чтобы огонь не перекинулся дальше и не уничтожил третий блок, пригнали сотни пожарных.

– Изя, что случилось с реактором? Почему он взорвался?

– Хотели использовать режим выбега электрогенератора для питания системы собственных нужд электростанции. Для эксперимента выключили защиты реактора, отключили подачу воды, которая служила как для охлаждения, так и для замедления ядерной реакции. Реакторы этого типа очень неустойчивы и вместо снижения выработки энергии он пошёл в разнос. Разрушения вызвал поток пара, выбросивший из шахты значительную часть графита и топлива. Изотопы йода, цезия, стронция и прочей нечисти из таблицы Менделеева унесло ветром на тысячи километров.

– А Киев?

– Б-г милует, пока ветер на север, северо-запад и запад. Киев же к югу, где-то сто-сто десять километров. Но ветер может перемениться. Кстати, город поливают сверху донизу, и дороги, и фасады домов. Я никогда не видел его таким чистым. Да, так этот парень собирается эвакуировать из города свою семью. И мне советует.

– Тебе есть куда вывезти детей? Если нужна моя помощь...

– В том-то и дело, что я ещё не нашёл. Жену на пару недель пошлю с ними. Ты не возражаешь?

– Не возражаю. Присылай мне всех. Потом прикинем, что делать дальше.

– Спасибо, брат. Я позвоню, когда достану билеты. Сейчас это большая проблема. Я слышал, что и руководство Украины своих детей вывозит. Значит, количество отъезжающих будет расти, как снежный ком.

– А тебе зачем там торчать? Бери отпуск и уезжай.

– Не могу. Меня, как инженера-строителя, мобилизуют для работы в зоне. Это территория радиусом тридцать километров.

– Откажись.

– Я попытался и мне сказали: за дезертирство – партбилет на стол и увольнение с работы. Успокоили тем, что каждому дадут счётчик радиоактивного облучения. Мол, если доза достигнет максимально допустимой, высылают из зоны.

– Ты в это веришь?

– А что мне остаётся делать.

– Надеюсь, всё обойдётся, – попытался ободрить его Лев.

– Ну, ладно, пока, – сказал Изя и в трубке раздались гудки.

Лев молча постоял возле тумбочки, потом, повернувшись к жене, произнёс:

– Верочка, месяца на два нам придётся потесниться. В первое время будет трое, потом Юля, наверное, вернётся. Останутся двое детей. Ситуация тяжёлая, нужно помочь.

– Лёва, в тесноте да не в обиде. Я не возражаю.

– Ты самая лучшая женщина на свете.

Он подошёл к ней, посмотрел ей в глаза и поцеловал в губы. Она взяла его за руку и повела в кухню, где на столе уже был накрыт ужин на троих. Андрюша пошёл вслед за ними и взгромоздился на свой стул.

– Ешь, Лёва. Скоро тебе потребуется много сил, – сказала она.

2

В мае Москва, сбросив с себя заморозки, холодные дожди, ветры и гололёд ранней весны, преобразилась, как юная невеста, нарядившись новым зелёным убором своих парков, скверов и бульварного кольца. Дожди ещё порой смывали прохожих с многолюдных улиц, но небо потом очищалось от облаков, уступая умеренному жару светила, тепло всё решительней заявляло о своих правах и мириады птиц заселили торжествующие кроны деревьев. Столица старалась не думать о том, что где-то там, в Чернобыле, идёт круглосуточное сражение с коварным монстром, выпущенным в двадцатом веке из бессердечного и равнодушного к человечеству сосуда научно-технического прогресса и пожирающим каждый день свои жаждущие жизни, тепловкровные жертвы.

Каждый год в это время Наум Маркович Абрамов справлял дома день рождения, созывая друзей и приятелей. Он всё покупал, а Инна Сергеевна готовила на кухне и убирала в квартире. В этом году Наум обратил внимание, что купить что-нибудь в магазинах стало трудней и ему пришлось хорошенько побегать по городу, чтобы достать продукты.

– Инночка, я почти всё купил, но это было непросто, – сказал Наум, вернувшись поздно вечером и выкладывая из сумки сервелат, голландский сыр, баночки шпрот, печени трески, осетровой и кетовой икры. – Пришлось поехать даже в центр на улицу Горького и просить директора гастронома. Тот оказался неплохим человеком.

– Не знала, что ты такой делец.

– Кажется, теперь, чтобы выжить, нужно им стать. Проныра – герой нашего времени. А где Саша?

– Он у себя, работает над курсовым проектом. Светлая у него голова, Нёма.

– Так ты посмотри, какие у него предки.

– Ты себя имеешь в виду?

– А деды и бабы у него какие! Интеллект в основном зависит от генов.

На следующий день вечером в квартиру стали стекаться гости. Стол в гостиной был заставлен салатами и закусками, а в центре его возвышалась бутылка армянского коньяка. В то время некоторые острословы сформулировали парадокс советской действительности: в гастрономах ничего нет, а холодильники ломаются от деликатесов, в магазинах одежды нечего купить, а люди хорошо и модно одеты.

Пришли Леонид Семёнович и Елизавета Осиповна, родители Ильи, потом

Лев Самойлович с Верой и коллега и друг Наума главный инженер проекта Семён Гликман с женой. Сели за стол, хозяин открыл бутылку шампанского и разлил его по хрустальным бокалам.

– Дорогие друзья, – поднялся словоохотливый Гликман. – Науму исполнилось пятьдесят. Я где-то читал, что Господь заповедовал евреям жить до ста двадцати. Значит, он не прожил и половину. Расскажу анекдот. Жена обращается к мужу: «Сёма, шо ты делаешь? – Я тянусь к звёздам! – Но ты тянешься к полке с коньяком. – Розочка, я так и сказал!» Я хорошо знаю юбиляра. Он тянется к настоящим звёздам. За тебя, дорогой!

Тост вызвал оживление и смех женщин и руки с бокалами потянулись к середине стола. Раздался мелодичный звон. Выпили и принялись наполнять тарелки едой и закусывать.

– А у меня есть весьма актуальный анекдот, – произнёс Леонид Семёнович. – «Рабинович подал на выезд. В ОВИРе ему говорят: – Яков Самуилович, ну теперь-то зачем уезжать? У нас, слава богу, демократия, можете спать спокойно. – Спасибо, я уже выпался. Теперь я хочу кушать!»

– Да, круто, – усмехнулся Наум. – Вчера с отчаяния что-нибудь достать к столу я познакомился с директором Первого гастронома. Своей шкурой почувствовал, что не порядок в нашем королевстве. К власти в партии пришли новые люди, которые поняли, что если не они осуществят переворот, то это сделает народ.

– О чём ты, Наум, говоришь, – прервал его Леонид. – Народа-то уже нет. Три миллиона, мозг и совесть страны, эмигрировали после революции, семь миллионов уничтожила Гражданская война, потом голодомор, индустриализация и коллективизация, террор тридцать седьмого года. Великая Отечественная унесла миллионов тридцать, архипелаг Гулаг. После войны борьба с космополитами, так изощрённо называли евреев, Еврейский антифашистский комитет, подготовка к депортации всех нас, во времена Брежнева принудительное лечение в психушке тех, кто ещё был в состоянии бороться.

– Как говорил царь Соломон, все вы правы, – подключился к разговору Лев Самойлович. – Но нам деваться-то некуда. Холодная война продолжается. Границы закрыты. Приходится выживать. Страна обнищала из-за гонки вооружений и неэффективного руководства.

Горбачёв провозгласил политику ускорения. Но, как в старом еврейском анекдоте, «когда денег нет, коммунизм не строят». Да ему просто не везёт. Чернобыльская авария, как чёрная дыра, всасывает все ресурсы и деньги страны. У нас сейчас спасается семья моего двоюродного брата из Киева. От того, что Юля, его жена, рассказывает, волосы дыбом.

– Я обратил внимание на место, где всё произошло, – перехватил инициативу Леонид. – Чернобыль находится на границе между Украиной, Белоруссией и Россией. Это центр огромной территории, где раньше жили евреи, черты оседлости. Они и сейчас там проживают. Теперь представьте, что они осознают опасность и рванут оттуда. А угроза распространяется не только по воздуху, но и по реке. Днепр заражён радиацией и воду из него все пьют.

– А куда нам бежать, когда никакой эмиграции нет, – возразил Наум.

– Пока нет, – подтвердил Леонид. – Но Горбачёв уже встречается с Рейганом, предлагает сокращение стратегических наступательных вооружений. Ему это крайне необходимо. В стране нет денег на реформы. Не хочу быть пророком, но это приведёт к улучшению отношений с Соединёнными Штатами и открытию границ, как условию снятия всяких экономических санкций.

– Глубоко копнул, – заметил Лев Самойлович.

– Друзья, ну что мы о грустном, – прервал его рассуждения Семён. – Тут у нас такой роскошный напиток. – Он поднялся и разлил коньяк по рюмкам. – Тянуться-то нам нужно к прекрасному. Давайте выпьем за наших прекрасных дам.

Напряжение, вызванное невесёлой темой разговора, разрядилось. Женщины заулыбались и охотно выпили вместе с мужчинами.

3

Рома с отличием защитил проект, посвящённый повышению рентабельности строительной компании, и, попрощавшись с Марком Семёновичем и его милой женой Марой Евсеевной, вернулся в Москву. Профессор предлагал ему остаться в Воронеже и делать карьеру вдали от столиц. Старики очень привязались к Ромке, относились к нему, как к сыну, и даже строили планы женить его на дочери профессора Винера. Но девушка была настолько же умна, насколько некрасива. Она бесконечно проигрывала в сравнении с Катей, которая, не дождав-шись Рому, ответила согласием на предложение молодого и неженатого кандидата физико-математических наук Симкина и вышла замуж. На свадьбу он не был приглашён и узнал о ней через месяц от Саньки, с которым иногда созванивался. Как ни пытался он выбросить из головы Катю, пустившись с Милой во все тяжкие, забыть её он не смог. Несколько раз он даже переспал с девушкой, но она чувствовала, что думает Рома не о ней и однажды поставила его в тупик очень знакомым всем вопросом:

– Рома, ты меня любишь?

Он был парнем порядочным, и обманывать её не стал. Они расстались, и Мила, крепко влюбившись в него, от разрыва отношений в первое время очень страдала. Этот облом в значительной степени подтолкнул Ромку принять решение и покинуть Воронеж, где он провёл очень приятные и плодотворные четыре года своей жизни. Но, как говорится, дело молодое, и пришлось старикам с этим смириться и с нескрываемым сожалением отпустить внучатого племянника в Москву. Они проводили его на вокзал, он искренне благодарил их за отеческую опеку и материнскую заботу, а, когда вагон тронулся, долго понуро стояли на перроне, пока поезд не скрылся за пакгаузом.

Никто его на Павелецком вокзале не встречал, да он и не просил. Перед отъездом он, конечно, позвонил маме. Отцу звонить не стал, чтобы избежать наставлений, советов и утверждений, что на периферии ему будет легче стать на ноги.

Когда Ромка открыл дверь, Елена Моисеевна была уже дома и ждала его, накрыв в кухне стол на троих – должен был прийти с работы её второй муж. Ромка уважал Духина за дружеское участие и доброту, за то, что он никогда не навязывал ему своего мнения.

Есть в еврейском народе особая черта, выражающаяся в отношении к детям. Благословение и предназначение человека – дать жизнь детям, «вырастить, воспитать и умудрить» их, и жертвенно покровительствовать им, пока те не станут на ноги, и не создадут свои семьи и не приведут в этот мир «сыновей и дочерей праведных... во все дни их». Любовь к детям способствовала выживанию народа, прошедшего времена истребления, изгнания и погромов, адские муки катастрофы Второй Мировой войны. Она проникла в плоть и кровь еврейских отцов и матерей, за сто – сто пятьдесят поколений стала органичной частью их ДНК.

Это качество оказалось свойственно Михаилу Семёновичу в высокой степени и лишено какого-либо расчёта. Он, как отчим, понимал двойственность своего положения, но на подсознательном уровне, любя и уважая Елену Моисеевну, был фактическим отцом Ромки. Поэтому, придя домой, он крепко и искренне приветствовал его.

– Скажи, сынок, ты проходил распределение после защиты? – спросил он, когда они уже сели за стол и с аппетитом ели жареную рыбу с картошкой.

– Да, я получил неплохое место на одном из воронежских заводов, – ответил Ромка. – Но я пришёл туда перед отъездом, объяснил, что я в городе один, родители в Москве, женщина ждёт меня и мы должны пожениться. Не знаю, поверили ли они мне или нет, но, похоже, не были в восторге оттого, что я еврей, и держать не стали.

– Я обратился несколько дней назад в отдел кадров моего института, – сказал Духин. – Они посоветовали искать работу в сфере производства и строительства, а главный инженер, приличный мужик, сказал принести ему твои документы и он подумает, что можно сделать.

– Рома сделал, между прочим, отличный проект, который может заинтересовать Льва. Я ему позвоню, хотя думаю, он уже задумался о трудоустройстве сына, – резонно заметила Елена. – Он хороший отец, у меня к нему нет претензий.

– Пожалуй, я с ним сам свяжусь, потом отдохну пару дней, и мы встретимся, – заявил Ромка.

Он поднялся из-за стола и направился в гостиную, где стоял телефон.

– Здравствуй, папа.

– Ромка, ты откуда звонишь? – услышал он голос отца.

– Из дома. Сегодня приехал.

– А почему мне не сказал перед отъездом?

– Не хотел расстраивать. Не сложилось у меня там, папа. От завода, куда меня распределили, я открепился. Город хороший, но с Москвой не сравнить.

– Ладно, разбитый сосуд не склеишь. Отдохни недельку, и договоримся о встрече. А я пока разужаю, что происходит и помозгую, что с тобой делать.

– Спасибо, папа, – сказал Ромка и положил трубку.

Он прошёлся по комнате и подошёл к окну. Двор почти не изменился, только прибавилось машин, стали выше деревья, а конструкции на детской площадке поизносились и покрылись ржавчиной.

«Вот и вернулось всё на круги своя, как будто не минуло одиннадцать лет с тех пор, как гоняли здесь мяч, и уехал Гинзбург. Надо бы позвонить Саньке и Илюше. И как-нибудь увидаться с Катей», – подумал Ромка.

Он зашёл к себе в комнату и с наслаждением повалился на тахту. Он не сомневался, что в огромной Москве, в этом экономическом гиганте, ему найдётся работа. Красный диплом и молодые мозги всё ещё востребованы. Жизнь казалась ему прекрасной, и ничто не могло омрачить его светлое, лучезарное будущее. Только одно не давало покоя: любовь к Кате, которая всё ещё не отпускала его из своих жарких, мучительных объятий. Звонить ей сейчас из дома не представлялось ему возможным. Он не хотел, чтобы мама и отчим услышали, понимая, что они его не одобряют.

На следующее утро, когда мама и Михаил Семёнович ушли на работу, он набрал её номер телефона, решив сразу положить трубку, если ответит кто-нибудь другой.

– Слушаю, – ответила Катя.

– Привет, это Рома. Ты можешь говорить? – немного волнуясь, спросил он.

– Лучше подходи сегодня часа в три к месту, где мы всегда встречались.

– Ладно, пока.

В три он уже стоял возле газетного киоска. Катя пришла минут через десять, которые показались ему вечностью. Красота её приобрела какую-то завершённость, обычно появляющаяся у девушек в первое время после замужества, и он невольно залюбовался ею.

– Здравствуй, Роман. Извини за опоздание. Мама попросила меня кое-что купить.

– Муж живёт у тебя?

– Да, у нас квартира побольше. Правда, он хотел, чтобы я перебралась к нему, – ответила Катя.

– Зачем ты вышла за него? Мы же договорились, что закончим учиться и поженимся. Ты же говорила, что любишь меня? – задал Ромка вопрос, который мучил его с того момента, как узнал о её свадьбе.

– Прости меня, Ромочка, но ты был далеко и мы редко встречались. А женщина нуждается во внимании, ласке и заботе. Но я бы дождалась тебя, если бы не обстоятельства, которые открылись после знакомства с ним.

– Какие ещё обстоятельства? – удивился Рома.

– Его институт сотрудничает с университетом в США и их представитель передал нашей Академии наук, что они очень заинтересованы в нём для работы над проблемой, в которой мой муж уже получил весьма обнадеживающие результаты. Этот университет предоставляет ему рабочий гарант на пять лет. Муж сказал мне, что его отпустят в Америку, если он женится. Симкин сделал мне предложение, я мучилась, просила об отсрочке, но он торопил, и я дала согласие. Ты же знаешь, я давно хочу отсюда уехать.

– Я тебе тоже обещал, что мы поженимся и уедем, – не унимался Рома.

– Дорогой мой, как бы мы могли, когда никакой эмиграции нет?

– А ты хоть любишь его?

– Любила я тебя, а он мне просто нравится. Но теперь это не имеет никакого значения – я беременна. Он не хотел ждать с ребёнком.

– Когда вы уезжаете, Катя?

– Через три недели. Самолёт из Шереметьево.

– Не хочу и не могу тебя останавливать. Ты сделала свой выбор. Прощай, Катя. Будь счастлива.

Он повернулся, чтобы уйти, но она вдруг схватила его за руку, прижала к себе и поцеловала.

– Теперь прощай, Рома.

4

Юля вернулась в Киев через месяц, исчерпав свой годичный отпуск. Вера подружилась с ней и, прощаясь на Киевском вокзале, они тепло обнялись. Детей привезли на вокзал, чтобы проститься с матерью, и они печально стояли на перроне и махали руками, пока вагон, на котором она возвращалась домой, не исчез за поворотом. Дети Юли очень подружились с Андрюшей, сыном Веры, и Лев Самойлович не возражал, чтобы они остались у них в Москве до конца лета.

В Киеве её никто не встречал. Огромный полупустой город, в котором почти не осталось детей, цвёл неестественной буйной зеленью своих парков, аллей, бульваров, ботанических садов и набережных. Но жители понимали, что этот апофеоз природы вызван невидимым фантомом – радиацией, распылённой и растворённой в воздухе, земле и воде. Юля спусти-

лась в метро и через полчаса вышла на станции Левобережная. Здесь пять лет назад они с Изей купили кооперативную квартиру и здесь родились их дети-погодки. Они представляли себя счастливыми людьми, и будущее казалась им безмятежным и прекрасным. Чернобыльская катастрофа ворвалась в их благополучную жизнь, как медведь в пчелиный улей, и разбросала по далёким пределам Советского Союза.

Она открыла квартиру и остановилась на пороге, привыкая к новому для неё чувству отчуждения. Всё дома было таким же, как и перед её отъездом в Москву, но что-то тревожное появилось в её душе. Дети, конечно, были в безопасном месте, но их отсутствие ощущалось в звенящей тишине квартиры. Изи тоже не было дома, и в ней подспудно росло неосознанное опасение за его жизнь. Юлия разложила свои вещи в шкафу и трюме и включила телевизор. Шла передача о буднях Чернобыля, о самоотверженном труде ликвидаторов. В воздухе над разрушенным реактором зависали вертолёты, сбрасывая в его активную зону тонны порошка, призванного погасить таинственный атомный котёл. Дикторы говорили о том, что опасность ещё одного ядерного взрыва миновала, и ведутся интенсивные строительные работы вокруг и под четвёртым энергоблоком. Она облегчённо вздохнула и пошла на кухню, где в раковине лежала гора невымытой посуды. Изя, наверное, забегал во время коротких перерывов, но у него, уставшего, не было сил помыть за собой. Она одела фартук, открыла кран, налила на губку моющее средство и принялась за мытьё. Потом открыла холодильник и обомлела: он был абсолютно пуст, а картофель внизу обмяк и покрылся глубокими старческими морщинами.

Юля вышла из дома и побрела в ближнее кафе, находившееся в десяти минутах ходьбы. Голод в одиннадцать утра заявлял о себе всё сильнее, и она заказала яичный омлет, сырники со сметаной и чай. Потом направилась в Гастроном, где купила сыр, докторскую колбасу, молоко, творог и хлеб. В находившемся рядом овощном магазине взяла помидоры, картофель, огурцы и редиску. Она очень удивилась, когда на выходе её остановил мужчина и предложил проверить овощи на наличие в них веществ, попадающих туда из химических удобрений. Он взял одну картофелину и проворно погрузил её в ящик прибора. На шкале высветилось какое-то число.

– Всё в порядке, гражданка, концентрация химических соединений значительно ниже верхней нормы, – деловито заявил он.

– А на радиацию Вы не проверяете? – спросила она.

– Зачем, все продукты, продаваемые в городе, завозятся из дальних областей, куда не добралось радиоактивное облако.

– Спасибо хоть на этом, – сказала она и двинулась домой.

Вечером позвонил Изя и сообщил, что его отпускают из зоны, и завтра он возвращается в Киев. Юля приготовила обед и убрала давно невымытую квартиру. Во втором часу дня раздался звонок. Она открыла дверь и бросилась мужу на шею.

– Слава богу, Изя, ты вернулся. К началу учебного года приедут дети, и всё будет, как прежде.

– Я тоже, Юленька, надеюсь. Я голодный, как тамбовский волк. И очень устал, – сказал он, обнимая жену.

– Мой руки, я тебя покормлю. Как ты добирался?

– На автобусе, а потом метро.

– Ты оброс и осунулся, какой-то бледный.

– У меня завтра проверка в поликлинике, а потом месяц отдыха. Поедем в Одессу или Крым. Мне дадут путёвку.

– Не знаю, смогу ли я поехать с тобой. Я свой отпуск уже отгуляла в Москве.

– Может быть, возьмёшь пару недель за свой счёт?

– Завтра утром мне нужно появиться на работе. Наверняка там куча нетронутых проектов. Ещё с тех пор, как я с детьми уехала. Поговорю с начальством. Не уверена, что меня отпустят.

– Юленька, нам запретили это говорить, но я не могу не рассказать тебе. Вначале думали, что реактор заглох, но потом поняли, что он продолжает разогреваться и в конце концов прожжёт бетонную плиту под ним. А внизу огромный резервуар воды и, если это случится, произойдёт взрыв колоссальной силы. Заразится вся Европа, Украина и Россия до Уральских гор. Нужно было выпустить воду из-под реактора. Обратились к нам. Вызвались трое работников станции, которые хорошо знали оборудование. Одели скафандры и с лампой и инструментами погрузились во мрак. Когда уже аккумулятор выработал свой ресурс, они увидели, наконец, задвижки и им удалось их открыть. Вода стала вытекать из резервуара. Они вернулись героями без каких-либо шансов выжить. Получили смертельные дозы. Ты и наши дети живы благодаря им.

– Ты тоже герой, Изенька, – сказала она. – Поешь и пойдёшь отдыхать.

Он ел, а она с нежностью и печалью смотрела на него. После обеда он лёг и проспал до ночи. Юлия обняла его и, коснувшись члена, попробовала соблазнить. Он навалился на неё, но эрекции почему-то не наступило и она, поцеловав его, повернулась на другой бок и вскоре уснула.

Рано утром она собралась и ушла на работу, а он после завтрака отправился в районную поликлинику. Врач провёл осмотр и дал направление к гематологу и в лабораторию, где он сдал кровь на анализ. Вернувшись домой к обеду, он почувствовал упадок сил и прилёг в гостиной на диване. Вечером пришла с работы Юлия. Увидев его лежащим опять, она забеспокоилась.

– Что сказали врачи? – спросила она.

– Сегодня я сдал кровь, а завтра с результатом анализа должен пойти к гематологу.

– Как ты себя чувствуешь?

– Неважно. Слегка кружится голова. Мы же работали по двенадцать часов в сутки. Там сейчас весь Советский Союз, вся Академия наук. Я такого патриотизма ещё никогда не видел.

– Меня не интересует общий патриотизм, меня волнует твоё здоровье.

– Думаю, это пройдёт. Я просто устал.

Они вместе поужинали, а потом Изя вышел на балкон и сел в старое скрипучее кресло. Солнце, сделав свой полный дневной круг, медленно заходило за высокий берег Днепра, освещив последними лучами золотые купола Киево-Печерской лавры. Он скрыл от неё, что во время последней вахты хватанул радиации в два раза больше нормы. Но он надеялся, что его молодой организм справится с облучением и всё образуется. Теперь он смотрел на роскошную, охватившую полнеба вечернюю зарю и впервые в жизни молился, чтобы высшие силы помогли ему выбраться из безжалостной западни, в какую он попал волей судьбы.

Гематолог, мужчина средних лет с выразительным еврейским носом и семитским взглядом сквозь стёкла очков, посмотрев на Изю, обречённо мотнул головой.

– Не хочу вводить Вас в заблуждение, любезный, у Вас серьёзное заболевание крови. Возможно, лейкомия. Но пусть Вас всё же обследуют в Институте онкологии.

Он взял бланки и начал в них что-то писать. Размахисто подписавшись, он протянул их Изе.

– Скажите, доктор, у меня есть шансы?

– Шансы всегда есть. Человеческий организм – это вселенная, которую только начали изучать и осваивать. У Джека Лондона есть рассказ «Любовь к жизни». Если Вы такой любовью обладаете, то шансы у Вас есть. Вы ещё молоды и полны сил. У Вас есть дети?

– Да, мальчик и девочка.

– Вот ради них и живите. А с женой помягче. Не лишайте её надежды.

– Спасибо, доктор.

Он решил пока ничего не говорить Юле, и когда она вернулась вечером домой, сказал, что врач не видит пока никакой проблемы, но рекомендует всё-таки хорошенько отдохнуть и усиленно питаться.

– Начальник отдела пошёл мне навстречу. Похоже, пару недель за свой счёт я получу, – произнесла она, не слишком поверив ему. – Когда тебе предоставят путёвку?

– Завтра я загляну в профком, – стараясь быть убедительным, сказал он. – Знаешь, давно мы не были с тобой в ресторане. Поехали в «Динамо». В Чернобыле я неплохо заработал.

Она поцеловала его и ушла в спальню переодеться. Он тоже надел свой лучший синий костюм с рубашкой серого цвета и белым шёлковым галстуком.

На станции «Левобережная» они сели в метро и вышли на «Арсенальной», откуда пешком добрались до ресторана. Его пятиэтажное, по-европейски экстравагантное, здание было построено архитектором Иосифом Каракисом в тридцатых годах здесь на высоких склонах Днепра в стиле конструктивизма под очевидным влиянием Ле Корбюзье. Сам ресторан занимал четыре этажа, и они поднялись на третий и заняли свободный стол на двоих у парапета, откуда было удобно наблюдать за всем происходящим.

– Ты знаешь, когда здание строили, конструкцию перекрытий изменили, – сказал Изя. – Архитектор выступил против, но его не послушали. И тогда он, умный еврей, составил докладную записку. Через два месяца обвалился потолок и за ним пришли люди из органов. Ресторан-то стал очень престижным местом встреч украинской знати, и это событие посчитали диверсией. Но Каракис вынул из кармана свою докладную записку, и она спасла ему жизнь. Его освободили.

– Забавная история, – улыбнулась Юля и открыла роскошный фолиант меню – Ну, давай заказывать. Что ты будешь есть? Тебе рекомендовали хорошо питаться.

– А почему бы не спросить метрдотеля? Что он посоветует, то и закажем, – предложил Изя.

Тот профессионально рассказал о шедеврах ресторанной кухни и тут же записал в блокнот выбранные ими закуски и главное блюдо.

– И горилки, пожалуйста, граммов триста, – сказал ему вдогонку Изя.

Метрдотель кивнул и вскоре вышколенный официант стал подносить и расставлять на столе разнообразную изысканную еду. Внизу заиграл оркестр, и огромное пространство заполнилось популярной музыкой.

– Правда, вкусно? – произнесла Юля, кусая бутерброд со сливочным маслом и чёрной икрой. – Работаешь всю жизнь и не замечаешь, как пролетают молодые годы «без божества, без вдохновенья». Лучше Пушкина и не скажешь.

Они ели и пили, ещё не зная, что делают это вместе в последний раз. У него кружилась голова, тошнота порой подступала к горлу, но ему удавалось

справиться с собой. Он старался не показывать сидящей напротив любимой женщине, как ему плохо, и когда она его спросила, отшутился, сказав, что с непривычки опьянел от горилки.

Когда они вышли из ресторана и спустились по лестнице к дороге, безлунная ночь уже воцарилась над городом, и только огни Печерска выхватывали из тьмы фасады зданий, кроны столетних деревьев и идущих по

улице Грушевского людей. Изя не без труда добрёл до станции метро и в электричке сразу опустил на спасительное сиденье. Дома он разделся, не приняв душ, устало растянулся на постели и мгновенно провалился в сон, оставив удручённую жену наедине с тревожными мыслями.

Когда Изя проснулся, над Русановкой сияло позднее солнечное утро. Юля ушла на работу, и не было свидетелей его борьбы со всё больше и больше захватывавшей его немощью. Он с трудом оделся, пожарил яичницу с колбасой, выпил чай с печеньем и, вызвав такси, вышел во двор. Через несколько минут появилась машина с шашечками. Он сел возле водителя и назвал адрес института онкологии. Волга мчалась по прекрасным зелёным улицам Киева, и он

упивался пьянящей атмосферой любимого города, понимая, что, может быть, никогда больше его не увидит.

5

Вернулась с прогулки по Измайловскому парку Вера с детьми, и пришёл с работы уставший Лев Самойлович, когда в гостиной раздался телефонный звонок. Вера взяла трубку и привычно произнесла «алло».

– Это Юля говорит, – услышала она взволнованный голос.

– Да, здравствуй, Юлечка. Что случилось?

– Изя в больнице. Подразумевают рак крови.

– Боже мой. Как он себя чувствует? Его ведь лечат, – сочувственно произнесла Вера.

– Неважно, дорогая. Он мне ничего не сказал, но я чувствовала – что-то

происходит, – дрожащим голосом рассказывала Юля. – Утром, когда я ушла на работу, Изя оделся и уехал в институт онкологии. Там он сидел, ждал очереди и у него случился обморок. Его привели в сознание и положили в коридоре. Я вернулась домой, а его нет. Позвонила к семейному врачу, та ещё куда-то и выяснилось, что гематолог дал ему направление в онкологическую клинику. Ну, я с трудом дозвонилась туда, и мне подтвердили, что его госпитализировали. Я рванула туда, нашла его. Он, бедняга, бледный и осунувшийся, лежит под капельницей. Я к врачу, спрашиваю, почему он не в палате. А он объясняет, что больница переполнена чернобыльцами, и он ничего пока предложить не может. Просидела с ним до утра. Ночью скончался оператор, который был на смене, когда взорвался реактор, и его перевели в палату.

– Что говорят специалисты?

– Днём сделали переливание крови и готовят его к пересадке костного мозга. У него в Житомире есть родная сестра Ида. По их просьбе я позвонила ей. Она очень славная женщина и согласилась быть донором. Завтра я встречу её на вокзале и сразу отвезу в клинику.

Лев Самойлович всё это время стоял возле Веры, и слушал рассказ Юли. От своих коллег он уже знал, что многие ликвидаторы больны и уже сотни умерли от лучевой болезни. Но сейчас беда коснулась его брата, и это стало неожиданностью для него. Он любил Изю за острый ум и весёлый нрав и, приезжая в Киев, всегда останавливался у него. Они вместе гуляли по Крещатику и бульвару Шевченко, ездили в Гидропарк поплавать и позагорать на Днепре и посидеть там за дубовыми столами ресторана «Млын», что в переводе означало «Мельница» и ему думалось, что этот праздник жизни не закончится никогда. Он взял у Веры трубку и спросил:

– Юля, дорогая, как такое могло случиться? Ведь у него был счётчик.

– Это статистика, ему не повезло. Он, наверное, оказался в месте, где была высокая радиация. У неё же нет ни запаха, ни вкуса. Она – невидимый убийца.

– Дай бог, пронесёт. Я слышал, у вас там работает бригада профессоров из-за рубежа. Чем мы можем вам помочь?

– Лёва, наши дети у вас и пусть они побудут до конца лета.

– Это не вопрос. А деньги вам нужны?

– Спасибо, Изе там очень хорошо платили, – ответила Юля. – Я просила его отказаться, но он сказал, что его выгонят из партии и уволят с волчьим билетом, а у него жена и двое детей. Вот такая история. Позови детей, я хочу услышать их голоса. Только ничего им не говорите.

– Хорошо, Юля. Ты держись.

Он позвал Нелю и Даниила, возившихся с Андрюшей в детской комнате.

Старший сын Дани взял телефонную трубку.

– Как тебе у тёти Веры в Москве живётся, мой дорогой?

– Хорошо, мамочка. Правда, мы скучаем по тебе и папе.

– У меня сейчас много работы. Но если смогу, обязательно приеду. А как там Нелля?

– Мамочка, нам тут очень нравится, – ответила она сама, перехватив у брата трубку. – Сегодня гуляли в парке, а недавно были в кукольном театре.

– Я и папа, мы любим вас, – произнесла она, едва сдерживая слёзы.

6

Концертный зал и все здания института имени Гнесиных вокруг были построены в стиле русского классицизма в сороковых-пятидесятых годах. Из больших окон обрамлённой белыми колоннами анфилады, охватывающей зал широким полукругом, лился свет летнего дня. Огромный овальный потолок с люстрой посередине как бы поглощал его лучи и возвращал их в пространство под ним. Зал был полон – экзамены выпускников фортепианного факультета всегда привлекали внимание студентов и преподавателей. Фортепиано, обладающее богатейшей звуковой палитрой, пожалуй, самый любимый инструмент в мире, и сегодня для них должен состояться настоящий музыкальный пир. Особенно ждали выступления Ильи Вайсмана, который за четыре года стал знаменитым среди студентов, и его победа весной на городском конкурсе в Москве лишь подтвердила мнение педагогов – на музыкальном небосклоне столицы появилась новая яркая звезда. Его известность в кругах профессионалов и любителей музыки уступала только растущей славе Евгения Кисина, который был на шесть лет младше Ильи. В музыкальной школе имени Гнесиных Женя учился у знаменитой [Анны Павловны Кантор](#). Уже в десять лет выступил с оркестром, исполнив 20-й концерт [Моцарта](#), год спустя дал свой первый сольный, а в двенадцать исполнил первый и второй концерты [Шопена](#) для фортепиано с оркестром в Большом зале [Московской консерватории](#). В четырнадцать лет он впервые выехал с концертами за рубеж и его, молодого гения, несомненно, ждала мировая слава. На его выступления Илья всегда ходил с мамой, Елизаветой Осиповной. Она была опытным педагогом и к её мнению он прислушивался. Среди живущих ныне исполнителей по глубине интерпретации, говорила она, его можно сравнить, пожалуй, только со Святославом Рихтером. Да и сам Илья понимал, что до уровня Кисина ему, возможно, никогда не подняться.

Член экзаменационной комиссии, располагавшейся за столом перед сценой, назвал его имя, и он вслед за его педагогом Светланой Моисеевной Рувинской вышел из боковой комнаты, сопровождаемый аплодисментами. На сцене стояли два рояля Steinway & son's и Илья, немного волнуясь, подошёл к одному из них, сел на стул и поднял крышку, обнажив ряд черно-белых клавиш. Для полифонии они со Светланой Моисеевной выбрали из «Хорошо темперированного клавира» Баха «Прелюдию и фугу до мажор», которая очень нравилась ему своей совершенной гармонией и выразительностью. Она рождала у него чувство бесконечности, необъятного пространства, и этому способствовала «чистая» мажорная тональность. Появлялось ощущение света и простора. Он объявил и начал играть. Когда через пять минут закончил, в зале зааплодировали, мама, сидящая во втором ряду, улыбалась и делала ему ободряющие знаки. Илюша взглянул на профессора, председателя комиссии – он одобрительно кивал, обмениваясь впечатлениями с коллегами.

Из произведений крупной формы он подготовил «Патетическую» сонату Бетховена. Когда Илюша закончил зал взорвался аплодисментами. Он поклонился и спустился со сцены.

– Поздравляю, ты очень хорошо сыграл, Илья, – сказала ожидавшая его педагог. – Комиссия к тебе явно доброжелательна, несмотря на твою национальную принадлежность. Она ведёт себя крайне осмотрительно и не пойдёт против очевидного всем таланта.

– Спасибо, Светлана Моисеевна, – поблагодарил он. – Моя мама хотела с Вами поговорить.

Они двинулись вдоль первого ряда к проходу возле стены, где уже находилась Елизавета Осиповна.

– Здравствуйте, милая, – сказала она, пожимая ей руку. – Я очень благодарна Вам за сына. В Гнесинке много способных ребят и девушек. Но Илюша всё же на их фоне выделяется.

– Это Ваша заслуга, Светлана Моисеевна.

– Оставьте, у него талант. А его не может испортить даже самый невежественный педагог. Кроме того, у него невероятная работоспособность и упорство, свойственные многим в нашем племени. Они инстинктом своим сознают необходимость борьбы за место под солнцем, – ответила она. – Я недавно говорила с Ильёй о его будущем. Как Вы знаете, в дипломе у него будет записано «педагог, концертмейстер, пианист». Таким образом, возможны три направления. Если бы он выбрал специализацию педагога или концертмейстера, ему было бы легче жить и это обеспечило бы ему скромное и стабильное материальное положение. Но Илья – Икар, он желает взлететь к солнцу и выбрал третье.

– Пока я молод и не обременён семьёй, хочу себя попробовать как пианист. Вернуться к другим опциям я всегда смогу.

– Это очень тяжёлый путь, дорогой, – заявила Светлана Моисеевна, дружески улыбаясь ему. – Многочасовые репетиции, самолёты и поезда и гастроли по стране, где в первое время тебя ждут полупустые залы, завшивленные гостиницы и вонючие столовки.

– Но это его выбор, пусть попробует. Обождёт крылья, всегда есть куда спуститься, – ободрила сына Елизавета Осиповна. – У Вас есть знакомые в филармонии или Москонцерте? Прежде всего нужно попытаться зацепиться в Москве.

– Я ничего не могу обещать, – задумалась Рувинская, – но первое место на городском конкурсе кое-что значит. Я Вам позвоню, когда что-нибудь прояснится. Очень хочу помочь Илье, он симпатичный и талантливый мальчик.

– Большое спасибо, Светлана Моисеевна.

– Извините, мне нужно представить ещё одного моего ученика.

Она повернулась и ушла, а они, проводив её взглядом, направились к выходу из концертного зала.

7

Проживая в одном доме, друзья виделись редко, занятые подготовкой к экзаменам, устройством на работу или просто обыкновенными бытовыми делами. В августе, когда наступили каникулы, и пришло долгожданное умиротворение, они договорились о встрече. Облюбованное ими уже давно кафе в огромном здании на Ленинском проспекте находилось в получасе ходьбы, и ребята решили не ехать туда на машине, а добираться пешком. Илья вначале хотел пригласить Яну, но Санька и Рома шли без девушек. В шесть часов вечера они спустились во двор и двинулись по улице Шухова, по которой десять лет ходили в школу и домой. Тёплый безветренный вечер, объявший Москву, запах свежей разогретой за день листвы на деревьях, нечастые прохожие, улыбающиеся девушки, проезжающие мимо автомобили – всё говорило им о безмятежной юности и вселяло надежду на лучшую жизнь. Они свернули на Шаболовку, потом на улицу Академика Петровского и вскоре Ленинский проспект открылся им во всей своей шири. Людей в кафе было немного, и они выбрали столик в углу в конце большого зала. Официант положил на стол меню и отошёл к стойке бара.

– В нашей стране нужно жить в крупных городах, – сказал Ромка. – В них лучше снабжение в магазинах, есть работа, много театров, ресторанов и кафе. Уровень жизни намного выше.

– Это ты оправдываешься, что сбежал из Воронежа? – с иронией произнёс Илюша.

– Между прочим, это большой город. Если бы я остался там, я бы процветал. Но в меня влюбилась дочь профессора Винера, а я тосковал по Кате. Вы знаете, я с ней встречался, и она мне всё рассказала. Она с мужем уже в Америке.

– Греческие философы говорили: выбирая жену, выбираешь судьбу, – произнёс Санька. – Но понимание этого приходит с опытом. Мне кажется, жениться нужно на еврейках. Меньше шансов ошибиться.

– А мой отец влюбился в красавицу-славянку, развёлся с мамой и счастлив в новом браке. Теперь у меня и сводный брат Андрюша есть.

– Это исключение, подтверждающее правило, – не уступал Санька. – Ассимиляция советского еврейства, запущенная почти сразу после революции, к счастью не успела завершиться. Этому способствовал здоровый российский антисемитизм и вызванное им сопротивление еврейских масс, стремящихся, особенно в первое время, сохранить свои корни, язык и культурную автономию. Но убили Михоэлса, стали разоблачать космополитов, поменявших еврейские фамилии и имена на русские, а потом уничтожили наших еврейских интеллектуалов и взялись за врачей-вредителей. Если бы не смерть вождя, сгноили бы всех нас в Сибири.

– Ты всё правильно говоришь, – поддержал его Илья. – Есть, конечно, немало порядочных русских людей. Но давайте посмотрим правде в глаза – комфортно ты себя чувствуешь только среди своих благодаря культурной идентификации. Интересно, что думает об этом Ефим Янович? А не навестить ли нам его?

– Идея хорошая. Я позвоню ему, – сказал Санька.

Подошёл официант, и они заказали картофельный салат, лангет с вермишелью и грибным соусом и по сто грамм водки.

– Ромка, что у тебя с работой слышно? – спросил Илюша.

– Отец договорился со своим директором. Буду работать экономистом в строительно-монтажном управлении. Посмотрим, как пойдут дела. А недавно он сказал, что дядя Изя, он занимался строительством на Чернобыльской станции, заболел лейкемией, и ему сделали пересадку костного мозга. Жаль его, славный дядька. – Он задумался, потом взглянул на Илью. – Мама мне говорила, что ты устраиваешься в Москонцерт. Это правда?

– Да, гастролы мои начнутся уже в сентябре, – ответил Илюша. – Больше по Московской области. Но я не унываю. Мне нужно пополнить репертуар и набраться опыта. Тогда я смогу подать заявление на участие в конкурсе Чайковского через четыре года. Конкурс в этом году прошёл в июне, я был несколько раз, когда играли пианисты. Некоторые из них оказались очень сильные, а Барри Дуглас, лауреат первой премии, просто гениален.

– Молодец, большому кораблю большое плавание, – одобрил Ромка.

– А мне ещё год учиться, – вздохнул Санька.

– Не переживай, МГУ – знаменитый во всём мире университет, особенно славится мехмат. Будешь процветать везде, – уверенно сказал Ромка.

– Везде, кроме Советского Союза, – передразнил его Санька.

В это время появился официант с большим подносом, и они принялись за еду. Ромка поднял рюмку, наполненную холодной кристально чистой водкой, и в воздухе над столом появился её особенный запах.

– Друзья, Оскар Уайльд сказал: «При любых неприятностях я отказываю себе во всём, кроме еды и питья». Давайте выпьем за то, чтобы у нас не было никаких неприятностей и нам не приходилось отказывать себе в удовольствиях.

– Ты сегодня в ударе, – с иронией произнёс Санька. – Оскара Уайльда цитируешь. Наверно, в Воронеже у тебя было много свободного времени.

В это время в кафе вошла элегантно одетая женщина. Бежевое платье облегло её гибкое тело, пышные каштановые волосы ниспадали на высокий лоб и узкие плечи, а тёмно-коричневые туфли на высоких каблуках завершали уверенную поступь её стройных ног. Бросив выразительный взгляд в их сторону, она села за соседним столиком и подала знак официанту, который, похоже, хорошо её знал. Он подошёл, улыбаясь добродушной улыбкой, и после короткого разговора, приняв заказ, удалился. Ромка, который не сводил с неё глаз, поднялся и приблизился к её столу. Она с интересом посмотрела на него.

– Вы что-то хотели спросить?

– Я просто хотел познакомиться. Меня зовут Роман.

– Очень приятно, Мария. Да садитесь же, что Вы стоите. Расскажите что-нибудь.

К нему вернулась всегдашняя уверенность в себе, и он стал тем же весёлым и остроумным собеседником, каким был всегда. Она улыбалась его шуткам и внимательно рассматривала его не лишённое приятности еврейское лицо.

– Я в этом году окончила Мединститут и начала работать врачом в больнице напротив.

– А я учился в университете. Сейчас экономист в строительном управлении, – сказал Ромка. – Машенька, я хотел бы тебя проводить. У такой красивой женщины ночью должна быть охрана.

Она утвердительно кивнула. Официант с лучезарной улыбкой поставил на стол блюда и она, извинившись, начала есть. Ромка пожелал ей приятного аппетита и вернулся на своё место.

– Ребята, я вынужден с вами попрощаться. Она согласилась, чтобы я её проводил, – радостно сообщил он.

– Поздравляю, кажется, ты стремительно приходишь в себя, – усмехнулся Санька. – Желаю удачи.

– Потрясающая женщина! Парни, кажется, я теряю голову, – заявил Ромка.

– Похоже, ты идёшь по стопам своего отца, – съязвил Илюша.

Мария выпила кофе, поднялась и, взглянув на Ромку, направилась к выходу. Он догнал её, они вместе скрылись за дверью и направились к станции метро «Ленинский проспект».

– Ты мне очень нравишься, Маша. Поэтому я хочу задать тебе один не слишком деликатный вопрос. Тебе не помешает, если тебя полюбит еврей?

В это время они уже сели на поезд, стремительно бегущий в подземном тоннеле. Она внимательно посмотрела на него и, усмехнувшись, ответила:

– Ты хороший парень, Роман. Это самое главное. Остальное ни меня, ни моих друзей, ни моих родителей не волнует.

Когда они подошли к её дому, он обнял её и хотел поцеловать, но она отстранилась.

– Роман, куда ты торопишься. Самое важное в отношениях мужчины и женщины – предыстория, ухаживание, знаки внимания, общение. Ты сам, милый, почувствуешь, когда я буду готова. Вот тебе мой домашний телефон. По вечерам я дома, хотя у меня есть и ночные смены. Позвони мне.

Она дружески обняла его и, поднявшись на крыльцо возле подъезда, оглянулась и махнула ему рукой.

8

Переливания крови и пересадка костного мозга не помогли, увы, побороть лейкемию, отбиравшую у Изи едва теплившуюся надежду на выздоровление. Он похудел и осунулся, последние силы оставляли его. Теперь Юля приходила в клинику каждый день и покидала её, когда Изя забывался в полусонном бреду. Однажды в конце августа он обратился к жене:

– Меня, наверное, скоро не станет. Я хочу попрощаться с детьми.

– Ты уверен, что им нужно видеть умирающего отца? – спросила Юля, едва сдерживая слёзы.

– Не знаю, но мне кажется, пора перестать рассказывать детям сказки о вечной жизни. Нужно их готовить к реальным жизненным испытаниям.

– Возможно, ты прав. Они скоро должны вернуться в Киев. Через неделю начало учебного года. Даниил пойдёт уже в третий класс, а Нелля в первый.

– Я не умру, пока их не увижу. Попроси Льва привезти детей. Я с ним тоже прощаюсь.

В тот же вечер Юля позвонила в Москву. Лев взял трубку.

– Лёва, врачи сделали всё, что могли. Изе осталось жить считанные дни. Он хочет проститься с детьми и с тобой.

– Юленька, билеты у нас на послезавтра. В четверг мы уже будем в Киеве.

Держись, дорогая.

Лев положил трубку и набрал номер бывшей жены.

– Слушаю. Это ты, Лёва?

– Да, Лена. Хочу поговорить с Ромой.

Елена Моисеевна позвала сына.

– Рома, это папа. Изя умирает. Послезавтра я уезжаю в Киев с Неллей и Даниилом. Ты не хочешь их проводить?

– Скажи, когда прийти. Я надеюсь, у меня получится.

– В среду в семь пятнадцать вечера. Киевский вокзал, третья платформа, седьмой вагон, – произнёс Лев Самойлович.

– Хорошо, отец, я записал. Пока.

Нелля и Даниил печально сидели на постели напротив Льва. Вагон, мерно качаясь и стуча колёсами на стыках рельс, мчался на юг через ночную мглу. Силуэты деревьев и одиноких изб, появившиеся в окне купе, проносились мимо, пропадая в убегающем за поезд пространстве.

– А не пора ли нам спать? – нарочито спросил Лев. – Полезайте наверх.

Дети послушно забрались на верхние полки и укрылись простынями. Лев за почти четыре месяца очень привязался к ним, и они стали как бы членами его семьи. Завтра ему предстояло тяжёлое для него свидание с двоюродным братом, заканчивающим свою несправедливо короткую жизнь. И никто не ответит за его смерть, за смерть тысяч людей, брошенных в зону, чтобы предотвратить угрозу, несущую ещё более страшные последствия, за недоработанную конструкцию реактора, ошибочные инструкции и непродуманный эксперимент. А каково будет детям видеть умирающего молодого отца? Лев лёг на нижнюю полку и вскоре уснул под убаюкивающий стук колёс.

Утром они проснулись, умылись в туалете в дальнем конце вагона, поели бутерброды с колбасой, крутыми яйцами и помидорами, приготовленными Верой перед отъездом на вокзал и запили чаем из стаканов в подстаканниках, заказанным у симпатичной проводницы. Поезд пришёл в девять часов утра. На перроне их встречала Юля. Нелля и Даниил, увидев мать, бросились к ней. Она плакала от счастья и горечи одновременно, провидя сиротскую жизнь детей. После обеда вызвали такси и поехали в клинику.

Врачи уже завершили обход, и Изя с ещё двумя больными лежал в палате, смотря в белый потолок. Юля подошла к постели и взяла его за руку.

– Ты хотел видеть детей? Они вернулись. Нелля, Дани, идите сюда.

– Папа, ты больной? – спросила Нелля. – Почему тебя не лечат?

– Меня хорошо лечат, милая, – произнёс он. – Скоро я буду дома. Я очень скучал по вам, дорогие мои.

– Здравствуй, браток, – сказал Лев. – У тебя прекрасные дети и замечательная жена и есть, ради кого жить. Ты должен сделать всё возможное и невозможное, чтобы выздороветь.

– Я постараюсь, Лёва. Спасибо за детей. Твоя Вера – чудесный человек. Я был не согласен с тобой, когда ты оставил Лену, но сейчас хорошо тебя понимаю.

Изя устало закрыл глаза и погрузился в глубокий, внезапно накативший на него сон. Вера осталась в палате, а Лев с детьми отправились домой.

Изя умер через четыре дня. Накануне Лев опять навестил его и попрощался с ним.

Его похоронили на Берковцах при большом стечении народа, и плачущие дети и почерневшая от горя Юля стояли у гроба, пока его не закрыли крышкой, не заколотили и не опустили в сухую и горячую под жарким солнцем землю.

9

Санька звонил Старику несколько раз в год и находил в разговорах с ним большое интеллектуальное удовлетворение. Ефим Янович представлялся ему зубром среди травоядных животных, с которыми ему приходилось общаться. Он никого не боялся, давал всему ясную и точную оценку и всегда ставил все точки над «i». Санька набрал номер, ожидая скорого ответа.

Но трубку с другой стороны никто не поднял. Он снова позвонил и на этот раз услышал голос Фаины Израилевны.

– Здравствуйте, Саша Абрамов говорит. Как здоровье Ефима Яновича?

– Сашенька? Ефим очень болен. Три месяца назад ему поставили страшный диагноз – рак лёгких. Вы же знаете, как он непрестанно дымит. Приходите попрощаться, только потопитесь.

Санька сразу же перезвонил Илюше и Ромке. Известие о роковой болезни Старика вызвало у них большое сожаление. Они решили пойти к нему завтра утром, и Санька перезвонил Фаине. Громада дома правительства зловеще возвышалась над ними, когда ребята подходили к подъезду, в котором бывали уже не раз. Они вошли в вестибюль и поднялись лифтом на восьмой этаж. Илюша нажал на кнопку звонка квартиры 487 и вскоре они услышали за дверью знакомую шаркающую походку.

– Заходите, дорогие мои, – произнесла Фаина Израилевна. – Ефим ждёт вас.

Ребята прошли за ней в кабинет мужа. Огромная библиотека на трёх стенах комнаты говорила об её хозяйине больше любых самых убедительных слов. Он был известным филологом и литературоведом и его статьи нередко публиковались в литературных и научных журналах. Ефим Янович лежал на кушетке возле письменного стола, на горке из нескольких подушек. Он был бледен, но так же величествен и по-стариковски красив.

– Садитесь, друзья. Рад вас видеть. Вы, как бриллианты в груде грязных камней на дороге. Когда я думаю о вас, моё сердце сжимается от печальной мысли, что в нашей стране вы чужие. Я знаю, идеальных стран нет, но есть другие, в которых бы вас оценили и где вы могли бы жить достойно.

– Как вы себя чувствуете? Фаина Израилевна сказала, что Вы больны.

– Друзья мои, скоро меня не станет. Но поверьте, я не боюсь смерти. Это освобождение от тягот и страданий и прорыв к прекрасному миру, как писал в рассказе «Он и она» наш превосходный Исаак Башевис-Зингер. Я прожил большую трудную жизнь и никогда не шёл на сделку с совестью. С меня достаточно.

– Но Вы хорошо выглядите. Дай бог, выздоровеете, – произнёс Илюша.

– Дорогой мой друг, я не нуждаюсь в спасительной лжи. Сыграйте лучше мне что-нибудь на прощанье. Фаня, подними меня. Мы идём в салон.

Она подошла к кушетке, спустила его ноги на пол и надела тапочки. Рома и Санька помогли ему подняться и он, поддерживаемый их сильными руками, зашаркал по дубовому паркетному полу. В салоне его посадили в кожаное кресло, а сами уселись на диван возле пианино.

– Мы недавно вызывали настройщика. Он привёл инструмент в порядок, – сказала Фаина Израилевна.

Илюша покрутил круглый стул, настроив его на себя, сел и поднял крышку клавиатуры. Он понимал, что, возможно, играет для Старика в последний раз. Значит, нужно что-нибудь философское, глубокое, затрагивающее истинно человеческие чувства и переживания. «Лунная соната» очень соответствует данному моменту, решил он и начал играть, не проронив ни слова – это знакомое всему миру произведение Бетховена не нуждалось в объявлении.

– Я не пророк, но тебя, Илюша, ждёт блестящее будущее. Уезжай отсюда, как только появится возможность. Ты не представляешь, как вольготно живётся там музыкантам и сколько они зарабатывают.

– Спасибо, я подумал, – ответил он.

– У моего отца, когда моя мама уже носила меня под сердцем, была возможность уехать, но он верил в великие идеалы революции и остался, чтобы погубить себя и мать. У нашей страны с непредсказуемым прошлым нет будущего, потому что цвет народа отправили в эми-

грацию или уничтожили. Остальных превратили в рабов. Посмотрите на нашу интеллигенцию. Только единицы готовы говорить правду, большинство её -приспособленцы и негодяи.

– Ефим, пожалуйста, не волнуйся, – стала успокаивать его Фаина.

– Я, дорогая, совершенно спокоен. Хочу лишь объяснить им, что им не следует бояться и держаться, что есть мочи, за эту страну и связывать с ней свою жизнь.

– Ребятки, садитесь за стол. Будем пить чай с вареньем и ватрушками, – сказала она.

На Берсеневской набережной, когда они попрощались и вышли из дома, царило обычное оживление рабочего дня, проезжали, завывая моторами, автомобили, по Москве реке проплывали катера и прогулочные пароходики. Только не было уже в этой сутолоке жизни их, тогда ещё безусых парней, стоявших на Большом Каменном мосту и верящих в справедливость и светлое будущее на их любимой Родине.

– Наверное, Старика мы больше не увидим в живых. Чудес не бывает. Да он и сам не желает бороться, – грустно произнёс Санька. – Мы тоже стали другими.

– Наташа погибла, Катька вышла замуж и улетела в Америку, а Яна ждёт разрешения и просит меня ехать с ней. Но как я могу оставить мою семью? – сказал Илюша. – Нас жизнь, можно сказать, отбросила назад.

– Но мы сейчас умнее и сильнее, друзья, – ободрил их Ромка.

Они сели в троллейбус, и он помчал их по улицам, по которым они шли после выпускного бала с любимыми девушками четыре года назад.

Старик умер через три недели. Об этом они узнали случайно из некролога, напечатанного в одной из московских газет. Санька позвонил, и какая-то женщина ответила, что похороны состоятся на Ваганьковском кладбище завтра в семь часов вечера. На следующий день друзья встретились во дворе и направились к станции метро. В воротах кладбища они увидели людей с портретом Ефима Яновича и присоединились к ним. Автобус похоронного бюро остановился возле свежевырытой могилы, и оттуда спустилась Фаина Израилевна, одетая в длинное чёрное платье в чёрном ситцевом платке на пепельно-седой голове. Она увидела их, идущих ей навстречу, и печально кивнула. Их поразило присутствие сотен интеллигентных людей, пришедших проститься со Стариком и окружавших гроб, поставленный на гребне сухой от жаркого летнего солнца насыпи. Они не знали, что Фаина Израилевна, внучка раввина из Вильно, пригласила прийти на похороны кантора Хоральной синагоги. Он вышел из толпы и запел молитву, но запел её в переводе с иврита на русский язык. Все замолчали, чтобы, возможно, впервые услышать и запомнить древние слова, с которыми в небытие уходили многие поколения их праотцев и праматерей.

«...Задумайся над тремя вещами, и ты не совершишь проступка: знай, откуда ты идёшь, и куда ты идёшь, и перед Кем предстоит дать отчёт...», – монотонно тянул кантор, и слова молитвы достигали слуха и трогали сердца. – «О Господи, в Чьей руке душа всего живого и дух всякой плоти человеческой... Прими же по великой милости Твоей душу Ефима сына Янова, который приобщился к своему народу. Пощади и помилуй его, прости и извини все его проступки, ибо нет человека столь праведного на земле, который делал бы только добро и не грешил. Помяни ему его благие дела, которые он совершал...».

Потом выступали друзья и соратники покойного по неведомой друзьям области знаний, и они поняли, что уходит в Вечность один из достойных людей их гонимого, но любящего жизнь народа.

10

Минуло четыре года после гибели Наташи. Говорят, время залечивает раны. Санька с головой ушёл в учёбу, его уже давно заметили профессора, надеясь получить талантливого студента себе в качестве аспиранта. Наум Маркович, когда говорил с сыном о перспективах научной работы, старался вернуть его с небес на грешную землю и дать понять, что знаний и

интеллекта для поступления в аспирантуру МГУ недостаточно и ему всегда предпочтут крепкого середняка титульной национальности.

Его мужская привлекательность приобрела не свойственное ей прежде качество, и оказалось, что отточенность ума придаёт внешней красоте неведомый прежде блеск. Многие девушки желали с ним познакомиться, расставляя свои невидимые сети, и он поддавался увлечению, вступая с ними в ни к чему не обязывающую его связь, оставляющую холодным его сердце – слишком сильно оно было уязвлено непреходящим чувством к Наташе, которое не отпускало его и сейчас. Они легкомысленно отдавались ему, рассчитывая своей молодой плотью и пылкой страстью зажечь в нём любовь. Всё, увы, заканчивалось для них разрывом, и тогда они бросали ему в лицо горькие упреки и горячие слёзы обиды.

Наступил холодный ноябрь, выпал первый снег и на главных улицах города возникли автомобильные пробки. С Ленинских гор Москва выглядела увязшим в сугробах огромным белым фантомом и лишь три её высотных здания, шпили которых пронзали нависшее над ней серое небо, напоминали о том, что всё кончается, пройдёт зима, наступит весна, и она отряхнёт со своих парков и крыш мёрзлую, сочащуюся влагой чешую.

В поезде метро было очень тесно из-за пальто, курток, свитеров и дублёнок на многочисленных пассажирах, заполнивших вагон. Санька вначале хотел, не теряя времени, просмотреть новый материал по вычислительной математике, который дал сегодня профессор Сергеев, но вскоре оставил свои попытки, спрятал тетрадь в кожаный портфель, и стал смотреть на проносящиеся за окном фонари, освещающие чёрные бугристые стены туннеля. Недалеко от него послышалась какая-то брань. Он оглянулся и увидел неопрятного и небритого человека, который дышал девушке в лицо зловонным перегаром, а она, сдавленная толпой, не могла отстраниться от него.

– Что, жидовочка, брезгуешь? – ухмылялся он. – Не желаешь целовать русский народ?

– Прошу Вас, не надо, – уговаривала она, уклоняясь от слюнявых губ.

Все пассажиры, находившиеся рядом, отворачивались и молчали, предпочитая не связываться с пьяницей, и это малодушие лишь распаляло хулигана.

– Пожалуйста, гражданин, не трогайте девушку, – сказал Санька, пытаясь продвинуться к ней.

Тот взглянул на парня и безошибочным чутьём узнал в нём еврея.

– Ага, свой свояка видит издалека, – не унимался мужик.

– Если не прекратите, вызову милицию, – безапелляционно произнёс Санька.

– Ты мне тычешь милицией, сука? Да она, жидок, меня от вас охраняет.

В это время поезд остановился на станции, двери раскрылись, и толпа вынесла их из вагона. Мужик куда-то исчез, масса людей двинулась к эскалатору, а Санька и девушка стояли на перроне, смотря друг на друга.

– Спасибо Вам, молодой человек. Если бы не Вы...

– Не терплю хамства, – ответил он. – Я так воспитан.

– Люди, которые видели и слышали, тоже так воспитаны, но за меня не заступились, – проговорила девушка. – А он не дурак, всё понимает, и безнаказанность его только вдохновляет.

– Если хотите, я Вас провожу, – предложил Санька.

– Пожалуй, я соглашусь, – улыбнулась она, – я живу недалеко от станции метро «Прспект мира». Правда, не доехала две остановки.

В это время подошёл поезд, и они вошли в вагон.

– Меня зовут Вика, – представилась девушка. – А Вас?

– Александр, – ответил он, – или просто Саня.

Они вышли из метро и медленно двинулись по улице. Она рассказала ему, что учится на третьем курсе Авиационного института и что ехала с занятий домой. Они свернули во двор и подошли к подъезду.

– Я здесь живу, – сказала она. – Мне было очень приятно с тобой познакомиться.

– А можно тебе позвонить? – спросил он.

– Хорошо, запиши мой телефон.

Виктория назвала ему свой номер, и он записал его в блокнот.

– У меня сейчас очень трудное время. Нужно сдать две курсовые, – произнёс он. – Но я обязательно позвоню, Вика.

Он взял её за руку и посмотрел в глаза. В его душе впервые за много лет что-то шевельнулось и оттаяло. Он пожал ей руку и, боясь выдать свои чувства, повернулся и быстро удалился, а она с некоторым удивлением смотрела ему во след. «Красивый парень, – подумала Виктория. – Удивительная штука – жизнь. В ней уродливое и прекрасное каким-то образом оказываются рядом друг с другом».

Дома Санька поужинал и, поблагодарив мать, закрылся в своей комнате. Он попытался сосредоточиться на курсовом проекте по численным методам решения математических задач, который должен был сдать профессору через несколько дней, но это потребовало немалых усилий – Вика неожиданно для него не выходила из головы.

Минула неделя. Он выполнил две тяжелейшие курсовые, и сразу же почувствовал облегчение и, выйдя из главного корпуса, подошёл к телефону-автомату.

– Добрый вечер, позовите, пожалуйста, Вику, – обратился он к взявшему трубку мужчине.

– Я слушаю, – ответила она.

– Здравствуй, это Саня.

– Привет, а я уже подумала, что ты не позвонишь.

– Была трудная неделя, я только что сдал вторую курсовую. Гора с плеч. Давай сегодня встретимся.

– Для меня твоё предложение как-то неожиданно. Я недавно вернулась из института, уставшая и голодная. Да и холодно сегодня.

– А мы зайдём в кафе, поедем что-нибудь.

– Ладно, уговорил. Через час буду ждать возле моей станции метро.

Он повесил трубку и направился к станции «Университет». На душе стало вдруг легко и спокойно, и Саньке казалось, будто сама судьба идёт ему навстречу. Через минут сорок он уже поднимался на эскалаторе к месту встречи. Когда он увидел её, шедшую уверенной походкой к станции метро, его сердце вдруг защемило от невольного волнения. Она напомнила ему Наташу.

– Привет, Саня, – игриво сказала она. – Ты не замёрз?

– Да мне почему-то стало жарко, – ответил он. – Давно такого со мной не было.

Они ещё минуту постояли, разговаривая о том, о сём. Вика согласилась пойти в кафе-бар, расположенное рядом со станцией. Там было уютно и малоллюдно. Они сели за столик на двоих, и Санька дал знак официантке. Девушка подошла и положила на стол меню.

– Мы очень голодные. Что бы ты нам предложила? – спросил он.

– Есть очень вкусный жареный карп с картофельным пюре. Сюда можно добавить винегрет.

– Вика, тебе это нравится?

– Неплохо, – улыбнулась она.

– Прекрасно, – кивнул Санька. – Пожалуйста, милая, два карпа, один винегрет, хлеба и ещё по бокалу рислинга.

– А зачем вино? Я боюсь опьянеть и не добраться домой, – сказала Вика, посмотрев на него испытывающим взглядом.

– Не волнуйся, я тебя донесу, – пытаюсь шутить, улыбнулся Санька. – Я уже и дорогу знаю.

– А почему ты, такой красивый парень, захотел увидаться со мной? Я же обыкновенная девушка.

– Нет, ты очень симпатичная. И я увидел в тебе что-то, что не лежит на поверхности, – объяснил он. – Четыре года назад погибла моя девушка, за неделю до нашей свадьбы. Она была очень хороша собой. После этого я вообще не желал ни с кем знакомиться. Потом начал встречаться, но девушки оставляли меня равнодушным. Я понял, что совсем не то и не так ишу. И вот, наконец, когда увидел тебя, что-то изменилось во мне.

– Да, ты показался мне немного не от мира сего, – произнесла она, не отрывая взгляда от его красивого лица.

Подошла официантка и поставила на стол большие тарелки и два бокала пахнущего южной степью белого вина. Они выпили и с аппетитом принялись за еду.

– Расскажи мне о себе. У тебя есть парень? – спросил Санька.

– Полгода назад он улетел в Америку, – грустно сказала Вика. – Просил меня ехать с ним, но я не могла оставить родителей. Папа работает в авиационном конструкторском бюро имени Туполева, был очень приближен к самому, когда он был жив. При его допуске у нас не было никаких шансов. С мамой легче, она преподаёт теорию механизмов и машин в институте.

– А как ему удалось эмигрировать?

– Он – сын известного диссидента, который и в тюрьме посидел. За него просил Рейган, когда встречался с Горбачёвым.

– Сколько судеб разрушила Советская власть. Тоталитарный режим превратил страну в Архипелаг Гулаг. Ты посмотри на любую капиталистическую страну – это открытое общество, – рассудил Санька.

– А ты хочешь уехать? – спросила она. – Если да, то нам лучше сразу расстаться. Я не вынесу ещё одной разлуки.

– Я без тебя никуда не уеду, – грустно улыбнувшись, ответил он.

Он расплатился, и они вышли из кафе. К середине ноября в Москве обычно наступают ночные морозы. Вика сказала, что ей холодно и захотела вернуться домой. Санька проводил её до подъезда. Она посмотрела на него, положила руки ему на плечи и, чуть поднявшись на каблуках, поцеловала его в щеку. Он не успел опомниться от неожиданного поцелуя, когда Вика сделала шаг назад и стремительно двинулась к входной двери.

– Я позвоню тебе, Вика, – крикнул он.

– Я буду ждать, – ответила она, обернувшись на мгновение, и скрылась за дверью.

На мехмате закончился семестр, и началась сессия – время бессонных ночей и экзаменов. Сессия наступила и у неё в Авиационном институте. Виделись они урывками в центре города, на следующий день после экзамена, когда удавалось просто выспаться и привести себя в порядок. Однажды она попросила встретиться с ней возле станции «Проспект мира». Когда он вышел из метро, она уже ждала его. Они поцеловались, и он почувствовал необычное волнение в её движениях и в голосе.

– Случилось что-нибудь? – спросил он.

– Пока ничего, но может случиться, – загадочно ответила она.

– Ну, расскажи, что происходит, – настоял Санька.

– Мои родители сегодня пошли в театр на какую-то премьеру, а ты у меня ещё ни разу не был. Пойдём?

– Я за тобой хоть на край света пойду, – искренне сказал он.

– Правда? Тогда вперёд.

Они вошли в подъезд её дома и поднялись лифтом на пятый этаж. Большая четырёх комнатная квартира была обставлена добротной румынской мебелью, кабинет хозяина дома украшал дубовый письменный стол, над которым нависали заполненные книгами шкафы.

– Это комната отца. Он доктор технических наук, вот его портрет с Туполевым.

– Так ты пошла по его стопам?

– Просто он реально мог помочь мне поступить только в авиационный. Хотя мне нравится то, чему я учусь.

Они вернулись в гостиную и сели на диван.

– Ты не голодный? – спросила она.

– Нет, но я бы что-нибудь выпил.

– У отца есть хороший коньяк, – сказала она и, открыв дверцу бара, наполнила рюмки.

Они выпили, и она включила магнитофон. Из колонок полилась знакомая песня.

– Тебе нравится шансон?

– Очень.

– Давай потанцуем? – предложила Вика. – Я обожаю Шарля Азнавура.

Он поднялся с дивана и обнял её. Она прижалась к нему и, смотря ему в глаза, спросила:

– Ты любишь меня?

– Да, люблю.

– А почему никогда не настаивал на интимном свидании?

– Потому, что всегда были чем-то заняты, да и где мы могли встречаться.

– А я боялась, что ты просто играешь со мной.

– С тобой я совсем не играю. Я просто контролирую себя, чтобы не сорваться и не наде-
лать глупостей, – оправдывался Санька.

– Ты называешь глупостью любовь? – усмехнулась она и поцеловала его в губы.

Его охватило давно не испытываемое им чувство к этой милой любящей девушке. Он легко поднял Вику на руки и понёс в её комнату, в то время как она покрывала поцелуями его шею и лицо. Он положил её на мягкую постель и лёг рядом с ней. Она приподнялась и сорвала с него рубашку и майку. Пока он раздевался и снимал туфли, она уже лежала обнажённая и призывно с некоторым волнением смотрела на него.

– Ты очень красивый мальчик, – молвила она.

– А ты самая лучшая девочка, – ответил он. – Я, пожалуй, влюбился не на шутку.

Он лёг на неё и его возбуждённый член легко вошёл в её влажную нежную плоть. Они долго не могли оторваться друг от друга, и в какой-то момент мощный неудержимый оргазм пронзил их молодые тела. Он откинулся на подушку, а она положила голову на его грудь.

– Теперь я знаю, что ты действительно любишь меня, – прошептала она. – И никогда не разлюбишь.

11

Гастроли захватили Илюшу, подчинив его жизнь расписанному на многие месяцы впе-
рёд распорядку. Ему нравилось душевное тепло и аплодисменты полных залов, интерес жур-
налистов к молодому яркому пианисту, которому музыкальные критики пророчили блестящее
будущее. Ему самому вскоре стало понятно, что не только любовь к музыке, но и здоровые
амбиции и желание славы придают серьёзную мотивацию его жизни, заставляя много работать,
репетируя и разучивая новые произведения. Мама поддерживала его стремление к совершен-
ству, хорошо кормила и поощряла его честолюбие. В Москонцерте были очень довольны тем,
что молодой исполнитель не отказывался от не слишком привлекательных поездок и нередко
заменял знаменитых мастеров. Когда ему предложили участвовать в конкурсе имени Фреде-
рика Шопена, он, не раздумывая, согласился. Было важно набрать очки и приобрести опыт в
международных конкурсах, а этот весьма котиrowался среди пианистов. Поездка в Варшаву
оказалась успешной. Он стал лауреатом и получил вторую премию, что стало для него самого

неожиданным – он обошёл многих известных исполнителей. Илюша знал, как тридцать лет назад Владимира Ашкенази умышленно оттеснили на второе место, но Лев Оборин, член жюри, опротестовал, не желая подписывать протокол, и он разделил первое место с польским пианистом. Ситуация с ним несколько напоминала эту историю, но похоже, принципиального защитника среди членов жюри не нашлось. Через несколько лет Ашкенази на конкурсе Чайковского взял первую премию, подтвердив свой высокий класс, и приобрёл мировую известность. Илюша был доволен, пример знаменитого коллеги его вдохновлял, да и Светлана Моисеевна, его педагог, с которым он иногда встречался в промежутках между поездками, внушала ему спокойствие и терпение.

Случилось то, что давно ожидали прозорливые люди. Граница приоткрылась, чтобы выпустить пар, накопленный за семь лет, прошедших после начала Афганской войны. Каганские тоже получили разрешение. Об этом Яна сообщила Илюше в январе по телефону. Он тогда только что вернулся из Тулы, где прекрасно сыграл концерт Бетховена с симфоническим оркестром Московской филармонии и сидел за небольшим роялем, который недавно приобрёл, наигрывая любимые мелодии. С Яной он виделся в последнее время редко – любовь к музыке и успеху становилась сильнее любви к женщинам, работницам Москонцерта и фанаткам, которые летели ему в объятия, как бабочки на свет фонаря в безлунную ночь. Это было неотъемлемой частью его жизни, и он старался не отказываться от подарков, которые дарила ему судьба артиста. Но Яна была его единственной любовью, и он ощутил это сейчас особенно сильно, когда потеря её была на расстоянии вытянутой руки.

– Мы улетаем через месяц, – сказала она. – Ты всё время на гастролях. Когда я тебя увижу?

– Я вчера вечером вернулся и тут же повалился в постель, так устал. – Но сейчас я уже в порядке. Если хочешь, я приду.

– Давай в семь вечера, родители взяли отпуск и уехали к бабушке в Коломну попрощаться. Она там живёт со старшей сестрой мамы.

– Хорошо, я буду.

По дороге к Яне он купил в гастрономе бутылку массандровского муската.

Она ждала его, одев своё самое красивое платье, которое Илюше очень нравилось. В начале восьмого из прихожей донёсся звонок.

– Привет, Илюша. Месяц с тобой не виделись, кажется, вечность прошла, – сказала она, положив руки на холодные лацканы пальто. – Раздевайся.

– Яна, не верится, что всё кончается и скоро в твоей квартире поселятся другие люди.

– Не нужно себя обманывать. Это должно было случиться, рано или поздно, – ответила она. – Заходи, угощу тебя чаем с баранками.

– Помнишь, как я в первый раз оказался в вашей квартире?

– Конечно, тебя тогда побили за ухаживание за мной. Еврейка, но своя, а ты наших барышень не трогай. Они просто завидовали тебе.

– И что я буду делать без тебя? – спросил Илюша, подходя к ней.

– Дорогой мой, всё в твоих руках. Если ты меня любишь, найдёшь меня. Только поторопись. Меня может найти кто-нибудь другой и возьмёт в жёны.

– Тяжёлый вопрос. Плод ещё не созрел, чтобы его сорвать, – с грустью произнёс Илюша.

– Я тебя понимаю, – усмехнулась Яна. – Тебя или кого-нибудь из твоей семьи нужно хорошенько шмякнуть по голове. Тогда быстро созреете. Ну, что мы о грустном. Открывай бутылку. Я обожаю мускат. Я с папой однажды отдыхала в Ялте, и мы поехали в Массандру, там находится винный завод. Нас там угощали, и мне наливали каждый раз несколько капель. Я всё равно опьянела, тогда мне было лет двенадцать.

Она налила вино в бокалы и один подала Илюше. Он смотрел на неё, на красивое платье, облегающее её стройное гибкое тело, на прекрасное лицо и высокий лоб, органично демон-

стрирующий незаурядный интеллект, и в нём с каждым мгновением росла любовь к этому чудесному существу, которое скоро растворится в необъятном пространстве мира.

– Скажи что-нибудь, – предложила она.

– Я не хочу тебя потерять, – сказал он. – Лучше тебя я не найду.

– Значит, выпьем за то, чтобы ты меня нашёл, и мы опять были вместе.

Она поднесла бокал к губам и выпила его залпом. Илюша выпил вслед за ней и отдал ей бокал.

– Я тоже люблю тебя и хочу, чтобы ты всегда помнил о нашей сегодняшней встрече, – сказала Яна. – Поиграй мне что-нибудь.

Она взяла его за руку и потянула к пианино, стоящему в её комнате. Он открыл его, размял руки, взглянул на Яну, и соната Шопена заполнила всё пространство.

– С этой сонатой я чуть не победил в Варшаве, – произнёс он, закрыв глаза.

– А я бы присудила тебе первую премию.

Она подошла к нему сбоку и, наклонившись, поцеловала в губы. Он прекратил играть, поднялся со стула и обнял её.

– Ты останешься сегодня? – спросила она. – Я не хочу, чтобы ты уходил.

– Я не уйду, – ответил он.

Она простёрла правую руку за спину, и освобождённое от застёжек платье плавно упало на пол. Яна стояла перед ним нагая и прекрасная, как Афродита, вышедшая из пены волн у острова Кипр. Он подошёл к ней, поднял и понёс на постель. Потом разделся, прилёг рядом с ней, любуясь её безукоризненным телом, и, почувствовав прилив необоримого желания, вошёл в неё.

Рано утром они проснулись и она, найдя его плоть под одеялом, оседлала его и, достигнув оргазма, упала на его вздымающуюся от страсти грудь.

Они встретились ещё раз накануне отлёта в Вену, не в силах оторваться друг от друга. В аэропорту Шереметьево Яна поцеловала его и ушла вслед за родителями. Она не сказала ему ничего, но уже знала, что носит в себе их будущего ребёнка.

12

Рома работал в строительном-монтажном управлении, при поддержке отца, Льва Самойловича, постигая премудрости строительной отрасли. Ясный аналитический ум, тренированный в шахматном клубе и университете, помог ему вскоре разобраться в запутанном хозяйстве, и понять серьёзные проблемы, не позволяющие ей стать прибыльной. Он не раз говорил об этом с отцом, звоня ему домой по вечерам.

– У нас какое-то крепостное право. Люди, как рабы, работают за гроши в стуже и жаре не хотят, всё из-под палки. Надо поощрять трудяг, улучшать условия труда, внедрять современную строительную технику. Тогда и объекты будут качественней, и сдаваться в срок без никому не нужных авралов и нагоняев.

– Ты прав, Рома. Но ты же знаешь, в какой стране мы живём. Выбрось из головы фантазии и делай то, что должно.

– Ладно, папа. Привет Вере и целуй Андрюху.

По выходным он встречался с Машей и без ума от её дозволенного поцелуя возвращался домой поздно вечером. Они ходили на симфонические концерты, в театр, в кино и на каток, и с каждым разом он всё сильнее ощущал, что крепость даёт трещины и скоро падёт. Он был умён и напорист, а женщины любят таких мужчин. Однажды в начале марта ударил, как порою бывает на исходе зимы, двадцатиградусный мороз. Мария от прогулки отказалась и пригласила его на день рождения к подруге. Он согласился, видя в этом многообещающий знак. Света, так её звали, была со своим парнем, артистом балета, который всё время красиво танцевал с ней под музыку группы Пинк Флойд. Он принёс её альбом «Тёмная сторона Луны» и с наслажде-

нием подпевал и лез целоваться. Потом они взяли двух подруг, скучавших без парней, чтобы развезти их по домам.

– Маша, я оставляю тебе квартиру, – бросила она на выходе. – Не теряйся, Рома – отличный парень. Будь счастлива. Я заночую у Игоря. Завтра к обеду вернусь.

– Ладно, Света. Может быть, мы ещё потанцуем.

– Маша, не будь душой, – сказала подруга и скрылась за дверью.

Она вернулась в гостиную и подошла к Роману.

– Правда, у меня замечательная подруга?

– Но ты лучше. Я уже просто не могу без тебя. Я засыпаю и просыпаюсь с тобою в голове.

Это мука, видеть тебя и не сметь дотронуться.

– Ты хочешь потанцевать? – спросила она.

– Да с тобой хоть на край света.

Он быстро поднялся, обнял её и попытался вести, стараясь попасть в такт музыке. Она прижалась к нему и вдруг поцеловала в губы. Он остановился и, не скрывая удивления, взглянул на неё.

– Света вернётся только завтра днём. Квартира наша, милый.

Рома опомнился, поднял её и понёс в спальню. Теперь уже не нужно было никаких слов. Он раздел её, разделся сам и, трепеща от страсти, вошёл в неё.

– Ты меня так любишь? – всё время спрашивала она, пока оргазм не опалил их своим жарким всепоглощающим огнём.

Потом они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и он, счастливый и нежный, ещё не мог знать, что через месяц она согласится выйти за него замуж.

13

Илюша долго переживал разлуку с Яной, переносил свои нерастроченные чувства в музыку. Его игра, эмоциональная и вдохновенная, привлекла внимание профессионалов, и на страницах Московских газет и журналов появились статьи о нём. Однажды он получил письмо, содержащее копию обращения оргкомитета международного конкурса имени Артура Рубинштейна в министерство культуры СССР, – его приглашали принять участие в конкурсе пианистов в Израиле. Москонцерт подготовил рекомендацию министерству, но директор Сергеев во время беседы с ним откровенно заявил, что в связи с тем, что после Шестидневной войны 1967 года СССР разорвала дипломатические отношения с Израилем, не верит, что он, Илья Вайсман, получит разрешение на поездку во враждебную страну. Через месяц его вызвали в министерство культуры. Моложавый хорошо выбритый мужчина указал ему на кресло возле стола.

– Илья Леонидович, садитесь, пожалуйста, – подчёркнуто вежливо сказал он. – Я давно слежу за Вами. Вы быстро прогрессируете, и мы возлагаем на Вас большие надежды. Я, конечно, чтобы удовлетворить просьбу об участии в конкурсе, обратился за советом в наши славные органы. Вчера получил ответ. Они не рекомендуют посылать Вас в страну, с которой нет дипломатических, культурных и прочих отношений.

– Очень жаль, – произнёс Илюша. – У меня большие шансы победить на этом престижном международном конкурсе. Это добавило бы славы советской пианистической школе. Музыканты ведь на самом деле являются лучшими дипломатами.

– Я с Вами согласен, но ничем помочь не могу, – ответил чиновник негромко, боясь не без основания, что его разговоры в кабинете прослушиваются. – У Вас впереди блестящее будущее. В девяностом году состоится конкурс Чайковского и я уверен, Вы станете лауреатом. А это открывает огромные возможности для гастролей по всему миру. Не переживайте. Всего доброго.

Чиновник подошёл к Илюше и крепко пожал руку.

Отказ был ожидаем, но Илюша надеялся на чудо. Увы, чуда не произошло, и сказка не стала былью. А он в глубине души так надеялся встретиться с Яной.

Он продолжал гастролировать и несколько его концертов состоялись и в Москве. Однажды в феврале после исполнения сонаты и фантазии до мажор Франца Шуберта Илюша отдыхал в артистической уборной, когда к нему подошла молодая женщина, одетая в строгий шерстяной костюм синего цвета. Он был ей к лицу и, несомненно, подчёркивал её стройную фигурку.

– Здравствуйте, Илья Леонидович, – смело обратилась она.

– Здравствуйте, – дружелюбно улыбнулся он. – Вы что-то хотели спросить?

– Я из журнала «Музыкальная жизнь». Мира Альтшулер меня зовут.

– Очень приятно, Мира. Садитесь, пожалуйста. Что бы вы хотели от меня услышать?

Она села в кресло напротив и изучающе посмотрела на него. Закончив музыкальную десятилетку по классу виолончели и сознавая большие трудности, с которыми связана жизнь музыканта-исполнителя, Мира отправилась учиться на филологический факультет Горьковского университета. Вернувшись в Москву два года назад и к этому времени попробовав перо в городской газете, она не без помощи дяди устроилась корреспондентом в журнале Союза композиторов, где оценили её понимание музыки и хороший стиль. Сегодня на концерте она, поняла, что на музыкальном небосклоне зажглась новая звезда.

– Мне хотелось бы поговорить с Вами. Редакция заказала мне написать о Вас в рубрике «Концерты». Со дня основания в 1957 году журнал публикует творческие портреты выдающихся исполнителей.

– Не желаете перейти на «ты». Мне, во всяком случае, будет комфортней.

– Хорошо, – согласилась Мира.

– Прекрасно, – улыбнулся Илюша. – Видишь ли, я только начинаю свою музыкальную карьеру.

– Евгений Кисин значительно младше тебя, но уже мировая величина. Талант – вот что определяет. Я сегодня просто в восторге от твоей сонаты. Я уже давно слежу за твоими выступлениями, вначале по долгу службы, а потом просто потому, что поняла: в стране появился выдающийся пианист. И накопила о тебе большой материал, но мне ты интересен, как личность.

– А что, если мы встретимся завтра в Доме композиторов часов в шесть вечера? Там есть кафе «Могучая кучка» с хорошей кухней. Я там буду и по другому вопросу.

– Договорились, завтра увидимся, Илья. Было приятно с тобой познакомиться, – сказала она и, поднявшись с кресла, покинула комнату.

«Приятная женщина, наверное, умница. Пожалуй, мне следует уже забыть Яну. Она далеко, а мне жить в этой стране. И я, как каждый человек, нуждаюсь в женщине, особенно если взять в расчёт мою профессиональную деятельность. Мне нужна любовь, она – источник вдохновения для пианиста», – так думал он, сидя один в артистической уборной после концерта.

Превосходная статья в авторитетном журнале «Музыкальная жизнь» помогла Илье подняться на вершину Олимпа, поставив его в глазах музыковедов и композиторов в один ряд с другими знаменитыми исполнителями. Встреча в кафе «Могучая кучка» сблизила его с Мирой. Она оказалась приятным собеседником, хорошо разбиралась в литературе и искусстве и проявляла заметную заинтересованность в интимных отношениях. Яна улетела в далёкую южную страну, и теперь ему было крайне необходимо освободиться от любви, поглощающей его душевные силы. Илюша искренне считал, что ему нужна такая женщина, как Мира, готовая разделить и нести вместе с ним нелёгкую судьбу оторванного от дома человека. Он к тому времени купил «Москвич» и стал выезжать на нём на концерты, если они происходили в Московской области. Это позволяло ему в тот же день возвращаться домой, а не коротать ночи в местных гостиницах.

Однажды Объединённый институт ядерных исследований в Дубне обратился в Москонцерт с просьбой, чтобы Илья Вайсман дал у них в городе два концерта. Он был весьма удивлён – приглашение знаменитого во всём мире института говорило о его восходящей славе больше, чем обычные плановые выступления, расписанные на месяцы вперёд. Илюша предложил Мира поехать с ним. Она взяла трёхдневный отпуск, и они на машине выехали из Москвы по Дмитровскому шоссе. В середине апреля ещё не было жарко, но синее небо над ними и живописные леса по обеим сторонам дороги будили в их молодых сердцах восторг и иллюзию возможного счастья. Они дважды останавливались, чтобы побродить по лесу и насладиться чистым насыщенным озоном воздухом. Илюша ещё ни разу не поцеловал Миру – слишком трудно оказалось для него разорвать психологическую зависимость, связавшую его с Яной. Однажды он рассказал ей о своей любви. Она выслушала его с пониманием. Другая бы на её месте ушла, но Мира уже была влюблена в него, романтичного и талантливого молодого мужчину. И вот наступил тот момент, когда чистое небо, роскошный зелёный лес и поросший сочными травами луг восторженно зывали к любви и неге, и только холодный душой человек не откликнулся бы на этот мощный, неукротимый зов природы. Мира подошла к нему, коснувшись дрожащей от волнения грудью его груди, и посмотрела ему в глаза.

– Илюша, зачем ты меня пригласил? – спросила она. – Если я тебе не нравлюсь, то оставил бы меня.

– Я к тебе очень хорошо отношусь, Мира, – не без труда вымолвил он. – Но ты же знаешь мою историю.

– Мы поехали на три дня. Меня поселят в отдельный номер?

– Я сказал, что со мной поедет импресарио. В таком случае для него требуется номер.

– Вот я стою здесь рядом с тобой, молодая любящая женщина. А ты говоришь мне, что мы будем жить в разных номерах. Я не понимаю, для чего я тебе нужна.

– Ты мне нужна, Мира. Но ты знаешь, что в нашей стране блюдут мораль. В один номер мужчину и женщину поселят только в случае, если они муж и жена. Ты мне действительно нравишься.

Она поняла, что произошёл серьёзный поворот в их отношениях. Мира положила руки на его плечи, приблизила голову к его лицу и раскрыла губы для поцелуя. Он ощутил её дыхание и вдруг почувствовал внезапно охватившее его желание. Он прижал её к себе и, наконец, коснулся влажных дрожащих губ. Она ответила многочисленными поцелуями.

– Я люблю тебя, Илюша, – сказала она, едва сдерживая полыхающее в её теле желание.

В Дубну они приехали к часам четырём. В гостинице служащая быстро обнаружила среди бумаг заказ Института. Заполнив бланки и получив ключи, они поднялись на второй этаж и вошли в оказавшиеся рядом номера. К этому времени они уже изрядно проголодались и, оставив вещи, Илюша и Мира спустились в ресторан. Потом вернулись в номера, чтобы отдохнуть, принять душ и переодеться. На машине они довольно быстро нашли дом культуры «Мир», где должны были состояться концерты. Там Илюшу уже ждали и искренне обрадовались, когда он появился. Рояль «Блютнер», к его удивлению, оказался хорошо настроенным и он сразу же принялся разминать пальцы и репетировать программу, которую собирался исполнить. Мира сидела в первом ряду и каждый раз не без иронии аплодировала, когда он заканчивал играть. После репетиции они вышли на улицу подышать воздухом. Сосны и тополя беззвучно качали верхушками, устремляя в вечернее небо свои высокие стволы и ветви. Уличные фонари высвечивали на треугольном фронте дома культуры умело вылепленный герб с лирой посредине. Белые цилиндрические колонны под архитравом, украшенные ордером, стилизованным под коринфский, создавали атмосферу торжественности и значимости происходящего. Воздух был напоён запахом лесов и свежести, приносившейся сюда с протекающей где-то поблизости Волги. Вскоре начали подходить люди, и они вернулись. Илюша направился в артистическую комнату, где надел чёрный костюм и нацепил на воротник белой рубашки бабочку. Ровно в

восемь он вышел на сцену, встреченный аплодисментами, раскланялся и сел на стул перед роялем. Он играл вдохновенно, как раньше никогда не играл. Подсознание упорно твердило ему, что причиной преображения была молодая женщина, сидевшая в зале в первом ряду. И он играл для неё.

Его долго не отпускали, овации продолжались минут десять, и он исполнил на бис ещё несколько произведений Шопена и Листа.

А потом была ночь, и он познал любовь женщины, которая помогла ему, наконец, обрести себя и развеять дурман первой любви. Он ещё не ведал, что через год Мира, потерявшая голову от любви и носящая под сердцем их ребёнка, станет его женой.

Глава 4

1

Те, кто жил в Советском Союзе в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, хорошо помнят это время. Рушились устои, в течение семидесяти лет казавшиеся незыблемыми и неколебимыми после Великой революции, страна разрывала сковывающие её движение цепи, чтобы наверстать время, потерянное в борьбе за построение социализма. В стране под видом Перестройки происходила ещё одна революция, по масштабам своим не уступающая Октябрьской 1917 года. Многие осознали, насколько за эти десятилетия отстала их Родина от цивилизованного мира в развитии демократии и технологии, пытались воплотить в жизнь чуждые природе человека идеи. Стоит ещё раз вернуться к событиям тех лет, чтобы ясно представить, в каких условиях существовали герои нашего повествования.

История в период мощных социальных переворотов всегда находит выдающихся лидеров, личностей, чувствующих своё предназначение в эпоху перемен. Они раньше, лучше, глубже и полнее других сознают новые потребности развития общества, необходимость изменения существующих условий и решительнее других борются за них, умеют найти силы, пути и средства для осуществления задач, стоящих перед обществом и повести за собой народ. Оставим на совести философов рассуждения о том, что, согласно Гегелю, призвание личностей «заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа». Ещё сильнее сказал об этом Лев Толстой в романе «Война и мир»: значение великих людей только кажущееся, на самом деле они – лишь «рабы истории», осуществляющейся по воле Провиденья.

В Советском Союзе тогда действовали, нередко сталкиваясь между собой, два крупных политика: Михаил Горбачёв и Борис Ельцин. Начав Перестройку, Горбачёв многое успел сделать для демократизации страны и общественно-политического и экономического строя. Придя к власти в партии, он произвел замену основной массы [старых кадров брежневского призыва](#) на новую команду управленцев. Именно тогда в руководстве страны появились [Александр Яковлев](#), [Егор Лигачёв](#), [Николай Рыжков](#), [Борис Ельцин](#), [Анатолий Лукьянов](#) и другие активные участники будущих событий.

В декабре 1986 года из ссылки в [Горьком](#) освобождаются правозащитник академик Андрей [Сахаров](#) и его жена Елена [Боннэр](#). В феврале 1987 года помилованы и вернулись из заключения 140 [диссидентов](#).

Январский пленум 1987 года по инициативе Горбачёва объявил о коренной перестройке управления экономикой и начале масштабных реформ во всех сферах жизни советского общества.

В 1987 – 1988 годах опубликуются почти все запрещённые ранее литературные произведения. Увидели свет «Реквием» Ахматовой, «Софья Петровна» Чуковской, «Жизнь и судьба» Гроссмана, «Доктор Живаго» Пастернака, «Котлован» Платонова, «Собачье сердце» Булгакова, «Дети Арбата» Рыбакова, «Плаха» Айтматова, «Белые одежды» Дудинцева. Вновь встал вопрос о сталинских репрессиях и реабилитации их жертв. В сентябре 1987 г. была создана комиссия Политбюро по реабилитации, которую возглавил Александр Яковлев.

В 1988 году вышел на экраны запрещённый для показа более двадцати лет фильм Александра Аскольдова «Комиссар», снятый по рассказу Василия Гроссмана «В городе Бердичеве». Впервые тема еврейской жизни и человечности прозвучала в кинематографе со всей неожиданной силой. В это же время был показан пролежавший на полках многие годы пронзительно честный фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Открытие в конце 1987 года [Оптиной пустыни](#) и [Толгского монастыря](#) и публичное празднование [1000-летия крещения Руси](#) в 1988 году воспринимались как знаки перемен в политике государства в отношении церкви и свободы вероисповедания.

Но, будучи Генсеком, Горбачёв не осмелился посягнуть на Коммунистическую партию и общественную формацию, оставаясь непоколебимым сторонником социализма. Он не сразу рассмотрел в Ельцине «инакомыслящего», которого, как члена Центрального комитета, по рекомендации Лигачёва, перевели на работу в Москву и вскоре назначили секретарём ЦК. В декабре 1985 года он был рекомендован [Политбюро](#) на должность первого секретаря Московского городского комитета партии, а на [съезде](#) в феврале 1986 года избран [кандидатом в члены Политбюро](#) и оставался в этой должности до 18 февраля 1988 года.

Партийная верхушка, осознав опасность, которую представлял для них Ельцин, пыталась вначале его скомпрометировать в средствах массовой информации, приписывая ему алкоголизм и увлечения женщинами, потом с помощью органов организовали несколько покушений. Но Ельцину удалось выжить и повести успешную борьбу с компартией и её главным орудием власти – КГБ.

С 1988 года в стране начинает постепенно нарастать общая неустойчивость: ухудшается экономическое положение, [сепаратистские](#) настроения рвут страну на части, на национальных окраинах происходят первые [межнациональные столкновения](#). Нагорный Карабах требует присоединения к Армении, в Сумгаите и Баку начинаются погромы, вспыхивает война между Азербайджаном и Арменией. В Узбекистане местное население принялось вырезать турок-месхетинцев и жечь их дома в Фергане, а в Андижане произошёл армяно-еврейский погром.

В апреле восемьдесят девятого после заявления Абхазии и Южной Осетии о выходе из состава Грузинской ССР в Тбилиси начинаются митинги протеста, которые разгоняются войсками МВД. В давке на площади у дома правительства погибли десятки и пострадали сотни людей. С этих трагических событий начался процесс консолидации грузинского общества вокруг идей национальной независимости и восстановления грузинской государственности. В Литве, Латвии и Эстонии создаются народные фронты и движения, требующие политической и экономической независимости.

Экономические реформы, вопреки ожиданиям, привели к значительному снижению производства и безработице, дефициту товаров народного потребления, инфляции, повышению цен и резкому падению уровня жизни. Эти причины, помимо множества других, сыграли в эти годы главную роль в неудержимом росте еврейской эмиграции.

А наши герои жили, работали и любили, преодолевая трудности и стараясь не замечать происходящие в стране перемены. Осенью восемьдесят седьмого года отыграли свадьбу Роман и Мария в ресторане на Ленинском проспекте, в котором они познакомились, в декабре Илья женился на Мире, которая была уже на четвёртом месяце беременности, весной восемьдесят восьмого свадьбу справили Саня и Виктория. Потом, как всегда бывает в молодых семьях, стали рождаться дети, заполнившие квартиры звонким плачем и счастливой суетой бабушек и дедушек. У Илюши и Миры в конце мая родился сын, которого без долгих колебаний назвали Давидом. Виктор предложил им сделать обрезание. Ему не без труда удалось убедить отца и брата, товарищи помогли найти опытного мозеля, который согласился провести брит-милу дома. На удивление присутствующих, особенно дрожащих от страха бабушек и Миры, ребёнок достойно избавился от крайней плоти, всхлипнув только один раз и сразу же после перевязки уснул.

В сентябре начались схватки у Маши. Вечером Рома привёз её в родильное отделение больницы, где она работала и где её уже ждали. Утром она разрешилась родами. Девочку назвали Светланой. А весной восемьдесят девятого у Саньки и Вики появилась на свет малютка Евгения.

Ромка успешно продвигался по службе в строительно-монтажном управлении, заводя в Москве полезные связи и знакомства. Илья продолжал гастролировать, а возвращаясь каждый раз домой, помогал жене кормить и пеленать ребёнка и выходил с ним на прогулку. Санька блестяще защитился, но рекомендации в аспирантуру, на которую рассчитывал, так и не дождался. Не оправдались и его надежды получить направление в один из институтов Академии наук. Но семью надо было содержать, и, помыкавшись пару месяцев, не без помощи Наума Марковича, он устроился математиком-программистом в проектный институт.

2

Неприятности, павшие на плечи Виктора, брата Илюши, сказались решающим образом на его мироощущении. Он стал надевать ермолку, как в идише называли лёгкую круглую шапочку – традиционный еврейский головной убор, привлекая к себе внимание местной детворы и пересуды взрослых. Но как в своё время Вениамин Аронович Гинзбург, Виктор не обращал на это внимание и гордо и самозабвенно носил кипу, символизирующую скромность, смирение и благоговение перед Всевышним. Храня верность своей девушке Валентине, с которой познакомился ещё в МИИТ е, он настоял на том, чтобы она приняла иудейскую веру. Валя согласилась с его требованием и прошла гиюр при Московской хоральной синагоге. После обряда бракосочетания под хупой они сняли в Черёмушках маленькую квартирку, в народе названную «хрущёвкой», где вскоре появились на свет друг за другом мальчик и девочка. Как только представилась возможность уехать из страны, они получили «вызов» из Израиля и подали заявление на выезд. Иногда по воскресеньям Виктор с Валею и детьми навещались в дом на Большой Серпуховской. И тогда благодарные родители обсуждали с ними все вопросы и возились с внуками.

В это воскресенье у Илюши не было концерта и ему удалось выбраться к родителям, оставив жену с ребёнком дома. Виктор обнял брата, и они присели за столом в гостиной. Леонид Семёнович достал бутылку виски, взял три рюмочки и присоединился к ним.

– Давайте-ка, братцы, выпьем за жизнь, как говорят евреи. Ле-Хайим! – сказал отец. – Давно мы не собирались вместе. Конечно, наше гнездо опустело. Вы женились, разъехались, родили детей. И всё же родительский дом не забывайте.

– А мы и не забываем, папа, – подбодрил его Илюша.

Они выпили. Закусывать не стали, чтобы не перебить аппетит: Елизавета Осиповна возилась на кухне, готовя обед.

– Ты подавать не собираешься? – спросил Илюшу Виктор.

– Мне пока и здесь неплохо. Я стал знаменитым и востребованным пианистом. Жена работает в престижном журнале, Давид подрастает. Что мне ещё нужно? Да и родители работают и живут здесь.

– Еврей, Илюша, должен жить в своей стране, строить своё государство и служить своему народу. Галич в своей песне правильно поёт: «не шейте вы ливреи, евреи». Михоэлс и вся еврейская элита думали, что служение Советскому Союзу защитит их и близких им людей. Они ошиблись. Все были уничтожены.

– Витя, тогда было другое, жестокое время, – заметил Леонид Семёнович.

– Папа, конечно, сейчас евреев убивать не будут. Но в период хаоса, который переживает страна, будут искать виновных во всех неурядицах. И не сомневайтесь, что найдут именно нас.

– Ну, предположим, что возникнет ситуация, которая заставит подняться и уехать, – согласился Илюша. – Но почему именно в Израиль. Мне Америка представляется более удобной для жизни страной.

– Не говори мне о Соединённых Штатах. На Эвианской конференции в тридцать восьмом году их представитель заявил, что квоты на евреев они увеличивать не будут. То же сделала и Великобритания, беря пример со «старшего брата». Все страны, кроме Китая, дали понять, что евреев спасать не собираются. Нацисты сделали вывод, что «свободный мир» не озабочен судьбой евреев. Это развязало им руки. Когда в 1939 году корабль «Сент-Луис» с беженцами из Германии прибыл к берегам Кубы, им не позволили спуститься на берег. Отказывая евреям в приёме, они знали, что обрекают их на гибель. Америка не пошевелила пальцем, чтобы их спасти, и когда судно направилось к берегам Флориды, сторожевые корабли отгоняли его со всей страстью, достойной лучшего применения. Конгресс США отклонил законопроект, разрешающий въезд из Германии двадцати тысячам еврейских детей в возрасте до 14 лет. Во время войны политика союзников в еврейском вопросе состояла в том, чтобы не мешать Германии выполнять грязную работу. Черчилль и Рузвельт упорно отказывались разрушать узловые станции и подъездные пути к лагерям смерти. А они знали, что творится в Освенциме, но железные дороги, по которым нацисты гнали туда вагоны с обречёнными, не бомбили. Соединённые Штаты не меньше, чем Третий рейх, ответственны за холокост. Продолжать или и так всё понятно? – взволнованно произнёс Виктор.

– Ты прав, – сказал Леонид Семёнович. – Жаль, что сотни тысяч уехали в Америку. Хотя Израиль – тоже большой вопрос.

– Папа, ты не виноват в том, что ничего не понимаешь ни в иудаизме, ни в истории. Партия сделала всё, чтобы уничтожить нашу веру и культуру. Просто случилось чудо, вождь сдох и не успел истребить наш народ физически. Да и после смерти Сталина продолжали нас гнать и изводить, а советский народ обманывать и натравливать на евреев, – продолжал Виктор. – А теперь взгляните на всю историю под другим углом. Израиль – страна и народ Всевышнего. Он вывел Авраама из Месопотамии и в девяносто девять лет сделал его отцом, а его внука Якова – родоначальником народа. Спас от голода, уведя всю семью Якова в Египет, с помощью своего избранника-пророка Моисея и десяти казней египетских вынудил фараона отпустить евреев, кормил их в Синайской пустыне манной небесной, начертал на каменных скрижалях десять заповедей, нравственный кодекс народа, и продиктовал Моисею Пятикнижие. Дал им в вечное пользование Святую землю, текущую молоком и мёдом. Избрал царя Давида, чтобы уничтожить врагов Израиля, и царя Соломона, чтобы построить храм. Когда отвернулись евреи от веры, привёл в страну Навуходоносора, который разрушил Иерусалим и храм и увёл цвет народа в плен. Спас их от погрома Амана в Персидской империи, когда царица Эсфирь уговорила царя Ахашвероса позволить евреям защищаться и уничтожать своих врагов. Потом во времена правления Кира Великого вернул их в Святую землю, и с помощью священника Эзры восстановил храм и воссоздал еврейскую жизнь в стране. Поднял восстание Маккавеев против империи греков, помог им победить и очистить храм от скверны, призвал к власти Ирода, построившего Второй храм. Когда народ перестал соблюдать главную заповедь «любить ближнего» и ненависть и вражда охватили страну, привёл туда римские легионы, которые разрушили храм, и рассеял нас по всему миру.

– Спасибо за интересный рассказ. Но прошло около двух тысяч лет, а евреи до сих пор проживают везде, где ступала нога человека, – съязвил Илюша.

– История, дорогой мой, продолжается, – не уступал Виктор.

Он поднялся со стула и, открыв дорожную сумку, достал оттуда книгу.

– Я принёс ТАНАХ, чувствовал, что понадобится. Так вот, Тора была написана задолго до того, как началась Иудейская война. Я читаю из «Второзакония»: «И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли и до края земли». Тора продолжает и говорит: «Но и между теми народами ты не успокоишься, и не будет покоя ступне твоей ноги». Мы же знаем, как изгоняли евреев из всех стран, где они проживали. А в книге «Числа» сказано, читаю: «Но и при всем этом, когда они будут в земле их врагов, не презрю Я их и не возгнушаюсь ими до

того, чтобы истребить их, ибо Я Господь, Бог их». Это стих посреди главы о гневе Всевышнего и Его возмездии. За несколько стихов до этого Тора описывает разрушение Храма, войну и бедствия, которые предшествуют этому разрушению и будут сопровождать его. Тора, таким образом, знала заранее, что будут бедствия и страдания, но вместе с тем она обещает, что народ Израиля никогда не будет уничтожен. Вот ещё из «Второзакония»: «И станешь ужасом, притчею и посмешищем среди народов, к которым отведет тебя Господь». «И будет твоя жизнь висеть на волоске перед тобою, и будешь бояться ночью и днем, и не будешь уверен в твоей жизни. Утром скажешь: “О, если бы настал вечер!”, а вечером скажешь: “О, если бы настало утро!” от страха в твоём сердце, которым ты будешь объят и от зрелища, которое увидишь». Тора предвещает, что нас везде будет преследовать антисемитизм. Там же Тора говорит: «Принесет на тебя Господь народ издалека, с края земли, как орел налетит народ, языка которого ты не поймешь». Проходит с тех пор более тысячи лет и Римская империя, герб которой орёл, вторгается в страну, разрушает храм и изгоняет оттуда наш жестоковыйный народ. А вот ещё одно предсказание, которое сбылось: «И вернет тебя Господь в Египет на кораблях... и будете продаваться там врагам вашим в рабы и рабыни, и нет покупателя». На рынках было так много рабов из поверженной Иудеи, что они совершенно обесценились. И сразу же после изгнания евреев, страна должна превратиться в пустыню: «И опустошу Я землю, и будут пустовать на ней ваши враги, обитающие на ней,... и будет ваша земля в запустении, а города ваши будут развалинами».

– Довольно, Витя, убедил, – взмолился Леонид Семёнович. – Молодец, ты прекрасно знаешь Тору. Но где же предсказание о возвращении в Святую землю?

– Папа, так я же не договорил. Потом уже Всевышний говорил устами пророков.

Он минуту что-то искал в книге и, найдя, победно взглянул на отца.

– Многие пророки предрекали возвращение в Сион. Вот что сказал Исайя: «Вот эти издалека придут, и вот эти – с севера и с запада, и эти – из земли Синим. Спешат сыновья твои; разрушители твои и опустошители твои уйдут от тебя. Подними свои глаза и посмотри вокруг: все собрались, пришли к тебе...» Вот ещё он говорит: «И отстроят они руины вечные, развалины древние восстановят они и обновят разрушенные города, пустовавшие испокон веков». «...еще будут сидеть на площадях Иерусалима старики и старухи... и наполнятся улицы города мальчиками и девочками, играющими там». И это не только у Исайи, об этом говорили и другие пророки за две с половиной тысячи лет до того, как страна возродилась. В книге Иезекииля сказано, что страна будет процветать, когда народ Израиля будет находиться в ней, и будет пустовать, когда евреи будут изгнаны. Евреи оставляют её и уходят в изгнание. А земля ждет их возвращения и не принимает никакой другой народ – она хранит верность сынам Израиля. В самом большом запустении страна находится во время правления сынов Ишмаэля, и из их рук она отдаётся евреям. Когда народ Израиля, в конце концов, возвращается на свою землю, она опять начинает приносить плоды. Народ возвращается в большинстве своем без Торы и заповедей, но обрезание продолжает выполнять. А между прочим, Аврааму Всевышний отдавал страну при условии, что он сделает обрезание себе и всем, кто был с ним. Сразу же после его прибытия возникает палестинская проблема, осложняющая заселение и пребывание в Святой земле. О ней тоже говорили пророки.

– Потрясающе, – искренне заметил Илюша. – У Нострадамуса все предсказания какие-то неясные, туманные. А здесь написано так понятно, будто писал наш современник. Значит, в Библии закодирована вся история еврейского народа?

– Поздравляю, Илья, наконец, и до тебя дошло, – заулыбался Виктор.

– Но на этом твоя история и кончается, – глубокомысленно произнёс Леонид Семёнович.

– Ошибаешься, папа. Всевышний никогда не оставлял свой народ. В конце девятнадцатого – начале двадцатого века он поставил во главе движения сионистов Теодора Герцля. Когда в Российской империи начались жестокие погромы, он выдвинул Ленина и Троцкого, под руко-

водством которых совершилась революция. Когда в Германии к власти пришёл Гитлер, он с помощью Сталина осуществил индустриализацию и, столкнув две страны в смертной схватке, уничтожил нацистский режим, которому почти удалось осуществить тотальное уничтожение еврейского народа. А когда Сталин задумал продолжить дело, начатое Гитлером, и извести еврейский народ, Всевышний выбрал людей, покончивших с вождём.

– Я всегда считал, что люди действуют в соответствии с их интересами и желаниями. Просто Берия и Хрущёв осознали опасность, которую представляет для них вождь, – заметил Илюша.

– Но это не отвергает постулат, что такую ситуацию создаёт высшая сила, – парировал Виктор.

– Мы все на Земле у Мюллера под колпаком, – усмехнулся Илюша.

– Представь себе, это так. Наконец, Бен Гурион собрал в Тель-Авиве товарищей и провозгласил государство Израиль. Всевышний помог одержать победы во всех войнах, включая войну за Независимость, Шестидневную и Судного дня. А в Советском Союзе привёл к власти Горбачёва, взорвал Чернобыльскую атомную электростанцию и создал условия для еврейской эмиграции, которой ещё не видел мир. А сейчас появился Ельцин, который, мне думается, завершит дело, начатое генсеком.

– Ты ведёшь к тому, что если ехать... – сообразил Илюша.

– То только в Израиль, потому что он находится под покровительством Всевышнего.

– Если будет следовать его заповедям, – не унимался Илюша.

– Конечно. Он должен стать нравственным и духовным светочем всего человечества, – закончил Виктор.

– Твоя концепция божественной истории весьма спорная, Витя, – задумчиво произнёс Леонид Семёнович. – Для тебя, верующего человека, она истинна. Возможно, ты прав. Проблема в том, что Всевышний очень давно не являлся народу и не может ни подтвердить, ни опровергнуть твои слова.

– Мальчики, обедать, – позвала Елизавета Осиповна.

Они выпили ещё по рюмочке виски, поднялись из-за стола и пошли на кухню.

3

Через несколько месяцев Виктор получил разрешение и после многолюдных проводов уехал с Белорусского вокзала, платформа которого была заполнена толпой эмигрантов и провожающих. Многие из них полагали, что видятся в последний раз. Они не могли знать, что эмиграция начнёт нарастать снежным комом, и в течение первых трёх лет страну покинут около полумиллиона человек. Виктор с семьёй обосновались в Иерусалиме. Письма от него приходили каждую неделю. Он не скрывал трудности, с которыми сталкивался, но об Израиле и израильтянах писал с восторгом.

Прошло два года. В 1989 году начинается резкая дестабилизация обстановки в стране. После [I Съезда народных депутатов](#) возникает противостояние [коммунистической партии](#) с возникшими в процессе [демократизации](#) общества новыми политическими группировками. Начатые по инициативе сверху, перемены во второй половине 1989 года выходят из-под контроля властей. Трудности в экономике перерастают в полномасштабный кризис: в 1989 году экономический рост резко замедляется, в 1990-м сменяется падением. Происходит катастрофический обвал жизненного уровня населения: реальностью стала массовая нищета и безработица. Хронический [товарный дефицит](#) опустошил магазины. Перестроечная эйфория сменялась разочарованием и неуверенностью в завтрашнем дне.

Однажды в мае Илюша позвонил Ромке.

– Привет, дружище! Сегодня Давидке два года.

– Извини, забыл, замотался. Сегодня, чтобы что-то построить, нужно ещё добыть материалы, найти поставщиков, что-то платить рабочим. Ты же знаешь, всё в стране разваливается.

Да и Светочка требует мужского внимания, не только Маша, – оправдывался Рома. – Конечно, поздравляю. Пусть он растёт здоровенький и счастливый.

– Думаешь словами отделаться? – усмехнулся Илюша. – Мы с Мирой хотим устроить день рождения. В магазинах всё равно ничего не достанешь, так хоть в ресторане наедемся. Ты согласен?

– Что за вопрос, конечно. Когда ты хочешь?

– Поговорю ещё с Санькой. Тогда и решим, – произнёс Илюша. – Ну, пока, целуй Машеньку.

Санька сразу же согласился, и друзья договорились встретиться в воскресенье. Илья заказал стол в ресторане на двенадцать часов дня.

Пешеходная улица Арбат в центре Москвы всегда привлекала людей надуманной, но стойкой иллюзией свободы и другой, лучшей жизни. Одно, двух и трёх этажные особняки в стиле ампира, принадлежавшие прежде знаменитым аристократическим родам России и построенные в восемнадцатом, девятнадцатом и начале двадцатого века, с обеих сторон мощёного брусчаткой променада перемежались здесь с большими, доходными домами и добротными многоквартирными зданиями. Фонари в стиле ретро на металлических столбиках посредине улицы, как одинокие часовые, провожали своими белыми стеклянными глазницами праздный людской поток. Вазоны с цветами и скамеечки для отдыха оживляли широкое пространство между домами. Ресторанчики и кафе привлекали прохожих изысканной или просто вкусно пахнущей едой, прохладой и скромным непритязательным уютом. Художники, расположившиеся на раскладных стульчиках со стороны Гоголевского бульвара, зазывали предложением за десять минут нарисовать портрет или шарж за смешные деньги. Их картины, выставленные на продажу, редко находили покупателя. Народ в большинстве своём в последнее время жил бедно и скудно, едва сводя к концу месяца концы с концами.

Стол им накрыли под навесом, примыкающим к внешней стене дома, за низкой оградой, захватывающей часть пешеходной зоны. В этот погожий день здесь было уютно и тихо, и отсюда хорошо просматривалась в обоих направлениях почти вся прямая и длинная улица. Илюша с Мирой и ребёнком пришли первыми, и он сразу же принялся хлопотать и договариваться с официантами. Вскоре появились Рома с Машей и Светой на руках и, Санька с Викой, толкавшей перед собой детскую коляску.

– Мы с Викторией недавно были здесь на экскурсии, – сказал Санька, усаживаясь за столом. – Эта улица – музей, здесь каждый дом – объект истории, культуры или архитектуры. Сюда в двухэтажный особняк Пушкин привёз Наталью после свадьбы, и они прожили здесь месяца четыре. На этой улице родился генералиссимус Суворов, жили Андрей Белый, Блок, Герцен и Огарёв, Тургенев, Фёдор Тютчев, Владимир Высоцкий, работал Гиляровский, который написал «Москва и москвичи».

– Вон в том доме на четвёртом этаже сейчас проживает Булат Окуджава, а напротив – Анатолий Рыбаков, – подключилась к разговору Виктория. – В сороковых годах по Арбату проезжал с загородной дачи в Кремль отец народов Сталин. НКВД арестовало группу молодых людей и пришло им покушение на вождя. А потом выяснилось, что окна квартиры, где они собирались, вообще выходили во двор. Эту историю и дом, в котором жил Рыбаков, он описал в романе «Дети Арбата». Маргарита, возлюбленная Мастера, проносилась вдоль улицы ведьмой.

– Здесь было популярное кафе «Арбатский подвал», – продолжал Санька. – Его посещали Маяковский, Есенин, Айседора Дункан, Белый, Блок, Пастернак и прочие. Есенин там читал свою поэму «Пугачёв». Вахтангов в двадцатых годах основал студию драматического искусства, а потом на месте особняка Берга, куда во время войны попал снаряд, построили театр. В другой театральной мастерской, не помню, как она называется, начинали [Эйзенштейн](#), [Юткевич](#), [Герасимов](#), [Тамара Макарова](#), [Барнет](#). Там работали [Масс](#), [Осип Брик](#), [Матвей Блантер](#). В начале двадцатого века в мансарде дома Ечкина в стиле «модерн», сейчас там гостиница, нахо-

дидась мастерская скульптора Коненкова, а потом туда поселились знаменитые живописцы Корины, и их посещал Горький. Константин Юон руководил тут студией, это недалеко отсюда, через которую прошли [Роберт Фальк](#), [Фаворский](#), [Александр Куприн](#), [Давид Бурлюк](#), [Сергей Городецкий](#), [Мухина](#). Рассказывать можно бесконечно. В общем, друзья, здесь родилась вся русская культура и наука. Очень рекомендую пойти на экскурсию. Я записал телефон экскурсовода. Очень эрудированный парень.

– Отец говорит, что каждый третий дом на улице или построен евреями, или принадлежал им. Он участвовал во времена Андропова и Черненко в реконструкции улицы, – заметил Ромка. – Положили два с половиной гектара плиток без цемента, их ровняли специальными резиновыми молоточками. В восемьдесят шестом отремонтировали фасады, поставили фонари, и работы закончили. Тогда появилась фраза «Арбат офонарел». Её приписывают Окуджаве.

– Что-то я проголодался, – остановил Рому Илюша. – Давайте поедим что-нибудь. Сергей, – позвал он, – прими наш заказ.

Когда официант ушёл, Илюша достал из-под стола бутылку «Советского шампанского», открыл и разлил по бокалам.

– Выпьем, друзья, за здоровье Давида, которому предстоит участвовать в разборке тех руин, над которыми трудится сейчас, не покладая рук, наш народ под руководством коммунистической партии.

– Хорошо сказано, – оценил Санька. – Только я не уверен, что ему следует исполнять эту историческую миссию. Я бы лучше пожелал ему участвовать в строительстве капитализма в Соединённых Штатах. У вас хороший стартовый потенциал, ребята: оба евреи, Илюша – пианист от бога, Мира тоже не лишена способностей, Давиду всего два года.

– Спасибо, дружище, – поблагодарил его Илюша. – Но я не уверен, что родители после отъезда Виктора в Израиль, захотят перебираться в Америку.

– Кстати, как там Витя? – спросил Ромка.

– У него всё хорошо. Ему засчитали три с половиной года института, откуда его выгнали, он поучился ещё один год и получил диплом инженера. Валентина, надо отдать ей должное, устроилась на хорошую работу и тянула семью, пока он учился. Теперь он тоже работает, кажется, в Электрической компании, и хочет построить дом в поселении недалеко от Иерусалима.

– Неплохо, – сказал Санька. – Но мне кажется, твоя профессия больше подходит для Штатов. Там любят музыку, и ты будешь великолепно зарабатывать. Между прочим, ты подал заявку на участие в конкурсе Чайковского?

– На будущей неделе начнутся отборочный тур и предварительные прослушивания. Я попросил Женю Кисина, и он подал на меня рекомендательное письмо. А другое написала мой педагог Светлана Моисеевна Рувинская. Программу подготовил. Эти произведения я не один раз исполнял во время гастролей. Жюри уже меня утвердило. Надеюсь на какую-нибудь премию. И тогда не важно, в какой стране жить. Концерты ведь будут по всему миру.

Подошёл с подносом Сергей и поставил на стол два больших блюда овощного салата и доску с аппетитно пахнущим хлебом. Потом он ушёл и вернулся с тарелками ростбифа и картофелем с грибным соусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.